

М. К. ЮРАСОВ

НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ РУСИ

НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. К. ЮРАСОВ

НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ РУСИ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2018

УДК 94(4)
ББК 63.3(2)41
Ю64

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэрнов,
А. Ю. Каракинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор *М. Б. Сверлов*

Юрасов М. К. На западных рубежах Руси. — СПб.: Наука, 2018. — 235 с.

ISBN 978-5-02-040539-4

Книга М. К. Юрасова (ИРИ РАН) посвящена взаимоотношениям домонгольской Руси с западными соседями. Рождение древнерусского государства, становление его как крупной европейской державы, постепенное расширение границ неминуемо привели к тому, что контакты с соседними народами и державами становились все более сложными и многогранными. Русские князья из династии Рюриковичей от Владимира Святого до Владимира Мономаха всегда пристально следили за событиями, происходившими на западном направлении. Несмотря на то что граница с финно-балтскими племенами на северо-западе была более протяженной, главные внешнеполитические интересы русских князей на западе касались взаимоотношений с Польшей и Венгрией. Вся история Древней Руси отмечена нескончаемой чередой войн, вторжений и переговоров, интриг, заключения союзов с венгерским и польским королевствами, от этих союзов зависели судьбы Восточной и Южной Европы.

Для студентов и преподавателей гуманитарных вузов и всех интересующихся российской историей.

ISBN 978-5-02-040539-4

© Юрасов М. К., 2018
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2018
© Палей П., оформление, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена внешнеполитической истории домонгольской Руси, ее взаимоотношениям с западными соседями. Как можно увидеть в школьных атласах по истории, западными соседями восточных славян были как этнические группы, находившиеся на догосударственном уровне политического развития (финно-угорские и балтские племена), так и раннегосударственные образования, склонившиеся у западных славян (в Польше и Чехии) и у совершивших долгий путь постепенной миграции из Западной Сибири на Средний Дунай венгров. Хотя граница с названными племенными группами была более протяженной, чем с ранними государствами, отношения Древней Руси с предками современных эстонцев, латышей и литовцев никогда не были приоритетными в рассматриваемое время. Главные же внешнеполитические интересы русских князей на западном направлении касались взаимоотношений с Польшей и Венгрией. Об этом косвенно свидетельствует неоднократно встречающееся в летописях выражение, играющее роль призыва к единению всех потомков легендарного Рюрика: «Мы не венгры и не поляки, а единого деда внуки».

В соответствии с традициями научно-популярной литературы, в настоящей работе не учитываются все точки зрения и гипотезы исследователей по дискуссионным проблемам внешней политики Древней Руси. Кроме того, автор считает, что в случаях, когда информация источника не нуждается в специальном текстологическом комментарии, лучше процитировать его текст в переводе на современный русский язык, чем пересказывать его. Это особенно ярко за-

метно в последней главе этой книги, посвященной событиям последних десятилетий перед приходом на Русь войск Бату-хана, когда главным источником по истории русско-венгерских и русско-польских отношений является доведенная до 1292 г. Галицко-Волынская летопись. При этом в книге нет специальных разделов, посвященных источниковедению привлекаемых автором средневековых письменных памятников. На проблемы достоверности некоторых сведений источников обращается внимание лишь в тех случаях, когда это имеет принципиальное значение.

Автор является специалистом по истории русско-венгерских отношений времен правления в Венгрии династии Арпадов (ок. 895—1301). Поскольку на отношения между Рюриковичами и Арпадами оказывали активное влияние соседние государи — правители Польши, Византии, Чехии, Германии, а иногда и вожди кочевых племен, живших в южнорусских степях, в своих исследованиях автор должен был серьезно заниматься историей названных государств и народностей для того, чтобы понять, какое место занимали русско-венгерские отношения в общем контексте политической истории Восточной и Юго-Восточной Европы в затрагиваемое время. Применительно к домонгольскому времени отношения между Русью, Венгрией и Польшей порой переплетались настолько тесно, что невозможно рассматривать контакты между русскими и венграми на разных уровнях без учета событий, происходивших в Польше.

В связи с тем, что контакты с соседними государственными образованиями на юго-западном участке древнерусской границы были значительно более интенсивными и разнообразными, чем с племенами, проживавшими на северо-западном порубежье русских земель, основное внимание в книге уделено развитию русско-венгерских и русско-польских отношений в домонгольское время. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся внешнеполитической историей Древней Руси до Батыева нашествия, поэтому ссылки на средневековые зарубежные источники даются в их изданных русских переводах, а при отсутствии таковых приводятся в переводах автора.

ГЛАВА 1

СКЛАДЫВАНИЕ ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Южный и северный очаги русской государственности

Вопрос о том, до каких пределов на западе простирались владения первых русских «каганов» и князей, остается дискуссионным, поскольку не позволяет найти ответ на него в дошедших до нас письменных источниках. В середине XX в. М. Н. Тихомиров и А. Н. Насонов на основании анализа употребления в Повести временных лет горонима «Русская земля» (в различных вариантах) сформулировали основные положения концепции о Русской земле в узком и широком смысле. При этом первоначальная территория «Русской земли» соответствовала пределам древнейшего южнорусского раннегосударственного образования IX в., которое, возможно, называлось «Русским каганатом» и охватывало области с центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле. Хотя границы этой «Русской земли», к названию которой прибавилось определение «в узком смысле» (или «в узком значении»), уточнили в своих работах Б. А. Рыбаков и В. А. Кучкин, их поправки не коснулись ее западных пределов. В исторической географии Древней Руси утвердились представления о том, что на западе древнейшее территориально-политическое объединение южных этнических групп восточного славянства про-

стиралось в виде достаточно узкого выступа до верховьев рек Южный Буг, Збруч, Случ и Горина. В середине XII в. эти земли были захвачены галичскими князьями у правителей Киева.¹ Если признать данную локализацию западных границ «Русского каганата» верной, получается, что территориально-политические объединения волынян и (белых)² хорватов, которые в Повести временных лет (далее: ПВЛ) упоминаются как составные части восточнославянского этноса, в IX в. не входили в состав первоначальной Руси.

Самым известным европейским географическим сочинением раннего Средневековья является «Описание городов и областей к северу от Дуная», более известное как «Баварский географ». Его создание датируется исследователями серединой — второй половиной IX в. Несмотря на то что этот письменный памятник был составлен на основе данных, полученных от тех, кто пользовался торговым путем, связывавшим Среднее Поднепровье с Верхним и Средним Подунавьем, его информация представляется сильно преувеличенной (относительно числа городов у перечисляемых географом этнических групп) и в ряде случаев трудной для понимания (в плане ономастики). Здесь упоминается Русь (*Ruzzi*), но названия отдельных территориально-этнических образований восточного славянства в перечне не встречаются.³ Поскольку это действительно не более чем перечень, никаких географических ориентиров для локализаций в нем нет. В связи с этим здесь нельзя найти ответ на вопрос, кто входил в понятие *Ruzzi* и каков был ареал их расселения.

В то же время этоним «русь, русский» уже в IX в. распространялся на население, проживавшее на более западных территориях, чем «Русская земля» в узком значении. Об обозначении им всех восточных славян утверждал вскоре после выхода известной монографии А. Н. Насонова русский историк-эмигрант А. В. Соловьев. Основанием для такого утверждения послужили сведения ПВЛ о вхождении волынян и (белых) хорватов в состав восточного славянства и участии последних в походе Олега на Византию 907 г. Кроме того, есть еще данные топонимии, в том числе упомина-

ние «Русамархи» в одном из дипломов восточнофранкского короля Людовика Немецкого (843—876). Уже во второй половине XIX—начале XX в., когда шло становление исторической географии Древней Руси как отрасли научного знания, Н. П. Барсов и С. М. Середонин заявляли о том, что линия Карпатских хребтов не являлась этнической границей восточного славянства, часть которого проживала и по другую сторону Карпат, доходя до Дуная между Эстергомом и Вацем, линии Эгерских гор и рек Шайо, Верхней Тисы и Самоша.⁴

Несмотря на господствующее положение в отечественной исторической науке вышеназванной концепции А. Н. Насонова, ряд исследователей конца XX—начала XXI в. выдвигает в своих работах аргументы в поддержку точки зрения А. В. Соловьева. Так, В. В. Седов допускает проживание славянского населения, называвшего себя *русью*, вплоть до окраин современного австрийского города Линца. И. И. Поп в своих работах отстаивает тезис о том, что предки современных подкарпатских русинов проживали в бассейне Верхней Тисы еще до прихода туда венгров на рубеже IX—X вв., в чем его поддерживает автор настоящих строк,⁵ обративший, в частности, внимание на то, что упоминаемые в Раффельштеттенском таможенном уставе (904/906 г.) русы вовсе не обязательно проживали на Днепре, как считают исследователи, но могли приходить и из более близких областей, прежде всего из Подкарпатской Руси, о чем свидетельствует их упоминание в одной фразе с чехами.⁶

Таким образом, до прихода в Киев князя Олега, которое ПВЛ датирует 882 г., мы не можем говорить о западной границе южнорусских земель, ввиду того что сложившееся на территории будущих Киевского, Переяславского и части Черниговского княжества политическое объединение, в основном представленное полянами, еще не вышло на естественные западные пределы расселения восточного славянства в южной половине Восточной Европы. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что рассматриваемые области были покрыты дремучими лесами, а значит, были малозаселенными. По мнению украинского археолога Б. А. Тимощука, тер-

ритория современной Буковины в эпоху складывания Древнерусского государства представляла собой часть «буферной зоны» между тогдашними славянскими раннегосударственными образованиями, ширина которой доходила до 200 км.⁷

Примерно такая же ситуация была и на более северных участках западного порубежья Древней Руси в IX—X вв. Поскольку они находились на значительном расстоянии от пути «из варяг в греки», где активная торговая деятельность способствовала процессу территориально-политической консолидации проживавших там этнических общностей, говорить о западной границе здесь можно лишь в рамках разграничения ареалов расселения поляков, балтов (а в самой северной части финно-угров) и восточных славян.

Согласно господствующим в современной исторической науке представлениям, до образования Древнерусского государства на землях, населенных восточными славянами, помимо южного (Русской земли в узком смысле) существовал еще и северный политический центр, охватывавший бассейн реки Волхов и прилегающие к нему территории. Основным населением этого территориально-политического объединения были ильменские словене. Западные границы этого объединения пролегали параллельно реке Волхов, примерно в 100 км к западу от нее. Между двумя объединительными центрами формировавшегося Древнерусского государства на западе находились пределы проживания дреговичей, полочан (которых многие считают частью дреговичей) и кривичей. Сама же западная граница проходила от верховьев Припяти до верховьев Западной Двины и далее до Чудского озера и вытекающей из него Нарвы.

Объединение Олегом русских земель вдоль пути «из варяг в греки»

Захват пришедшим с севера Олегом Киева, датируемый ПВЛ 882 г. и знаменовавший собой образование Древнерусского государства, побудил «вещего» князя расширить свое влия-

ние на максимально возможное число восточнославянских этнических групп, прежде всего на данников Хазарии (ради-мичей и северян). Что же касается западного и юго-западного направлений экспансии Олега, то здесь ему удалось лишь обложить данью древлян (по ПВЛ, в 883 г.), а война с уличами и тиверцами не принесла Олегу успеха. Возможно, этому помешали венгерские племена, остававшиеся в Северном Причерноморье до 895/6 г. Как показывают результаты исследований молдавских археологов, в междуречье Днестра и Прута в последние десятилетия IX в. сложилась общность местных тиверцев с венграми, которых вытеснили туда пришедшие из-за Волги печенеги. Последние во второй половине IX в. постепенно расселились вдоль южных границ созданного Олегом государства, добившись на рубеже IX—X вв. ухода венгров и присоединившихся к ним племен на земли Карпатской котловины.

Сильнейшими славянскими государствами второй половины IX в. были Великоморавская держава и Дунайская Болгария. Их владения не граничили с территорией, на которую распространил свою власть или влияние Олег, но самые западные группы восточного славянства попали в сферу интересов названных держав, о чем есть намеки в средневековых исторических сочинениях. Так, автор написанных на рубеже XII—XIII вв. «Деяний венгров» магистр П. — неизвестный нотарий венгерского короля Белы III (Венгерский Аноним) свидетельствует о том, что где-то в бассейне Верхней Тисы находилось «порубежье рутенов» (*confitum Ruthenorum*), куда болгарские правители переселили часть подвластных им славян. Цитированное выражение вызывает проблему определения эпохи, к которой оно относится. Как свидетельствуют результаты археологических исследований, владения болгарских правителей не простирались так далеко на север. Скорее всего, ареал расселения восточных славян достигал Трансильвании, где проходила часть северной границы Дунайской Болгарии.⁸

Что касается Великой Моравии, то ее пределы во время княжения Сватоплука I (870—894) простирались до нахо-

дившегося в верховьях Тисы Земплена.⁹ Здесь также проживали предки современных русинов, которых мог крестить св. Мефодий в 882 г. по пути в Константинополь. О том, что в 6390 г. от сотворения мира была крещена какая-то Русь, свидетельствует рукопись второй половины XV в., составленная гуманистом Михаилом Апостолисом. В ней название «Русь» передано по-гречески так, как писали до начала X в. с острым ударением вместо облеченного (Ρός). Признавая древность источника, использованного Михаилом Апостолисом, а значит, и достоверность приведенной в нем даты, исследователи не могут определить, какие именно «росы» могли быть крещены в год, которым ПВЛ датирует захват Киева «вещим» князем Олегом, поскольку Поднепровье здесь явно не подходит. Автор этих строк считает, что в данном случае речь идет о жителях Подкарпатской Руси, через которую как раз в это время проследовал св. Мефодий.¹⁰

О том, что русское население издавна проживало на землях, на которые распространялось влияние Великой Моравии, а затем Чехии, а также о ранней христианизации Подкарпатской Руси свидетельствуют легенды, встречающиеся в западнославянских исторических сочинениях XIV—XVI вв. Исследователи правы в том, что легендарные сведения об особой роли русинов/русских в христианизации чешских земель сами по себе ничего не доказывают, но возникают закономерные вопросы, например: зачем нужно было в XIV в. подчеркивать русинскую «национальность» Мефодия и то, что он ввел богослужение на русском языке, как это делает автор созданной в начале XIV в. рифмованной «Далимиевой хроники»? Основной целью этого исторического сочинения было прославление пришедшей к власти в Чехии в 1310 г. династии Люксембургов, а Русь в то время представляла собой поделенную между Литвой и Золотой ордой совокупность отдельных мелких княжеств.

В списке народностей, подвластных моравскому князю Сватоплку I, составленном чешским хронистом Пршибилем Пулкавой из Раденина (ум. в 1380), встречаются *Russani*.¹¹ Эту традицию продолжил (по-видимому, опираясь на

ческие средневековые источники) один из видных историков польского Возрождения Марцин Бельский (ок. 1495—1575), написавший знаменитое сочинение «Хроника всего света». Значительная часть текста первой редакции этого труда, вышедшей в 1550—1551 гг., была переведена на русский язык и включена в «Хронограф западнорусской редакции», составленный в 50-е гг. XVI в. Среди этого материала можно встретить небольшой рассказ о том, как Сватоплук I при поддержке не названного по имени русского боярина принудил моравского (= чешского) князя-язычника Боривоя принять христианство.¹² Безусловно, доверять такого рода легендарным рассказам, написанным через много веков после краха Великой Моравии, нельзя, но стремление чешских хронистов и использовавшего их сочинения Марцина Бельского подчеркнуть роль русских в христианизации Великой Моравии заслуживает серьезного внимания исследователей.

Наличие таких серьезных этнико-политических образований, каковыми были Великая Моравия, Венгерский союз племен и печенеги, не позволило Олегу (882—912) выйти в своих экспансионистских устремлениях на западе за пределы «Русской земли в узком значении», поэтому юго-западная граница Руси изменилась при нем несущественно. Она так же, как и прежде, начиналась в районе реки Гориной, где соприкасались ареалы расселения полян и волынян. После подчинения Олегом древлян (по датировке ПВЛ, в 883 г.) признававшие верховную власть Киева территории достигали верхнего течения (но не истоков!) Припяти и далее западная граница Руси шла в северо-северо-восточном направлении, совпадая с линией сложившегося в предыдущие столетия территориально-этнического разграничения между балтами и восточными славянами. Впрочем, полностью доверять информации ПВЛ о том, что Олег якобы подчинил своей власти все этнические группы восточных славян, проживавшие вдоль пути «из варяг в греки», нельзя. Если вхождение в его государство кривичей еще можно допустить, поскольку никаких данных, опровергающих это, исследователями

не выявлено, то относительно полочан такого сказать нельзя. В данном случае, прежде всего, встает вопрос о том, откуда в Полоцке появилась местная варяжская династия (условно называемая историками Рогволодовичами), из которой происходила одна из жен Владимира Святославича (978—1015) Рогнеда.

Если кривичи проживали на линии водораздела Днепра, Волхова и Волги и благодаря этому были втянуты в активную торговлю между Скандинавией, с одной стороны, и Византией и Арабским халифатом, с другой, то Полоцк находился на Западной Двине, которая в рассматриваемое время являлась второстепенной водной артерией пути «из варяг в греки». Как свидетельствуют результаты новейших археологических исследований, Полоцк на рубеже IX—X вв. был «одним из славянских городков, разбросанных по лесам от Припяти до Поволжья».¹³ В связи с этим возникает обоснованное подозрение в том, что летописец включил Полоцк в число городов, занятых Олегом по пути из Новгорода в Киев, исключительно на основании важной политической роли Полоцка в эпоху написания ПВЛ. Ввиду незначительности Полоцка в то время, Олегу не было никакого смысла отклоняться на запад от прямого пути к Днепру, на котором находилась главная цель его похода — Киев.

Если говорить в целом о западных границах Руси при Олеге и на всем протяжении X в., то их северная половина, обозначавшая линию разделения восточных славян с чудью и балтскими этническими группами, была в то время стабильной. В раннем летописании отсутствуют какие-либо сведения о конфликтах в этом регионе. Более сложной была ситуация к югу от расселения балтских племен, поскольку там проживали не признавшие власть Олега волыняне, (белые) хорваты, уличи и тиверцы. Принадлежность этих этнических групп к восточному славянству не могла не побуждать киевских князей к поискам путей включения их в Древнерусское государство. В начале X в. Олег привлекал часть из них для решения своей главной внешнеполитической задачи — заключения выгодного торгового соглашения и воен-

ного союза с Византией. Перечисляя под 907 г. участников похода Олега на Константинополь, ПВЛ упоминает среди них «хорватов, дулебов и тиверцев, известных как толмачи».¹⁴ Правда, упоминание дулебов, живших в эпоху власти над славянами Аварского каганата (кон. VI—VIII в.), в одном перечне с территориально-этническими группами восточных славян более позднего времени вызывает сомнения исследователей в достоверности приводимого летописцами списка. Скорее всего, реальный перечень участников похода был дополнен одним из авторов ПВЛ путем включения в него всех известных ему групп восточного славянства, проживавших на юго-западных границах Руси, но в то же время в нем почему-то отсутствуют волыняне и уличи. Новгородская Первая летопись, сохранившая более раннюю версию начального русского летописания, ничего не сообщает о походе Олега 907 г., но она также ничего не знает и о, несомненно, реальном факте подписания Олегом договора с Византией в 911 г.

После вытеснения венгров из Северного Причерноморья кочевья печенегов распространились вплоть до Нижнего Дуная, где они, как прежде венгры, соседствовали с областями расселения уличей и тиверцев. Русско-печенежские отношения в то время еще оставались мирными. К тому времени, судя по ПВЛ, Олег прекратил попытки подчинения территориально-этнических групп восточного славянства, а в начале X в. он поставил перед собой задачу добиться признания созданного им государства Византийской империей. Это проявилось в походе на Константинополь, состоявшемся (по датировке ПВЛ) в 907 г., и в подписании Олегом договора с греками 2 сентября 911 г. Легкость, с которой создателю Древнерусского государства удалось добиться от Византии признания Руси равноправным с «империей ромеев» участником международных отношений в регионе Черного моря, показывает отсутствие в то время серьезной антирусской силы в Северном Причерноморье.

Пребывание племен Арпада в Подкарпатской Руси

Потерпев поражение от печенегов, часть покидавших Северное Причерноморье «угров» во главе с Арпадом двинулась в сторону Киева, о чем сохранились свидетельства в ПВЛ и историческом сочинении «Деяния венгров», написанном на рубеже XII—XIII вв. неизвестным нотарием венгерского короля Белы III. Скорее всего, взяв выкуп с жителей Киева, племена Арпада двинулись в сторону карпатских перевалов, после преодоления которых они оказались на землях, заселенных самыми западными группами восточного славянства — предками современных русинов. С точки зрения нашей темы важно отметить то, что юго-западные границы тогдашней Киевской Руси не только находились достаточно близко от Киева, но и не были укреплены. Автор «Деяний венгров» красочно описывает шествие племен Алмоша (отца Арпада, которому в этом сочинении приписывается руководство процессом миграции из «Скифии» в «Паннонию») через земли Волынского и Галицкого княжеств, где они также получили богатый выкуп, к Карпатским горам. Разумеется, никаких княжеских столов ни во Владимире-Волынском, ни в Галиче тогда не было, но сам факт прохождения венгерских и союзных им племен именно через эти территории подтвердил в ходе археологических раскопок Я. Пастернак.¹⁵

Критическая ситуация, сложившаяся в Венгерском союзе племен в середине 90-х гг. IX в. и вынудившая его покинуть степи Северного Причерноморья, привела к временному распаду союза на группы отдельных племен, часть из которых (скорее всего, во главе с Арпадом) прошла через южную Русь к Верецкому перевалу, а другая часть перешла линию Карпатских хребтов через более южные перевалы. В современной исторической науке господствует датировка этого события 895/6 г. Оснований для пересмотра этой датировки нет. По крайней мере, племена, не пошедшие через южную Русь, в указанное время появились на землях Карпатской котловины и с 899 г. начали разорять Северную Италию. Однако

Ш. Л. Тот в специальных исследованиях, посвященных проблемам датировки «обретения родины» венграми и количеству его этапов, показывает, что этот процесс произошел между 893 и 902 гг., исходя из противоречивых данных Константина Багрянородного.¹⁶

«Деяния венгров» магистра П. (Венгерского Анонима) подтверждают более позднюю дату этого интервала. Из данного сочинения можно сделать вывод о том, что племена Арпада провели на Верхней Тисе несколько лет, наблюдая за развитием междуусобицы сыновей умершего в 894 г. Сватоплука I — Сватоплука II и Моймира II. Лишь в 903 г., по свидетельству Анонима, Арпад и его соратники начали войну, приведшую к гибели Великоморавской державы. Хотя вряд ли племена, приведенные Арпадом, столько лет ограничивали себя территорией Подкарпатской Руси, часть их вполне могла находиться в этом регионе до начала войны венгров с Великой Моравией. Поскольку «Деяния венгров» магистра П., являясь по своему жанру *гестой*¹⁷ (романом-действиями), содержат в себе многочисленные мифические повествования в духе рыцарских романов, не следует расценивать рассматриваемую информацию Венгерского Анонима как отражающую реальные факты. В средневековых венгерских исторических сочинениях можно встретить утверждение о том, что во время пребывания на Верхней Тисе в начале «обретения родины» кочевники-венгры возвели там семь крепостей,¹⁸ что не менее мифологично, чем описание героических подвигов венгерских вождей в «Деяниях» магистра П.

Такое внимание к Подкарпатской Руси было обусловлено одним из основополагающих мифов средневековой венгерской народности, зафиксированным во всех исторических сочинениях, носивших название «Деяния венгров», а также в обобщающем труде средневековой венгерской историографии, написанном Яношем Тулоци (ок. 1435—ок. 1490). Средневековые книжники ничего не знали об оногурах, от которых происходит этникон венгров в большинстве современных европейских языков, поэтому они предложили собственную этимологию, основанную на звунии латинского

названия венгров (*Hungari*) с таким же латинским названием протекающей в Подкарпатской Руси реки Уж (*Hung*), на которой находится административный центр современного украинского Закарпатья — Ужгород. Эта легенда встречается уже в «Деяниях венгров» магистра П. и далее, в различных вариациях, повторяется в более поздних латиноязычных исторических сочинениях королевства Венгрии. Поскольку этоним венгров, по мнению их авторов, означал «люди с Хунга», пришлось, вопреки исторической правде, закрепить в создававшихся в XIII—XV вв. гестах предание о пребывании племен Арпада в течение нескольких лет в бассейне Верхней Тисы.

Преемники Олега

Следующий этап экспансии киевских князей в юго-западном направлении приходится на время правления Игоря (912—945). ПВЛ почти ничего не сообщает об этом направлении внешней политики Игоря, ограничившись известиями об отпадении древлян и наказании их за это более тяжелой данью. Исследователи отчасти восполняют эту лакуну сведениями, содержащимися в Новгородской Первой летописи (НПЛ). Как было установлено А. А. Шахматовым, в ранних известиях НПЛ отразился т. н. Начальный свод конца XI в., предшествовавший ПВЛ. Лишь с описания событий 945 г., приведших к убийству древлянами Игоря, в НПЛ начинается текст, совпадающий с параллельным текстом ПВЛ. Поскольку в первых, не дошедших до нас памятниках русского летописания, не было разбивки повествования по годам, хронология НПЛ и ПВЛ до 945 г. заметно различается. НПЛ, авторы которой придерживались версии о переходе верховной власти от Рюрика сразу к его сыну Игорю, при котором Олег был воеводой, помещают известия, связанные со смертью Олега, под 922 г. В этой же летописной статье содержатся сведения о войне воеводы Свенельда с уличами, длившейся три года и закончившейся победой воеводы Игоря. Вторично о захва-

те Свенельдом столицы уличей Пересечена в НПЛ говорится под 940 г., но там уже нет сведений о том, что уличи после падения Пересечена переселились в междуречье Днестра и Южного Буга.¹⁹

Что касается данных современной науки о распространении власти киевских князей на юго-западную Русь в первой половине X в., то они в целом не опровергают приведенные выше летописные сведения. Что касается волынян, то отсутствие каких-либо сведений о них в письменных источниках, повествующих о времени правления в Киеве первых князей (до Владимира Святого), убеждает исследователей в том, что до 981 г. волыняне не входили в состав Древнерусского государства. В то же время раскопки польских археологов последнего времени свидетельствуют о том, что в X в. на землях будущего русско-польского пограничья проживала одна из этнических групп венгров. Если в межвоенную эпоху Я. Пастернак связывал найденные им в рассматриваемом регионе венгерские древности с миграцией племен Арпада из «Скифии» в «Паннонию», стремясь воссоздать маршрут этой миграции, то в конце XX в. А. Коперский и М. Парчевский обнаружили в Переяславле венгерское кладбище первой половины X в., а результаты их последующих исследований привели польских ученых к выводу о том, что весь район Переяславля был занят в первой половине X в. венграми.²⁰

Возможно, присутствие большой группы венгров, отколовшейся от основной массы племен Арпада и проживавшей в течение полувека по соседству с волынянами и (белыми) хорватами, способствовало сохранению независимости названных «языков» от Киева, подобно тому как в конце IX в. поддержка венграми уличей и тиверцев положила предел экспансии Олега в юго-западном направлении. Можно также предположить, что одним из следов пребывания венгров в рассматриваемом регионе является упоминаемый в Ипатьевской летописи гидроним Вагръ, который носит один из правых притоков Сана. На этой реке в 1099 г. состоялась битва между войском венгерского короля Калмана Книжни-

ка (1095—1116) и сторонниками Давыда Игоревича — организатора ослепления Василька Теребовльского (см. об этом ниже). Сегодня эта река называется по-польски Вяр (Wiar), по-украински В'яр или Вігор. Последнее название переводится как «крутой, обрывистый».

Относительно этимологии названия Вягърь высказывались предположения о его кельтском происхождении (А. Л. Погодин, Л. Нидерле, Я. М. Розвадовски и др.). В 70-е гг. прошлого столетия венгерский лингвист П. Кирай попытался обосновать концепцию, согласно которой венгры уже в самом начале IX в. проникли в Северное Причерноморье вплоть до низовьев Дуная, о чем свидетельствуют южнославянские проложные сочинения* XIV—XV вв., на основании которых можно сделать вывод о том, что некий народ Вягре был одним из нанятых за плату союзников воевавшего с Византией болгарского хана Омортага в 811 г.²¹ При этом П. Кирай, тщательно проанализировав все упоминания названного народа (в различных модификациях) в агиографической литературе, оставил без внимания гидроним Вягърь. Коллеги П. Кирая в целом не поддержали его концепцию, хотя она учтена в ряде обобщающих трудов, таких, как академическая «Историческая хронология Венгрии».²² Хотя автор настоящих строк вполне допускает возможность появления венгров на северо-восточных границах Болгарского ханства в начале IX в., для него важнее факт совпадения написания вышеназванного гидронима и этнонима венгров, что является пусть не самым весомым, но все же аргументом в пользу отражения в названии реки памяти о пребывании венгров на ее берегах.

Если же рассмотреть в целом этногеографическую картину, сложившуюся на юго-западных рубежах формирующегося Древнерусского государства, то она выглядит довольно

* Проложными сочинениями называют жития святых, полные или краткие, помещавшиеся в специальные сборники (прологи), где они располагались в календарном порядке, в соответствии с днями их памяти.

противоречивой. Отпавшая от Арпада группа венгров расположалась в первой половине X в. в районе Перемышля, а по другую сторону линии Карпатских хребтов, на территории современных Закарпатской области Украины и самых восточных районов Словакии проживало русское население, распространившееся сюда еще до прихода венгерских и каварских²³ племен. Как показывает «сторожевая» топонимия бассейна Верхней Тисы (географические названия, образованные от венгерских слов *őr* «страж» и *löső* «стрелок»), пришедшие в Карпатскую котловину племена Арпада заняли не весь рассматриваемый регион, а оставили «буферную зону» шириной около 50 км до линии Карпатских хребтов. Здесь проживали предки современных русинов. До нас не дошли никакие сведения источников, на основании которых можно было бы установить причину ухода венгерского населения из будущей юго-западной Руси. Скорее всего, их вынудило к этому столкновение интересов Древнерусского и Польского государств, вылившееся в борьбу за Перемышль и его окрестности, первые сведения о которой относятся к началу правления в Киеве Владимира Святославича (978—1015).

Если верить ПВЛ, в эпоху расселения славян на землях Восточноевропейской равнины миграции польских этнических групп на восток были обычным явлением. Во вводной части ПВЛ приведена легенда о братьях Радиме и Вятко, которые привели из «Ляхов» (Польши) этнические общности, вошедшие позднее в состав Древнерусского государства под названием радимичей и вятичей. В X в. на польских землях происходил такой же процесс формирования единого раннегосударственного образования, каковой шел в среде восточного славянства. Выход польских князей в зону непосредственного соприкосновения с волынянами, (белыми) хорватами и предками современных русинов был задержан на несколько десятилетий борьбой с чехами за Краков. По свидетельству арабского путешественника Ибрахима ибн Йа'куба, во время его пребывания в Кракове (ок. 965 г.) это был город, подвластный чешскому князю. Впрочем, автор новейшей

работы, посвященной борьбе Польши и Руси в конце X—первой трети XI в. за «Перемышль, Червень и иные грады», утверждает, что ал-Бекри, который приводит сведения из не дошедшего до нас сочинения Ибн Йа'куба, а также затрагивавший в своем географическом труде рассматриваемый регион ал-Масуди не говорят о принадлежности Кракова чехам в X в.²⁴ Я. Д. Исаевич выдвинул гипотезу о том, что память о проникновении чехов на земли будущего русско-польского пограничья содержится в названии Перемышля (соврем. польский Пшемыслъ), которое якобы происходит от имени основателя средневековой чешской правящей династии Пшемысла,²⁵ однако эта гипотеза не получила поддержки исследователей.

Результаты археологических раскопок на месте древнего Перемышля свидетельствуют о том, что город возник во второй половине X в.²⁶ ПВЛ повествует под 981 г. о том, что «Червенская земля» была отвоевана Владимиром Святославичем у «ляхов». Это предполагает распространение власти польского князя Мешко I Дагоберта (ок. 960—992), по крайней мере, на земли, находившиеся к западу от ареала расселения волынян. Вряд ли сами волыньяне, не подчинявшиеся Киеву до начала правления Владимира Святославича, попали под власть польского князя. Скорее всего, Мешко I удалось покорить (белых) хорватов, проживавших в области будущего польско-русского пограничья. Современником Мешка был венгерский князь Геза (970/2—997), также проводивший политику консолидации располагавшихся в Карпатской котловине отдельных территориально-политических образований в единое государство. Возможно, уход венгров, проживавших в Перемышле и его окрестностях, был связан с их нежеланием признавать власть польского князя и стремлением воссоединиться с основной массой венгерского этноса.

В годы княжения в Киеве Ольги (945—969) отмечается небольшой период активизации внешнеполитических акций Руси на западном направлении. Скорее всего, в 957 г. Ольга ездила с посольством в Константинополь, что описано

в ПВЛ с фантастическими подробностями о ее крещении, но без указания политических причин ее миссии ко двору императора Константина VII Багрянородного (945—959). Исследователи давно обратили внимание на то, что после возвращения из Царьграда Ольга пытаясь установить отношения с Германией, о чем сохранились сведения в хронике Продолжателя Регина Плюмского. Здесь можно прочитать под 959 г. о прибытии к императору Оттону I (936—973) послов от русской княгини Елены (христианское имя Ольги) с просьбой прислать на Русь епископа. Император приказал найти достойного кандидата на этот пост, но проволочки в этом деле и смерть первого из посвященных в сан епископа затянули этот процесс до 962 г. Когда же епископ Адальберт попытался проповедовать в Киеве христианство на непонятной народу латыни, его миссия закончилась полным провалом.²⁷

Следующая попытка вовлечь Русь в западнохристианский мир связана с имперским съездом, состоявшимся в Кведлинбурге на Пасху 973 г. Этот форум был специально организован для правящей верхушки находившихся к востоку и юго-востоку от Германии языческих раннегосударственных образований. На него были приглашены, в том числе, послы из Руси. Киевский стол в то время занимал Ярополк Святославич (970—978). Еще в начале XX в. В. Пархоменко считал Ярополка вторым христианским правителем Руси,²⁸ которого сверг с престола его брат — язычник Владимир, ставший впоследствии крестителем Руси. К сожалению, надежных сведений источников, подтверждающих крещение Ярополка, у нас нет. С точки зрения темы настоящей работы важно то, что при Ольге и Ярополке Русь искала пути для установления контактов со своими западными соседями. Поскольку процесс христианизации проходил почти одновременно в Чехии, Польше, Венгрии и на Руси, это способствовало добрососедским отношениям между ними. В написанном между 1077 и 1083 гг. Большом житии короля Иштвана Святого содержится свидетельство о том, что отец первого венгерского короля князь Геза весьма охотно принимал у себя заезжих иностранцев-христиан.²⁹

Русско-венгерские отношения в эпоху освоения венграми Среднего Подунавья

Уход венгров и присоединившихся к ним этнических групп, в числе которых, как утверждают средневековые венгерские хронисты, были и *рутенены* («русские»), построившие при верховном вожде Жолте (ок. 907—ок. 950) Русскую крепость — соврем. Рузовце (самая южная окраина словацкой столицы Братиславы).³⁰ Как указывалось выше, в первой половине X в. большая группа венгров проживала на русско-польском пограничье в районе Перемышля, в то время как Подкарпатская Русь не вошла в основную территорию Венгерского союза племен. Прекращение политической поддержки венграми уличей и тиверцев, а также начало нападений на Русь печенегов — злейших врагов мадьяр, заставивших их покинуть Северное Причерноморье, должны были способствовать нормализации отношений между преемниками Олега и венгерскими вождями.

Заметное усиление Дунайской Болгарии в X в., постепенно вытеснившей Византию с балканских территорий при царе Симеоне (893—927), вынуждало «империю ромеев» искать союзников для борьбы с болгарами среди народностей, проживавших к северу от Нижнего Дуная. Константинопольский патриарх Николай Мистик (901—907, 912—925) в своих посланиях Симеону, написанных во второй период пребывания его на кафедре, пугал царя наступлением с севера на Болгию большой коалиции, куда якобы входят «росы», печенеги, аланы и венгры. По заявлению патриарха, они готовы выступить против Симеона по приказу императора, чтобы «вконец уничтожить» Болгию.³¹ Насколько реальной была эта угроза, сказать трудно, но, как известно, киевские князья, начиная с Олега, при заключении договоров с Византией не только подтверждали привилегии своих купцов в Константинополе, но и возрождали военный союз с Византийской империей.

В начале второй трети X в. начинаются регулярные набеги венгров через ослабевшую после смерти Симеона Бол-

гарию на балканские владения Византии. Первый из них, отмеченный в византийской хронистике (это известие было заимствовано создателями ПВЛ), состоялся в 934 г. По свидетельству ал-Масуди, союзниками венгров в этом набеге были печенеги.³² В то время киевский князь Игорь сохранил мирные отношения с Византией, но к началу 40-х гг. Х в. именно он стал организатором новых походов на «империю ромеев». Как известно из ПВЛ, таких походов было два. Первый состоялся в 941 г. и привел к сожжению флота Игоря «греческим огнем», а второй — 944 г. был остановлен направленными императорами Романом I Лакапином и Константином VII Багрянородным на Нижний Дунай послами, предложившими Игорю прежние выплаты и новую редакцию заключенных Олегом договоров с учетом новых реалий, а именно — распространение влияния Киева на Нижнее Поднепровье.

Об участии венгров в антивизантийских акциях в 941 г. свидетельствует Житие св. Василия Нового, где сообщается о попытке венгерского отряда перейти Дунай, в ходе которой большая часть венгров утонула.³³ Несколько этот поход венгров был согласован с походом Игоря, сказать трудно, поскольку нет конкретной информации в источниках. Что же касается второй военной акции Игоря против Византии, то ей предшествовал поход венгров на «империю ромеев», состоявшийся в 943 г. В ПВЛ, заимствовавшей информацию об этом походе из хроники Продолжателя Георгия Амартола, он никак не связывается со вторым походом Игоря, но обнаруженная румынскими археологами в 1950 г. в низовьях Дуная т. н. Добруджанская надпись, возможно, свидетельствующая о том, что поход Игоря также состоялся в 943 г., позволяет предположить согласованность действий венгров и киевского князя.³⁴

Источники не сохранили никаких сведений о русско-венгерских отношениях в годы княжения Ольги, но ее сын Святослав вступил с венграми в военный союз против византийского императора Иоанна Цимисхия (969—976), когда намеревался в 970—971 гг. изгнать греков с Балканского по-

луострова, о чём свидетельствует в своей «Истории» современник тех событий Лев Диакон.³⁵ После поражения, понесенного Святославом от греков в 970 г., венгры (которых Лев Диакон, по византийской традиции, называет гуннами) покинули антивизантийскую коалицию, заставив киевского князя заканчивать войну с Византией без союзников. Это сведения, в достоверности которых исследователи не сомневаются, но есть еще ряд свидетельств менее надежных источников, позволяющих предположить, что Святослав Игоревич имел более тесные связи с венграми, чем это яствует из сочинения Льва Диакона, и установлены они могли быть ранее 970 г.

Находившийся в июле 968 г. в Константинополе германский посол Лиутпранд сообщает о том, что в это время венгры совершают набег на Фессалонику, а затем разоряют владения Византии недалеко от Константинополя.³⁶ Есть еще свидетельства т. н. Иоакимовской летописи, текст которой приведен В. Н. Татищевым во второй редакции его «Истории Российской», на основании которых историк XVIII в. сделал вывод о существовании у Святослава матrimonиальных связей с тогдашним главой венгров (верховным вождем их в 950/955—970/972 гг. был Такшонь). Иоакимовская летопись явно создана не ранее XVII в. и содержит в себе баснословные сведения, что побуждает многих исследователей относиться к ней исключительно как к литературному памятнику эпохи первых Романовых. В то же время есть мнение, согласно которому «Иоакимовскую летопись нельзя отнести к числу хорошо изученных памятников».³⁷

Так или иначе, но рассматриваемый источник (в передаче Татищева) свидетельствует о том, что «по смерти Ольги Святослав пребываше в Переяславцы на Дунае, воюя на хазары, болгорои и греки, имея помочь от тестя (37), князя угорского и князя ляцкого...».³⁸ В примечании 37 к этой фразе Татищев признается, что нигде не находит подтверждения брака Святослава с венгеркой. Версия Иоакимовской летописи о походах Святослава из Переяславца на хазар противоречит информации ПВЛ, согласно которой Хазарский каганат был уничтожен Святославом в 965 г., т. е. до начала его балкан-

ских походов, но согласуется со свидетельством более достоверного источника — «Книги путей и стран» Ибн Хаукала (X в.), в которой разрушение русами главных городов Хазарии — Хазарана, Итиля и Самандара — датируется 969 г.³⁹ На основании данных Иоакимовской летописи В. Н. Татищев считает «княжну венгерскую» первой женой Святослава Игоревича, называя ее Предславой, видимо, по аналогии с Предславой Святополковной, вышедшей в 1104 г. замуж за венгерского принца Алмоша, брата короля Калмана Книжника (1095—1116). Откуда в цитированной фразе законспектированной В. Н. Татищевым летописи взялись сведения о помощи Святославу со стороны польского князя, остается только догадываться, поскольку византийские историки подтверждают лишь участие «гуннов» в созданной Святославом военной коалиции. Впрочем, любые рассуждения относительно достоверности сведений Иоакимовской летописи пока еще имеют весьма зыбкое основание.

ГЛАВА 2

ВРЕМЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА (978—1015)

Экспансия Киева в западном направлении

События междуусобной войны сыновей Святослава Игоревича привели к временному ослаблению власти Киева над некоторыми окраинными территориями Древнерусского государства. Победившему в этой войне Владимиру пришлось в первые годы своего княжения дважды воевать с вятичами и один раз — с радимичами. В отличие от своих предшественников, будущий креститель Руси активно действовал и на западном направлении, стремясь сделать границы единого Древнерусского государства более ощутимыми для поляков и балтских племен. Выше уже говорилось о том, что, по данным археологических раскопок, Полоцк в первой половине X в. был одним из мелких окраинных городков западной Руси, значение которого в то время было явно преувеличено летописцами. Однако не позднее третьей четверти X в. здесь появляется собственный князь — варяг Рогволод (Рангвальд). По свидетельству ПВЛ под 980 г.¹ начавший борьбу за Киев с братом Ярополком Владимир Святославич сначала направился из захваченного им с варяжской помощью Новгорода на Полоцк. Рассказ ПВЛ об этих событиях представляется более правдоподобным, чем повествование о походе Олега на юг через Полоцк. Отказ Рогволода выдать

свою дочь Рогнеду за Владимира стал поводом для войны между ними, в ходе которой Рогволод был убит, Рогнеда силой выдана замуж за Владимира, а особое полоцкое княжение ликвидировано.

Завоевание Владимиром Червенских городов означало вхождение в состав Древнерусского государства волынян и части (белых) хорватов. Некоторые исследователи сомневаются в том, что летописная статья под 981 г. свидетельствует о распространении власти польского князя Мешко I так далеко на юго-восток. Уже давно идут споры относительно того, кто скрывается под этнонимом «Ляхи» рассматриваемого известия ПВЛ. Высказывалось, в том числе, мнение, согласно которому Червенские грады были отвоеваны Владимиром не у Мешка I, а у этнической группы лендзян.² Археологические памятники не могут пролить свет на решение этой проблемы. Молчат о потере предками современных поляков Червенских градов и ранние польские исторические сочинения, авторы которых еще не заимствовали сведения русских летописей.

На этом фоне представляются бесценными сведения документа, называемого исследователями по первым двум его словам «Dagome Iudex». Он был создан в Польше, скорее всего, между 990 и 992 гг. и представляет собой свидетельство о передаче под покровительство Римской папской курии владений Мешка I.³ В рассматриваемом документе очерчены границы тогдашнего Польского государства с соседними территориально-политическими образованиями. Согласно «Дагоме юдексу», от Пруссии граница владений польского князя шла «вплоть до места, которое называется Русь, и границей Руси, протягивающейся до Кракова, и от этого Кракова вплоть до реки Одра...».⁴ Судя по приведенной цитате, восточнее и южнее Кракова простирались уже русские земли, однако на самом деле, как показал в своем исследовании С. Захоровский, между тогдашними Русью и Польшей пролегала малозаселенная или совсем незаселенная полоса шириной до нескольких сотен километров.⁵ В такой обусловленной природными условиями ситуации Червенские грады бы-

ли тем «оазисом», обладание которым означало господство над всем северо-восточным Прикарпатьем.

Владимир Святославич не ограничился походом 981 г. в своей политике экспансии на западном направлении. Утверждение власти киевского князя в верхнем течении Западной Двины побудило Владимира совершить в 983 г. поход на одно из литовских племен — ятвягов. ПВЛ свидетельствует о том, что земля ятвягов была завоевана киевским князем, но в состав Древнерусского государства она, судя по всему, не вошла. Рюриковичи еще не раз воевали с ятвягами, которые считались их данниками. Поскольку литовские племена были немногочисленными, раздробленными и проживали в лесистых местностях, находящихся вдали от главных торговых путей, они не представляли большого интереса для киевских князей. Более важным для себя Владимир Святославич явно считал дальнейшее продвижение на запад в области, где соприкасались окраины Польского, Венгерского, Чешского и Древнерусского государств.

Б. А. Рыбаков считает, что в русском летописании есть следы особых отношений между Владимиром и чехами, правда, опираясь при этом в основном на позднее летописание и труд В. Н. Татищева. Если оставаться в рамках информации, содержащейся в ПВЛ и НПЛ, то о связях Владимира с Чехией свидетельствует лишь помещенный под 980 г. список жен Владимира-язычника, где упоминается одна (или две) «чехини».⁶ Созданная при московском митрополите Данииле (1522—1539) Никоновская летопись, современный ей Тверской сборник и «История Российская» В. Н. Татищева развивают тезис о двух чешках в гареме Владимира, что использует Б. А. Рыбаков для подкрепления своего тезиса, прибавляя к этому известие Никоновской летописи (под 6512—1004/5 г.) об отравлении некого Андриха Добрянкова собственными слугами, поскольку считает его имя «несомненно чешским».⁷ Приведенная Б. А. Рыбаковым аргументация не была признана исследователями убедительной, поскольку опирается почти полностью на сведения поздних памятников и «татищевские известия». В изданной на следующий год

после выхода рассматриваемого труда монографии В. Д. Королюка, специально посвященной истории отношений Руси с Чехией и Польшей в X—XI вв.,⁸ не рассматривается даже вопрос о нахождении «чехини» в гареме Владимира, не говоря уже о приведенных выше сведениях более поздних источников, что представляется мне другой крайностью.

Автор историко-этнографического введения к ПВЛ считал (белых) хорватов частью восточного славянства, что не совсем соответствует их локализации, даваемой Константином Багрянородным в трактате «Об управлении империей», написанном между 948 и 952 гг. По мнению большинства исследователей, Великая или Белая Хорватия Константина VII находилась на чешских землях.⁹ Точка зрения А. В. Майорова о ее локализации в современном украинском Прикарпатье¹⁰ пока не нашла широкой поддержки у историков. В то же время, если отрешиться от эпитетов «белый» или «великий», то проживание восточнославянских хорватов в верховьях Тисы, Днестра, Прута и Южного Буга представляется вполне реальным. По мнению И. И. Попа, часть белых хорватов является предками современных подкарпатских русинов.¹¹

Влияние процесса христианизации

Принятие Христовой веры Владимиром Святославичем (988/9) означало вхождение Руси в христианский мир, который, хотя и не был еще официально разделен на две конфессии — западную и восточную, но уже давно не был единым. В церковном отношении вновь возникшая Киевская митрополия подчинялась Константинопольской патриархии, т. е. вошла в систему восточного христианства. Однако Римская папская курия активно конкурировала с Константинопольской патриархией в Восточной и Юго-Восточной Европе, где начался процесс христианизации. Одной из сюжетных линий ПВЛ является описание событий, связанных с «выбором веры». Здесь, в частности, под 986 г. приводится краткий рассказ о прибытии в Киев «иноземцев из Рима», которые, как

и представители других авраамических религий, пришедшие ко двору еще язычника Владимира Святославича, пытались доказать истинность своих религиозных воззрений. По версии ПВЛ, киевский князь велел «немцам» идти туда, откуда они пришли, объяснив это тем, что «отцы наши не приняли этого». В данном случае имелась в виду неудача миссии Адальберта, о которой говорилось выше. ПВЛ не содержит других известий о связях Киева и Рима при Владимире Святославиче, из чего можно сделать вывод о нежелании киевского князя устанавливать отношения с Римской папской курией и немецкой имперской церковью.

Никоновская летопись, приводя рассмотренный выше рассказ ПВЛ, далее рисует более благостную картину взаимоотношений между Киевом и Римом при Владимире Святом. Здесь в конце статьи под 6496 (988/9) г.¹² помещено известие о другом папском посольстве, якобы привезшем Владимиру мощи христианских святых, под 6499 (991/2) г. — еще об одном посольстве из Рима, а под 6502 (994/5) г. — о возвращении послов Владимира из Рима.¹³ Характерно, что в «Истории Российской» В. Н. Татищева, для которого Никоновская летопись послужила одним из основных источников, все эти известия отсутствуют. Видимо, один из первых русских историков XVIII в. сомневался в их достоверности. Тем не менее, учитывая активную миссионерскую деятельность проповедников западного христианства на территории Польши и Венгрии, полностью исключать визит папских послов в Киев не стоит. Судя по оказанному Владимиром Святославичем покровительству немецкому проповеднику Бруно Кверфуртскому в 1007 г., пришедшему на Русь с намерением крестить проживавших на ее границах печенегов, отношение Владимира к западным клирикам было вполне лояльным.

Летописцы не уточняют, на каких хорватов ходил войной Владимир Святославич в 992 или 993 г. (в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи даты различаются). При этом в Ипатьевской летописи под 1229 г. содержится утверждение, что так далеко в глубь Польской земли после Владимира Святого заходили только братья Даниил и Василько Романовичи в се-

редине XIII в. Речь в данном случае шла об осаде польского города Калиша. Так или иначе, но вряд ли Владимир в конце X в. присоединил к Древнерусскому государству все территории, которые он прошел с войском во время рассматриваемого похода. При этом «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха, созданная в XI в. и признаваемая более достоверным источником, чем ПВЛ, при описании событий первого десятилетия после Крещения Руси не знает о походе Владимира на хорватов, но в его реальности вряд ли стоит сомневаться, поскольку в Хильдесхаймских анналах под 992 г. содержится свидетельство о том, что польский князь Болеслав I не смог прибыть к германскому императору Оттону III (983—1002), поскольку ему «угрожала большая война против русских, но честно прислал воинов».¹⁴

Обращает на себя внимание тот факт, что в Польше в 992 г. происходит смена верховной власти: умирает Мешко I, которому наследует Болеслав I Храбрый (992—1025). Время перехода власти к молодому наследнику престола в эпоху Средневековья могло создать благоприятные условия для агрессивных соседей, делавших ставку не на опытность нового правителя и его недостаточный авторитет среди высшей знати. Правда, в данном случае речь идет о захвате не исконно польских земель, а территории, на которую Пясты могли распространить свое влияние. Никоновская летопись, авторы которой как будто бы хорошо знали историю средневековой Польши, свидетельствует под 6500 (992/3) г. о прибытии к Владимиру послов от Болеслава Лядского и Андриах Чешского.¹⁵ Не связаны ли цели этих посольств прежде всего с распространением власти Киева на (белых) хорватов? Если посольство польского князя могло использовать в качестве повода смену власти в Гнезно, то в Чехии в то время продолжалось правление Болеслава II (967/972—999).¹⁶

В «Истории Российской» В. Н. Татищева есть уникальные известия, помещенные под 6500 (992) г.: «Ходи Владимир ко Днестру со двемя епископы, много людей, научая, крести. И построи в земли Червенстей град во свое имя Владимир, и церковь пресвятая Богородицы созда, оставя ту епископа

Стефана, и возвратися с радостию».¹⁷ Стиль этого текста выдает его происхождение из письменного памятника, созданного в XVI—XVII вв., что, однако, не гарантирует достоверность цитированной информации. Скорее всего, здесь приведено сохранившееся на Владимиро-Волынской земле местное предание, связанное с основанием ее главного храма — Успенского собора. В ПВЛ Владимир-Волынский впервые упоминается под 988 г. при перечислении городов, куда Владимир Святославич направил на княжение своих сыновей. Согласно этому списку, во Владимире-Волынском сидел Все-волод Владимирович, о котором известно лишь то, что его матерью была Рогнеда.¹⁸ Материалы археологических раскопок подтверждают то, что город был основан при Владимире Святом, но остальные цитированные «татищевские известия» относятся к другим эпохам: Стефан (ум. в 1094 г.) стал первым волынским епископом не раньше 1078 г., а Успенский собор был построен во Владимире-Волынском в конце 1150-х гг. князем Мстиславом Изяславичем (1156—1170).¹⁹

Хотелось бы специально остановиться на теме христианизации населения «буферной зоны» между окраинами Чешского, Польского и Древнерусского государств, поскольку она была непосредственно связана с процессом их политического объединения. Традиционное язычество с его многобожием, как правило, не способствовало сплочению отдельных племен и других этнических групп в единую средневековую народность, для этого в значительно большей степени подходила вера в единого Бога. В силу своей малочисленности и горного рельефа занимаемой им территории население «буферной зоны» также не было сплоченным, и разные его группы тяготели к разным раннегосударственным образованиям. Автор настоящих строк является убежденным сторонником концепции о распространении восточного славянства на земли бассейна Верхней Тисы еще до прихода мадьяр на свою нынешнюю родину.²⁰ Есть основания полагать, что предки современных русинов были крещены св. Мефодием во время его поездки из Моравии в Константинополь ок. 882 г.²¹

Так на территории «буферной зоны» возник первый очаг распространения христианства, о котором было известно в Риме. Недаром папа Иоанн XIII (965—972) поставил в своей булле 967 г. об учреждении Пражского епископства требование выбрать для организации богослужения «клирика, не принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка». Текст буллы сохранился в «Чешской хронике» Козьмы Пражского.²² Нелишним будет напомнить, что Днепровская Русь была в то время (эпоху Святослава Игоревича) еще языческой страной с немногочисленными общинами первых христиан, которые вряд ли могли представлять опасность для папского Рима. Если русское население Верхней Тисы могло быть крещено св. Мефодием, то территории, примыкавшие к окраинам Польши и Чехии, явно оставались во власти язычества, о чем свидетельствует появление там на рубеже X—XI вв. проповедников западного христианства.

Самым ярким из них был св. Бруно Кверфуртский (970/974—1009). Свою миссионерскую деятельность на окраинах Венгерского королевства он проводил в 1004—1007 гг. Французский хронист Адемар Шабаннский (ум. в 1034 г.), подводя итоги этого этапа подвижничества св. Бруно, утверждает, что он «обратил к вере область Венгрию, [и] другую, которая зовется Русью».²³ Правда, эта информация содержится лишь в редакции *C* рассматриваемого источника, датируемой XII в., но вряд ли это свидетельствует против ее достоверности. По мнению А. В. Назаренко, создатель редакции *C* пропустил в данном случае постфикс *-que* (= русскому союзу *и*). В результате предполагаемой историком конъектуры получается, что Бруно крестил провинцию Венгрию и другую, которая называется Русью.²⁴ Поскольку о крещении Днепровской Руси Бруно Кверфуртским не может быть и речи, возникает проблема: в какой же Руси проповедовал немецкий миссионер? Ответа может быть только два: 1) французский хронист расценил пребывание Бруно на Руси как обращение ее в «истинное христианство»; 2) Бруно крестил часть предков современных русинов, сохранивших

веру предков, несмотря на создание очага распространения Христовой веры в Подкарпатской Руси св. Мефодием. Автор настоящих строк склоняется ко второй точке зрения.²⁵

Выход Владимира на естественные границы Руси на юго-западе

Как изменилась линия русско-польской границы после похода 992/3 г., сказать трудно. По всей видимости, область Червенских градов осталась приграничной с Польшей, а территориальное расширение Руси произошло за счет более южных районов, находящихся уже на русско-венгерском пограничье. При этом следует подчеркнуть, что вновь присоединенные территории долгое время оставались «медвежьими углами», где проживало сельское население. Данные археологии и письменных источников ничего не говорят о массовом основании здесь городов. Помимо Переяславля и Червеня, упоминаемых в ПВЛ в связи с событиями 981 г., в источниках, описывающих эпоху правления Владимира Святославича, встречаются названия и некоторых других городов юго-западной Руси: под 980 г. — Дорогичин, под 988 г. — Владимир-Волынский, под 990 г. — Волынь (город). Из названных городов на земле будущего Галицкого княжества находился лишь Переяславль, остальные — на территории волынян.²⁶ Это объясняется не в последнюю очередь отсутствием в то время опасности со стороны Венгрии, правители которой в первой трети XI в. еще вынуждены были ликвидировать последние очаги местного сепаратизма на землях Карпатской котловины.

В. Д. Королюку принадлежит специальное исследование русско-польско-чешских отношений X—XI вв., на которое есть ссылка выше. Некоторые главы этой работы специально посвящены отношениям между Чехией и Польшей, несомненно, влиявшим на их контакты с Русью. По мнению Королюка, в 60—80-х гг. X в. существовал союз между польским и чешским князьями — Мешко I и Болеславом II.

Этот союз начал разрушаться в середине 80-х гг. вследствие сближения польского князя с германским императором Оттоном III (983—1002). Следствием этих изменений во внешней политике польского князя стало постепенное ухудшение чешско-польских отношений, приведшее в 990 г. к военному конфликту между двумя государствами. Хотя в целом эта война показала превосходство поляков над чехами, нежелание Пястов попадать во все большую зависимость от Германской империи, скорее всего, побудила Мешка I предложить Польшу в лен престолу св. Петра в Риме, что и зафиксировал документ *Dagome Iudex*, о котором речь шла выше.

Летописная статья под 996 г. имеет характер обобщения политической деятельности Владимира Святославича за весь период его правления. Это выражается не только в том, что за ней следует под 997 г. Сказание о белгородском киселе, а затем целый ряд «пустых» лет, перемежаемых краткими сведениями из княжеского синодика, но также и в том, что в одном из известий 996 г. констатируется стремление Владимира поддерживать добрососедские отношения с соседними государствами. При этом летописец называет венгерского короля Стефана (Иштвана I, 997—1038), чешского князя Андриха (Олдржиха, 1012—1033) и польского князя Болеслава I Храброго (992—1025). Как видно из приведенных дат правления, лишь последний из названных государей был правящим монархом в 996 г. Более информативной выглядит на фоне ПВЛ более поздняя Никоновская летопись. Здесь приводятся сведения о многочисленных посольствах в Киев от соседних правителей и от Римской папской курии. Уникальные сведения о послах от папы римского, «королей чешских и угорских» встречаются в Никоновской летописи под 6508 (1000/1) г.²⁷ Это известие также отсутствует в «Истории Российской» В. Н. Татищева, что подкрепляет подозрения исследователей относительно его достоверности.

Составители или редакторы Никоновской летописи в целях создания более масштабной картины взаимоотношений Руси со своими западными соседями превратили выражение «польских, чешских и венгерских» (в различной последова-

тельности) в своеобразный топос. В некоторых случаях при сравнении с более ранними летописными памятниками выясняется, что какое-то из этих прилагательных этнического значения на самом деле было приписано для большей «мас-совости». Что же касается рассматриваемого известия Никоновской летописи, то его датировка примерно совпадает со временем важных перемен во власти, произошедших в Венгрии и Чехии. В конце 1000 или 1001 г. Венгрия официально стала королевством, а ее правитель Иштван I (997—1038) был коронован папским посланником Аскерием (Астриком) присланной из Рима короной. В Чехии в 999 г. Болеслав III сменил на престоле Болеслава II. Возможно, в Никоновской летописи в данном случае приведена информация более раннего, не дошедшего до нас источника, поскольку трудно представить себе, что русские летописцы XVI в. настолько хорошо знали историю Чехии и Венгрии, чтобы поместить сочиненные ими известия о посольствах именно под теми годами, когда в названных странах произошли важные политические изменения.

Русско-польские отношения в последние годы правления Владимира

Обращает на себя внимание факт отсутствия в известиях Никоновской летописи сведений о польских посольствах к Владимиру Святославичу после 6500 (992/3) г. Как известно, в 1002 г. Чехия была захвачена польским князем Болеславом I Храбрым, удерживавшим власть над ней до 1003 г. Возможно, отсутствие сведений о польских посольствах к Владимиру даже в Никоновской летописи после 992 г. связано с напряженностью в русско-польских отношениях после подчинения Владимиром (белых) хорватов и негативной оценкой Киевом попыток Болеслава Храброго объединить под своей властью Польшу и Чехию. Впрочем, все это — не более чем догадки.

Если же обратиться к средневековым польским историческим сочинениям, то в них можно найти свидетельства

о союзе, заключенном между Болеславом I и Владимиром Святославичем в самом начале XI в. Этот союз был скреплен браком приемного сына Владимира Святополка Ярополковича с польской княжной. Установить точную дату этого брака невозможно. Автор самой ранней из дошедших до нас польских хроник Галл Аноним (ум. после 1113 г.) упоминает о династических связях Болеслава Храброго лишь мимоходом, при описании событий, связанных с пребыванием польского князя с войском в Киеве в 1016 г. Последующие польские хронисты ничего не сообщают о русско-польском союзе начала XI в. Лишь Ян Длугош (1415—1480) в своей «Польской истории» пишет о заключении Владимиром союза с Болеславом в 1001 г.²⁸ Поскольку хронология в первых книгах многотомного труда Длугоша весьма приблизительная, большинство исследователей не связывает с датировкой Длугоша заключение брака Святополка с польской княжной, относя его к более позднему времени, вплоть до последних лет жизни Владимира Святого.²⁹

Отсутствие каких-либо сведений о русско-польских отношениях в начале XI в., скорее всего, свидетельствует об их мирном характере, по крайней мере до 1013 г. В. Д. Королюк обращает внимание на сложное внешнеполитическое положение Польши, которой необходимо было спокойствие на ее восточных границах. «Мирные отношения с Русью были, несомненно, чрезвычайно важным фактором для Польши, в серьезной мере облегчившим ее положение и позволившим ей устоять перед натиском с Запада в самый критический для нее момент — в первый период польско-немецкой войны (1003—1005 гг.)».³⁰ Стремление Болеслава I Храброго избавиться от диктата Священной Римской империи заставляло его в первое десятилетие XI в. отложить борьбу за возвращение Червенских градов до лучших времен.

А. Б. Головко подчеркивает скрытый дипломатический контекст поездки Бруно Кверфуртского в Восточную Европу в 1008 г. По мнению украинского историка, в письме к германскому королю Генриху II Бруно не мог рассказать о выполнении им дипломатических поручений Болеслава Хра-

брого. Главной заслугой немецкого миссионера перед Русью стало его посредничество в деле замирения киевского князя с печенегами. Последние к тому времени уже представляли серьезную опасность не только для Руси и жителей Нижнего Подунавья, но и для Польши, поскольку существование «буферной зоны» позволяло степнякам совершать набеги на польскую территорию. Попытки Бруно распространить среди печенегов христианство должны были способствовать преодолению противостояния кочевников южнорусских степей с оседлым населением Руси и Польши.³¹

Основным источником, повествующим о браке Святополка с Болеславной, является Хроника Титмара Мерзебургского (ум. в 1018), который при описании смены власти в Польше в 992 г. (IV, 58) перечисляет жен Болеслава I и рожденных ими детей. Здесь указано, что не названная по имени третья дочь его третьей жены Эмнильды вышла замуж за «сына короля Владимира».³² Следующий раз Титмар обращает свое внимание на Русь в повествовании о событиях, произошедших после Пасхи 1013 г. (VI, 91), которая пришлась на 24 мая, когда Болеслав I Храбрый, получив помощь от германского короля Генриха II (1002—1024), которому он принес клятву вассальной верности, напал на Русь «и разорил большую часть этой страны».³³ Как в раннем, так и в позднем русском летописании и труде В. Н. Татищева 1013 г. является «пустым», а в ближайших летописных статьях нет никаких известий о войне с поляками. Что же касается Длугоша, то он в «Польской истории» описывает под 1008 г. уже борьбу Святополка («Окаянного») с Ярославом («Мудрым»), начавшуюся в 1015 г.

Тот же Титмар Мерзебургский далее в своем труде (VII, 72) пытается объяснить причины враждебности между Болеславом и Владимиром, одной из которых стало жестокое обращение киевского князя со Святополком, его женой и ее духовником Рейнберном: Владимир заточил их в темницу после получения им сведений о намерении Святополка свергнуть приемного отца с престола. Поскольку Титмар начинает подробное изложение событий, связанных с нега-

тивными для Владимира последствиями установления matrimonиальных связей Святополка с Болеславом Храбрым в контексте событий 1013 г., исследователи отталкиваются от этой даты, считая ее в качестве *terminus ante quem* заключения русско-польского союза при Владимире Святославиче. Другим хронологическим ориентиром здесь является миссия Бруно Кверфуртского, побывавшего на Руси в 1008 г. и благосклонно принятого Владимиром в Киеве. Правитель Руси проводил миссионера до границы Руси со Степью, поскольку целью Бруно было приобщение к Христовой вере печенегов. Вернувшись в том же году в Польшу, Бруно написал письмо Генриху II, в котором описал некоторые подробности своей деятельности на Руси и у печенегов.³⁴ Возможно, именно результаты дипломатической деятельности Бруно Кверфуртского способствовали заключению брака между Святополком Ярополковичем и дочерью Болеслава Храброго.

О значении миссии Бруно Кверфуртского на Русь писал польский историк С. Закшевский,³⁵ но В. Д. Королюк дал противоположную оценку этого события: «О том, что посещение Бруно Кверфуртским Киева не сыграло особой роли в развитии польско-русских отношений, говорит и то обстоятельство, что, оказавшись в Польше в 1008 г., Бруно прежде всего постарался выступить посредником между Польшей и Империей, а затем отправился, очевидно, с полного согласия польского князя с миссией к ятвягам, где и погиб 9 марта 1009 г.».³⁶ По мнению Королюка, тогдашнему русско-польскому сближению могло способствовать стремление Болеслава I совместно с Владимиром решить «ятвяжскую проблему», т. е. обезопасить границы Руси и Польши от набегов этого литовского союза племен.³⁷ Для укрепления союзнических отношений с Русью, скорее всего, именно тогда было решено женить Святополка Ярополковича/Владимировича на одной из дочерей Болеслава Храброго. Большинство исследователей в датировках этого брака отталкиваются от времени после возвращения миссии Бруно Кверфуртского из Руси и от печенегов.

Не углубляясь в дискуссию о времени заключения брака Святополка с Болеславной, перехожу к событиям, способст-

вовавшим разрыву союза Владимира с Болеславом. Как известно, в последние годы жизни Владимир Святославич столкнулся с неповиновением своих сыновей. Некоторые из них готовы были на военное столкновение с отцом. Нападение Болеслава Храброго на Русь в 1013 г. в связи с заточением его дочери и зятя в темницу по приказу Владимира считается первым в ряду событий такого рода. Судя по всему, Святополк с супругой и ее духовником были освобождены, но в следующем, 1014 г., по свидетельству ПВЛ, отказался выплачивать отцу дань сидевший в Новгороде Ярослав Владимирович. Наиболее популярной точкой зрения исследователей, объясняющей неповиновение Владимиру его старших сыновей, является особое внимание, которое креститель Руси якобы уделял в последние месяцы (а может быть, и годы) своей жизни их младшему брату Борису. Высказывается даже предположение, что Владимир прочил Бориса в свои непосредственные преемники. Иногда эту гипотезу объясняют тем, что матерью Бориса якобы была гречанка Анна, хотя на самом деле Бориса родила «болгарыня». Так или иначе, но на Руси еще при жизни Владимира Святославича назревала большая междуусобная война, разгоревшаяся уже после его смерти, последовавшей 15 июля 1015 г.

Русско-венгерские отношения в начале XI в.

Источники не сохранили нам подробностей о взаимоотношениях Владимира Святославича с основателем Венгерского королевства Иштваном I Святым (997—1000/1—1038), который оставил свой след в истории как подлинный создатель средневековой структуры не только светской, но и церковной власти в Венгрии. Именно при Иштване Святом большая часть страны была разделена на замковые округа (комитаты, венг. *медиа*), а на некоторых окраинах Венгрии образованы особые пограничные области. Возможно, одной из таких областей уже тогда стала Русская марка, о которой сохранилось лишь одно свидетельство в источнике XII в., о чём

речь пойдет ниже. Что же касается рассматриваемой эпохи, то единственный сын и наследник Иштвана — Имре назван в Хильдесхаймских анналах «герцогом Руси»,³⁸ что можно расценить как управление им областью, населенной предками современных русинов (Русской маркой?). Это свидетельство относится к 1031 г., и оно сообщает о смерти герцога Имре. Никаких сведений о том, когда он был назначен на этот пост, источники нам не сохранили.

Выше уже говорилось о том, что ПВЛ под 996 г. свидетельствует о добрососедских отношениях между Владимиром Святославичем и Иштваном I, имея в виду последние полтора десятилетия правления Владимира. Если они были еще и союзническими, это должно было быть скреплено хотя бы одним династическим браком. ПВЛ при перечислении жен Владимира Святославича не упоминает венгерку. Раннее русское летописание вообще не содержит никаких известий о браках представителей и представительниц правящих родов Рюриковичей и Арпадов до 1104 г. Рассматриваемое выше «татищевское известие» о венгерской жене Святослава Игоревича вряд ли стоит принимать в расчет. Что же касается средневековых источников королевства Венгрии, то в них встречается упоминание о том, что русская жена была у двоюродного брата Иштвана Святого Ласло Сара.

Об этом представителе рода Арпадов известно лишь то, что его отцом был Михаил, а сыном — Бонузло, о которых также более ничего не известно. Кроме того, средневековые венгерские хронисты «подправили» генеалогию Ласло Сара, сделав его отцом Эндре, Белы и Левенте, реальным отцом которых был двоюродный брат Иштвана I Вазул (Василий?). Причиной этих манипуляций было стремление обелить основателя Венгерского королевства, канонизированного в 1083 г., объяснив бегство названных братьев из Венгрии тем, что их отец, судя по его прозвищу, наверняка был язычником, поскольку хронисты переводили его прозвище на латынь словом *calvus* «лысый», что является атрибутом язычника.³⁹ Если Ласло Сар действительно был язычником, а его жена принадлежала к роду Рюриковичей, то этот брак мог

быть заключен только до принятия Владимиром христианства. Если же этот брак не был династическим, то возможны различные варианты вплоть до происхождения русской жены Ласло Сара из Подкарпатской Руси. Есть лишь одно свидетельство Композиции венгерских хроник XIV в., вобравшей в себя более ранние латиноязычные исторические сочинения королевства Венгрии, о том, что Ласло Сар, «как говорят, взял жену из Рутении».⁴⁰ Традиционно под Рутенией венгерские хронисты понимали Днепровскую Русь, но неуверенность автора рассматриваемого сообщения позволяет предполагать и другие земли, населенные восточными славянами.

Еще одним свидетельством русско-венгерских отношений в эпоху Владимира Святого является судьба братьев Угринов, описанная в некоторых произведениях ранней русской агиографии. В ПВЛ в рассказе об убийстве Бориса Владимировича людьми, посланными Святополком «Окаянным», упоминается любимый отрок одного из первых русских святых Георгий Угрин. В Киево-Печерском патерике слово 30-е посвящено Моисею Угрину, брату Георгия. Согласно сохранившемуся в списке XVI в. Житию св. Ефрема Новоторжского, он является братом Георгия и Моисея Угринов. В задачу настоящей работы не входит выяснение степени достоверности известий о братьях Угринах. Намного важнее вопрос, кем они были по своей этнической принадлежности. Здесь может быть два варианта: венгры или подкарпатские русины. Ранее автор этих строк склонялся к первому варианту, но, познакомившись с работами венгерских исследователей И. Феринца, Э. Иглои и В. Лепахина, объясняющих приезд братьев в Киев принятием ими христианства восточного обряда где-то на юге владений Арпадов и последующим их бегством на Русь из-за насильтственного навязывания Иштваном I своим подданным западного христианства, я начал склоняться ко второму варианту. По моему мнению, главное здесь не принадлежность братьев Угринов к восточному христианству, а их карьера в дружине одного из сыновей киевского князя. Если они приобщились к Христовой вере от византийских клириков, активно действовавших в южных рай-

онах Венгрии, им было бы проще сделать военную карьеру в Константинополе. Братья же отправились в Киев, видимо, потому, что, во-первых, как указывалось выше, одним из очагов христианства уже с конца IX в. была Подкарпатская Русь, а во-вторых, в Киеве им не нужно было учить чужой язык.⁴¹ Угринами в то время могли называть как этнических венгров, так и других жителей Венгрии, всех проживавших за «Кавказскими горами», как называет ПВЛ участок Карпатской горной системы, являвшийся в Средние века естественной границей между Русью и Венгрией.

Говоря в целом об эпохе Владимира Святославича с точки зрения формирования западных границ Руси, следует отметить, что к началу XI в. было достигнуто примерное разграничение земель с Польшей и Венгрией, по крайней мере до лесных массивов, разделявших названные государственные образования. При этом оставалась лишь одна спорная территория между Русью и Польшей — область Червенских градов. Владимиру удалось отстоять их в войне с Болеславом Храбрым в 1013 г. Однако последний не отказался от намерения вернуть эту область в состав владений Пястов, что ярко показали события, развернувшиеся после смерти крестителя Руси.

ГЛАВА 3

БОРЬБА ЗА КИЕВ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВЛАДИМИРА И ЕДИНОВЛАСТИЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Истребление Святополком «Окаянным» своих братьев

В последние месяцы жизни Владимир Святославич был занят подготовкой к походу на посаженного им в Новгороде сына Ярослава, отказавшегося присыпать в Киев установленную дань. Многие исследователи склонны ставить это событие в один ряд с заговором Святополка Ярополковича/Владимировича как выражение недовольства старших сыновей Владимира его намерением завещать княжеский стол в Киеве своему любимцу Борису. Смерть настигла Владимира 15 июля 1015 г., когда в Киеве не было никого из его сыновей. Борис был отправлен отцом на Алты для отражения нападения печенегов, в связи с чем ближе всех к столице оказался сидевший в Турове Святополк, который решил не только утвердиться на киевском столе, но и истребить своих братьев. Тема настоящей работы не предусматривает выяснение всех подробностей борьбы Владимировичей за верховную власть на Руси, мы коснемся лишь тех событий, которые были связаны с западными соседями Руси.

Как известно, жертвами посланных Святополком убийц стали Борис, Глеб и Святослав Владимировичи. По свиде-

тельству ПВЛ, последний был настигнут убийцами по пути в Венгрию где-то в Прикарпатье. В перечне сыновей Владимира, где указаны города или области, куда их направил отец (ПВЛ под 988 г.), указано, что Святослав княжил в Древлянской земле. С географической точки зрения, Святославу Владимировичу, чтобы быстрее покинуть Русь, нужно было бежать в Польшу, но там правил тестя Святополка «Окаянного» Болеслав Храбрый. Это заставило древлянского князя избрать более длинный путь, скорее всего, в направлении Верещагского перевала. При этом возникает вопрос о конечной цели Святослава. Если отталкиваться от летописного свидетельства о мире и союзах Владимира Святого с соседними государствами, в том числе с венгерским королем Иштваном I, напрашивается мысль о том, что Святослав искал приюта у первого венгерского короля, но это совсем не очевидно. Как будет показано ниже, Подкарпатская Русь в первой половине XI в. не раз становилась тем укромным уголком, где пережидали тяжелые времена некоторые представители европейских правящих династий.

Стремление Святополка избавиться от своих братьев лишило его широкой поддержки на Руси, поэтому его главным союзником стал тестя Болеслав I Кривоустый. По свидетельству ПВЛ, помещенному под 1016 г., Святополк потерпел поражение под Любечем от Ярослава, пришедшего с большим войском из варягов и новгородцев. Судя по летописному описанию, это событие произошло зимой 1015/6 г. Далее ПВЛ датирует 1017 г. приход Ярослава Владимировича в Киев, когда «погорели церкви», и 1018 г. — поход войска Болеслава Храброго на Русь для возвращения зятю верховной власти над русскими землями. Летописная информация под последним из названных годов представляет собой занимательный рассказ с репликами некоторых персонажей, но лишенный каких-либо более точных хронологических ориентиров. Таким же малоинформационным и написанным в таком же дидактическом духе является рассказ о походе Болеслава на Русь в 1018 г. у польского хрониста Галла Анонима (создавшего свое сочинение в 1107—1113 гг.), в котором вражеское

войско застает Ярослава беспечно ловящим рыбу, после чего «король Руси» обращается в бегство, признав, что Бог решил отдать Киев во власть Болеслава.¹

Самым же точным источником, написанным современником тех событий и содержащим точные даты некоторых из них, является Хроника Титмара Мерзебургского, умершего 1 декабря 1018 г. Сам Титмар на Руси не был, но тщательно фиксировал доходившие до него известия о действиях войска Болеслава Храброго на Руси. Объективности данным Титмара прибавляет и то, что он не был приверженцем польского князя, с которым неоднократно воевал германский король Генрих II, ставший в 1014 г. императором. Из Хроники Титмара нам известно о том, что после первой победы над Святополком Ярослав совершил в 1017 г. поход на владения Болеслава, захватил не названный хронистом город, но более ничего там не добился.² По мнению исследователей, речь в данном случае идет о Берестье (соврем. Брест), поскольку НПЛ содержит известие под тем же годом о походе Ярослава на Берестье. Однако при этом возникает вопрос: кто был владельцем названного города? Вряд ли Ярослав Владимирович осмелился бы в тогдашней тяжелой политической ситуации на Руси провоцировать войну с Болеславом Храбрым. По мнению А. В. Назаренко, Берестье оставалось во владении Святополка «Окаянного», несмотря на его бегство в Польшу.³

В Хронике Титмара можно найти причину того, почему Святополк Ярополкович/Владимирович два года дождался оказания ему военной помощи со стороны Болеслава I: последний очередной раз находился в состоянии войны с Германией. Лишь 30 января 1018 г. в Будишине (Баутцене) был подписан мирный договор, и польский князь начал готовиться к походу на Русь. Битву на Западном Буге Титмар датирует 22 июля, а вступление противников Ярослава в Киев — 14 августа 1018 г.⁴ В Хронике Титмара Мерзебургского также содержится не только перечисление всех союзников Святополка в кампании 1018 г., но и численность их военных отрядов. По словам хрониста, Святополку помогали 300 польских воинов, 500 венгров и 1000 печенегов.⁵ С точки зрения

настоящей работы, важно привлечение венгерского военного отряда, свидетельствующее о мирных отношениях между Польшей и Венгрией в то время. Если соотнести это свидетельство с известием ПВЛ о бегстве древлянского князя Святослава Владимировича в сторону Венгрии, то более вероятной представляется версия о том, что он бежал не к венгерскому королю, а в Подкарпатскую Русь.

По свидетельству Галла Анонима, польский князь был хозяином в Киеве в течение десяти месяцев,⁶ что, скорее всего, является преувеличением. В то же время неверным является и утверждение Устюжского летописного свода, что поляки пребывали в Киеве всего лишь месяц, иначе об их уходе оттуда знал бы Титмар Мерзебургский.⁷ ПВЛ описывает эти события под 1018 г., подчеркивая подлый нрав Святополка, рассредоточившего польских воинов по разным русским городам и приказавшего местному населению тайно истреблять чужеземцев. Если сравнить описания ухода воинов Болеслава Храброго из Киева Галлом Анонимом и ПВЛ, то ярко бросается в глаза стремление книжников воз величить подвиг своих предков. Польский хронист объясняет уход Болеслава необходимостью князя вернуться к делам управления государством, с которыми не совсемправлялся его наследник (будущий Мешко II), а в ПВЛ подчеркивается паническое бегство поляков, которые попытались при этом вывезти как можно больше богатств из Руси. При этом ПВЛ, Киево-Печерский патерик, польские хронисты и Титмар Мерзебургский единодушно свидетельствуют о том, что одной из целей похода Болеслава I на Русь была сестра Ярослава Владимировича (Предслава), которую насильно увезли в Польшу. ПВЛ свидетельствует о том, что «смотрителем» за награбленными на Руси богатствами Болеслав сделал Анастаса Корсунянина — протопопа Десятинной церкви, который втерся к нему в доверие. Платой за вмешательство в ме ждоусобицы сыновей Владимира стало также возвращение Червенских градов под власть Пястов.

Истребление воинов главного союзника было непростительной ошибкой Святополка. Избавившись от поляков, «упо

добившийся Каину» князь оказался в политическом одиночестве на Руси, в то время как бежавший в Новгород Ярослав вновь получил поддержку от новгородцев, решивших бороться до последнего за завоевание их князем Киева. Когда собранное Ярославом войско направилось в 1019 г. на Киев, Святополк вынужден был бежать к своим последним союзникам — печенегам. Битва, состоявшаяся на реке Альте — месте, где был убит посланными Святополком людьми Борис Владимирович, принесла победу Ярославу. По свидетельству ПВЛ, бежавший с поля боя Святополк погиб где-то в пустынном месте между Чехией и Польшей, хотя это выражение могло быть древнерусской поговоркой. На Руси было восстановлено временное политическое единство, но оно, как выяснилось вскоре, оказалось видимым. Червенские грады остались во владении Болеслава Храброго, и, скорее всего, власть Киева в то время не распространялась на средний участок западной границы Руси, где в то время проводили независимую политику полоцкие князья.

Согласно припоминанию, помещенному в Лаврентьевской летописи под 6636 (1128/9) г., Владимир Святославич (еще до своего крещения) построил для своей отвергнутой жены Рогнеды и ее малолетнего сына Изяслава город Изяславль.⁸ В ПВЛ под 988 г. Изяслав уже упоминается в качестве полоцкого князя. О дальнейшей его судьбе известно лишь то, что он умер в 1001 г. (ПВЛ). Полоцкий стол после него занял сын Брячислав (1001—1044). В указанном выше припоминании летописец объясняет читателям, что полоцкие князья издревле проявляли непокорность по отношению к Киеву по причине жестокого обращения Владимира Святославича с Рогнедой — дочерью основателя местной княжеской династии, убитого Владимиром. До нас не дошли сведения о том, как Брячислав Изяславич вел себя во время борьбы за Киев Святополка с Ярославом. Судя по отмеченному в НПЛ и Хронике Титмара Мерзебургского походу Ярослава на Берестье 1017 г., закончившемуся безрезультатно, Брячислав, скорее всего, занимал позицию нейтрального свидетеля братоубийственной войны.

Как известно, главной опорой Ярослава в борьбе за Киев были новгородцы. Если учесть, что в год смерти Владимира Святославича в Новгороде произошла кровавая междоусобица варяжских дружиинников Ярослава с новгородцами и последние понесли потери в битвах со Святополком и Болеславом Храбрым, можно с большой долей уверенности утверждать, что военные силы Новгорода были заметно подорваны участием города в междоусобной войне. Этим решил воспользоваться Брячислав Изяславич, напавший в 1021 г. на Новгород, откуда он привел пленников вместе с богатой добычей. Пришлось Ярославу отправляться в поход в Полоцкую землю. Настигнув Брячислава, киевский князь победил его дружину и возвратил пленников и их добро в Новгород. Судя по информации ПВЛ, Ярослав не стал преследовать бежавшего в Полоцк Брячислава. Под 1022 г. ПВЛ приводит краткое сообщение о походе Ярослава к Берестью, ничего не сообщая о результатах этого похода. Если опираться на рассмотренные выше свидетельства НПЛ и Титмара Мерзебургского, можно предположить, что Берестье в то время оставалось под властью Болеслава Храброго.

1023—1026 гг. ПВЛ датирует междоусобную войну Ярослава с братом Мстиславом, сидевшим в Тмутаракани. Сила в этом противостоянии была на стороне Мстислава, подчинившего своей власти этнические группы приазовских степей и Северного Кавказа (хазар и касогов), но киевляне не захотели видеть своим князем Мстислава Владимировича. В конечном счете братья заключили в 1026 г. Городецкий мир, по условиям которого Русь разделилась на две части по реке Днепру. Земли к востоку от Днепра с центром в Чернигове стали владением Мстислава, а к западу от реки и северные области — владением Ярослава. С этого времени и до смерти Ярослава Мудрого (1054) Русь не знала междоусобных войн. Благоприятной стала и международная обстановка на западных границах Руси, поскольку в 1025 г. умер Болеслав I Храбрый, добившийся за несколько месяцев до кончины королевской короны.

Ситуация на юго-западных границах Руси в период политического кризиса в Польше после смерти Болеслава Храброго

Трудно сказать, кто был сильнее в военном отношении, Польша при Болеславе I или Венгрия при Иштване I, но первый венгерский король не представлял для Руси такой опасности, как первый король Польши. В связи с этим смерть последнего, вызвавшая во владениях Пястов борьбу за власть его наследников, а значит, политическую нестабильность, была на руку Ярославу. Судя по его вниманию к судьбе Берестья, он не отказывался от намерений восстановить границы Руси, сложившиеся при его отце Владимире Святославиче. Преемником Болеслава I стал его сын Мешко II Ламберт (1025—1031, 1032—1034), матерью которого была Эмнильда, дочь лужицкого князя Добромира. В отечественной историографии господствует мнение о том, что после прихода к власти Мешко-Ламберт изгнал из страны своих сводных братьев Бесприма и Оттона, которые якобы отправились ко двору Ярослава Мудрого.⁹ О том, насколько обосновано это утверждение, речь пойдет ниже, а пока остановлюсь на характере правления нового польского короля.

Мешко II пытался проводить такую же активную внешнюю политику, какую вел его отец. Одним из главных направлений этой политики было укрепление власти Пястов над поморскими славянами путем подавления мятежей местной знати и ускорения процесса их христианизации. Эта активность встревожила императора Конрада II (1024—1039), что грозило очередной польско-германской войной. Мешко решил воспользоваться напряженностью в отношениях между Германией и Венгрией и заключил в 1027 г. союз с Иштваном I, отказавшись от претензий на земли современной Словакии, которая с этого времени стала постепенно осваиваться венграми и приглашаемыми венгерскими королями переселенцами из других европейских стран, превращаясь в Верхнюю Венгрию, каковой ее считали правители Венгрии вплоть до 1918 г. После заключения союза с венграми Меш-

ко II совершает в 1028 г. поход на Чехию и Саксонию. Это было проявлением политического авантюризма, поскольку вызвало в 1029 г. ответный поход Конрада II на Польшу. Расчет польского короля на то, что он получит эффективную военную помощь от Иштвана I, не оправдался. Распыление военных сил Мешко II на разных направлениях создавало благоприятные условия для Ярослава Мудрого в его намерениях вернуть земли, захваченные Болеславом Храбрым.

В советской историографии после выхода вышецитированного труда В. Д. Королюка, посвященного отношениям Руси с западными славянами в X—XI вв., закрепилось утверждение о существовании союза Ярослава Мудрого с Конрадом II.¹⁰ При этом историк утверждает, что изгнанные братья Мешка II пребывали при дворе Ярослава Мудрого. Основания для такого утверждения весьма зыбкие, поскольку опираются исключительно на синхронность действий германского императора и киевского князя по отношению к Польше, что само по себе ничего не доказывает. Королюк, признавая отсутствие в его источнике (сочинении Випона, см. ниже) информации о Бесприме, тем не менее считает, что он вместе с Оттоном пребывал при дворе Ярослава Мудрого, который якобы совершил походы на Польшу в 1030—1031 гг. в рамках помощи изгнанным братьям Мешка II. Все утверждения подобного рода являются чисто умозрительными и не имеют никакого отношения к реальной действительности. Венгерские историки, опираясь на сведения Титмара Мерзебургского (IV, 58), считают, что Бесприм (*венг.* Веспрем) сразу же после рождения был выслан отцом Болеславом I вместе с матерью в Венгрию в 987 г. и прожил на родине матери вплоть до 1031 г., когда ему удалось временно захватить власть в Польше, воспользовавшись бегством Мешка II в Чехию.¹¹ Действительно, ни в одном источнике нет даже намека на то, что Бесприм/ Веспрем когда-то жил на Руси.

Рассказ о пребывании Оттона Болеславича «на Руси» содержится в сочинении Випона — придворного клирика Конрада II, воспитателя наследника престола — будущего германского императора Генриха III (1039—1056), которое

называется «Деяния императора Конрада». Написание этого труда исследователи датируют 1040 или 1046 г. Об изгнании Оттона Болеславича «в провинцию Русь» Випон сообщает впервые в гл. IX «Деяний» и вторично в гл. XXIX, где также содержится краткий рассказ о «жалком образе жизни» (*miserabiliter*) Оттона на Руси, побудившем его обратиться за помощью к Конраду II, который не только откликнулся на его просьбу, но и сделал его польским правителем.¹² Судя по тексту сочинения Випона, он ничего не знал о Бесприме, считая, что у Мешка был только один брат Оттон, который в 1031 г. с немецкой военной помощью занял польский престол. Эта версия не считается достоверной не только в венгерской, но и в польской историографии, где также господствует точка зрения, согласно которой в 1031—1032 гг. польский престол занимал Бесприм, пришедший с войском из Венгрии.¹³ Таким образом, утверждения о пребывании Бесприма и Оттона при дворе Ярослава Мудрого и о существовании в конце 20—начале 30-х гг. XI в. русско-германского союза, направленного против Мешка II, возникли в советской и сохраняются в современной российской (А. В. Назаренко) историографии.

Основой для убежденности в существовании союза между Ярославом Мудрым и Конрадом II остается упоминание Випоном «провинции Руси», где пребывал Оттон, в которой отечественные исследователи видят исключительно Днепровскую Русь. Для подобного утверждения нет никаких оснований, как и для предположений о пребывании Оттона в Киеве. Сама характеристика места, где скрывался Оттон, и жалкий образ жизни, который он там вел, красноречиво свидетельствуют против точки зрения о русско-германском союзе. Скорее всего, Оттон прятался от брата в Подкарпатской Руси — типичном «медвежьем угле», которого не коснулись внешнеполитические акции Мешка Болеславича. Оттон дождался благоприятного момента, чтобы с немецкой помощью захватить власть в Польше, но его опередил брат Бесприм. Что же касается синхронности действий Ярослава Владимиоровича и Конрада II, то в данном случае киевский князь

воспользовался тяжелой внешнеполитической ситуацией, в которую попал Мешко II вследствие своего авантюризма, для возвращения Белза в 1030 г. и совершения совместного с братом Мстиславом похода в Мазовию в 1031 г.¹⁴

Следствием этих походов стало не только возвращение Червенских градов, но и насильственное переселение Владимировичами части поляков на русские земли. По свидетельству ПВЛ (под 1031 г.), пленных Ярослав и Мстислав поделили поровну. Под 1030 г. помимо известия о взятии Белза в ПВЛ также содержится информация о походе Ярослава на чудь (эстов) и основании на их земле города Юрьевы (соврем. Тарту). Как известно, связи чуди с восточными славянами уходят своими корнями по крайней мере в IX столетие. По свидетельствам ПВЛ, до прихода Рюрика на Русь варяги брали дань с ильменских словен, чуди, мери и кривичей, а в 882 г. чудь дала Олегу один из военных отрядов, участвовавших в походе «вещего» князя на Киев. Судя по всему, предки современных эстонцев не были затронуты христианизацией на рубеже X—XI вв., что могло способствовать прекращению уплаты дани чудью русским князьям. Неслучайно ПВЛ пишет о победе Ярослава над чудью. Основание Юрьевы призвано было способствовать распространению христианства в восточной Эстонии. В результате похода Ярослава 1030 г. северо-западная граница Руси переместилась на несколько десятков километров на запад, а Чудское озеро стало внутренним русским водоемом. ПВЛ не содержит сведений о других походах русских князей на западном направлении до конца периода «двоевластия» на Руси, датируемого 1036 г., когда Мстислав Владимирович умер в Чернигове, не оставив наследника.

Бегство венгерских принцев к Ярославу Мудрому

Отношения с Венгрией стали актуальными для киевского князя, скорее всего, еще в период разделения Руси на две части. К сожалению, венгерские источники, повествующие

о трудной судьбе двоюродных племянников Иштвана I Святого (997—1038), дают лишь один приблизительный хронологический ориентир (см. ниже), что провоцирует исследователей на его проверку путем поисков параллельных сведений в средневековых исторических сочинениях соседних с Венгрией стран. Подобные поиски, начатые еще в конце XIX в. в Венгрии (Д. Паулер) и продолжающиеся в наше время в России (А. В. Назаренко), по моему мнению, изначально имели неверный исследовательский ракурс. Историки стремились доказать недостоверность сведений венгерских хронистов, опираясь на случайные совпадения в польских, чешских и немецких хрониках ряда событий, в которых не участвовали Эндре, Бела и Левенте, с теми, свидетелями которых они являлись. В результате получилось, что сведения, прямо не связанные с деятельностью братьев, оказались предпочтительнее тех, которые прямо указывают на их участие. Более плодотворным мне представляется не противопоставлять, а соотносить известия различных источников, что было сделано мной в одной из недавних работ.¹⁵ Аргументы Д. Паулера и А. В. Назаренко я признаю недостаточными для того, чтобы объявить недостоверной информацию средневековых венгерских хроник. Сейчас я изложу свою версию событий, связанных с появлением венгерских принцев при дворе Ярослава Мудрого.

Единственный сын Иштвана I Имре погиб на охоте в 1031 г., что оставило основателя Венгерского королевства без наследника престола. Кстати, Имре упоминается в Хильдесхаймских анналах как «герцог русских» (*dux Ruizorum*),¹⁶ что, скорее всего, выражает управление им областью, населенной русскими, т. е. Подкарпатской Русью. Возможно, там уже в то время существовала пограничная область — Русская марка. Смерть единственного наследника заставила Иштвана искать замену ему среди своих племянников. При этом король (по причинам, о которых источники умалчивают) не просто категорически отказался включить в круг возможных преемников своего двоюродного брата Вазула (Василия?), но и приказал лишить его зрения и слуха, что-

бы сделать полностью непригодным к управлению государством. Сыновья Вазула — Эндре, Бела и Левенте — вынуждены были покинуть Венгрию и искать приюта на чужбине. Столь жестокие меры «святого короля» против своих родственников заставили средневековых венгерских хронистов искать ему оправдание. Так возникла версия о том, что Иштван сделал это по наущению своей жены — дочери баварского герцога Гизеллы, но чаще в средневековых латиноязычных сочинениях королевства Венгрии мы можем встретить манипуляцию с генеалогией названных братьев. Они стали сыновьями вышеупомянутого Ласло Сара, прозвище которого («лысый») намекало на его язычество, в то время как Вазул, судя по его имени, скорее всего, был христианином.¹⁷

О скитаниях Эндре, Белы и Левенте до их прибытия на Русь конкретно повествуют только венгерские средневековые исторические сочинения. Это Композиция венгерских хроник XIV в., вобравшая в себя более ранние гести, а также «Деяния венгров» Шимона Кезаи, составленные в 1282—1285 гг. Первый из названных источников более подробно описывает рассматриваемые события, а второй содержит одно важное уточнение (см. ниже). Что касается хронологического ориентира, то он содержится в обоих из названных источников. По мнению исследователей, бегство сыновей Вазула из Венгрии следует датировать временем не ранее 1031 г. и расценивать как одно из последствий смерти принца Имре. Возможно, Вазул слишком откровенно заявил двоюродному брату Иштвану о том, что у того нет другого выхода, как объявить его наследником престола, что побудило короля беспрецедентно жестоко наказать Вазула. Опасавшиеся за свою судьбу Эндре, Бела и Левенте сначала бежали в Чехию, откуда они вынуждены были перебраться в Польшу ввиду большой нужды или голода.¹⁸

Композиция венгерских хроник и Шимон Кезаи единодушно свидетельствуют о том, что в Польше сыновья Вазула были радушно приняты Мешко II. Речь в данном случае явно идет о его втором правлении, которое длилось с весны 1032 г.

по 10/11 мая 1034 г.¹⁹ Это как раз и является единственным хронологическим ориентиром для датировки рассматриваемых событий. Во время пребывания в Польше один из братьев — Бела — сумел прославиться в борьбе с язычниками-поморянами, получив в награду за это дочь Мешка II в жены. Автор этого рассказа Композиции венгерских хроник далее пишет, что Эндре и Левенте стали после этого «придатками/ привесками» (appendices) к своему брату, что побудило их покинуть двор польского князя и отправиться дальше на восток. Разумеется, все это должно было произойти до 10 мая 1034 г. Композиция венгерских хроник и Шимон Кезай называют Владимир-Волынский (*Lodomeria*) местом, куда направились Эндре и Левенте из Польши.²⁰ Этот русский город был в то время важнейшим политическим центром на юго-западе Руси, и появление там венгерских принцев означало, что они отправились из польской столицы Гнезно прямым путем, а не через Червенские грады. Названные источники свидетельствуют о том, что правитель Владимира-Волынского (*dux Lodomerie*) не принял знатных скитальцев, причем Шимон Кезай при этом добавляет: «из-за (боязни) короля Петра» (*propter Petrum regem*).²¹ Здесь имеется в виду непосредственный преемник Иштвана I Святого Петер Орсеоло (1038—1041, 1044—1046).

Эти сведения вызывают у исследователей закономерные вопросы, и они же дают контрапункты тем, кто скептически оценивает информацию венгерских хроник о пребывании сыновей Вазула в Польше во время второго правления Мешка II. Во-первых, что за князь не пустил Эндре и Левенте на территорию Руси? А во-вторых, если этот князь действительно боялся Петера Орсеоло, тогда названные братья не могли появиться на западной границе будущего Владимира-Волынского княжества ранее 1038 г. Последнее обстоятельство побуждало венгерского академика Д. Кришто датировать прибытие Эндре и Левенте к Ярославу Мудрому именно этим годом.²² Между тем, как указывалось выше, уточнение Шимона Кезай является уникальным для средневековой венгерской историографии, что позволяет квалифи-

цировать его как пояснение хрониста конца XIII в. современным ему читателям. Сам по себе труд Шимона Кезаи является кратким пересказом первых венгерских исторических сочинений (гест), в то время как в Композиции венгерских хроник XIV в. они по большей части переданы либо дословно, либо с небольшой редакторской правкой в соответствии с отношением к событиям прошлого в тот исторический период, когда происходило редактирование. Исходя из этого, пояснение Шимона Кезаи не является серьезным контраргументом.

Что же касается проблемы существования во Владимире-Волынском княжеского стола в 30—40-х гг. XI в., то она значительно более сложная, тем более что об этом свидетельствует не только Шимон Кезаи, но и Композиция венгерских хроник. Древнейшее известие о занятии этого стола содержится в ПВЛ под 988 г. при перечислении сыновей Владимира Святославича. Здесь владимиро-волынским князем назван Всеволод Владимирович. Об этом князе есть еще одно известие в ПВЛ (под 980 г.) — о том, что его матерью была Рогнеда. Больше о нем ничего не известно. Следующее упоминание князя во Владимире-Волынском в ПВЛ относится уже к 1054 г., при перечислении сыновей умершего Ярослава Мудрого. Если этот список точно передает порядок появления на свет сыновей Ярослава, получается, что во Владимире-Волынском в то время сидел его шестой сын Игорь, из чего вытекает политическое значение названного княжеского стола. Естественно, старшие сыновья Ярослава занимали более престижные столы. Его первенец (от первого брака) Илья сидел около 1020 г. в Новгороде, туда же был направлен в 1036 г. следующий сын Владимир Ярославич, которому было в то время 16 лет.

Таким образом, нет никаких сведений, подтверждающих наличие в 1034 г. во Владимире-Волынском княжеского стола. Однако это обстоятельство ни в коем случае не может служить серьезным контраргументом, ставящим под сомнение достоверность хронологического ориентира средневековых венгерских исторических сочинений. Дело в том, что в этих источниках наблюдается устойчивая традиция пре-

увеличивать политическое значение Владимира-Волынского и Галича в ранние эпохи их существования. Уже в «Деяниях венгров» магистра П. при описании событий рубежа IX—X вв. упоминаются князья «Галиции» и «Лодомерии».²³ Это наталкивает на мысль о том, что средневековые венгерские хронисты были убеждены: со временем складывания государства у «рутенов» названные области имели собственных князей. Скорее всего, в 1034 г. в «Лодомерии» сидел присланный из Киева посадник, который с целью перестраховки отказал во въезде венгерским принцам, заставив их провести некоторое время среди степняков (печенегов). В конечном счете Эндре и Левенте были приняты Ярославом Мудрым, и это, судя по рассказу венгерских хроник, произошло в том же 1034 г.

Западная политика Руси в период единовластия Ярослава

ПВЛ начинает статью под 1036 г. рассказом о смерти в Чернигове Мстислава Владимировича, одним из следствий которой стало объединение всей Руси под властью Ярослава Мудрого. После этого Ярослав отправился в Новгород для посажения на стол своего старшего (из оставшихся в живых) сыновей — Владимира, чем воспользовались печенеги, двинувшиеся на Киев. Скорее всего, к этой акции печенегов побудил натиск на них с востока других степняков — торков. Ярославу пришлось возвращаться в столицу и вступать в битву с печенегами, в которой они потерпели тяжелое поражение и были вынуждены откочевывать в западную часть Северного Причерноморья и далее на Нижний Дунай. На некоторое время обстановка на южных границах Руси стала более спокойной. Приблизившиеся к русским границам после откочевки на запад печенегов торки старались не давать киевскому князю поводов для походов в Степь. Это позволило Ярославу активизировать внешнюю политику на западном направлении.

Венгрия и Польша переживали в то время период внутренней нестабильности. После смерти Мешка II (1034) в Польше подняла голову языческая реакция и активизировалась местная знать, недовольная усилением княжеской власти. В правление старшего сына Мешка — Болеслава Забытого (1034—1037/8) — Поморье и Мазовия фактически отделились от Польши. Все попытки князя объединить страну под своей властью оказались безрезультатными. После смерти Болеслава Забытого в Польше вспыхнуло мощное народное восстание, имевшее ярко выраженный антихристианский характер. Брату Болеслава Забытого Казимиру пришлось бежать в Венгрию. Политическим хаосом в Польше воспользовался чешский князь Бржетислав I (1035—1055) — он совершил поход на польскую столицу Гнезно и вернул под власть Чехии Силезию, но присоединить всю Польшу к своим владениям ему не удалось. С конца 1038 г. Казимир I начинает наводить порядок на своей родине, в чем ему сопутствует успех. Недаром этот князь вошел в историю как Казимир I Восстановитель (1039—1058).

С событиями политической борьбы в Польше при наследниках Болеслава I Храброго связан один из сюжетов Киево-Печерского Патерика, описанный в Слове о Моисее Угрине. Поскольку этот агиографический памятник почти не имеет датировок, исследователи так и не пришли к общему мнению о том, сколько времени провел Моисей в Польше и когда он возвратился на Русь. Судя по контексту этого повествования, Моисей был уведен в 1018 г. в Польшу вместе с Предславой Владимировной, которую Болеслав Храбрый сделал своей наложницей. На чужбине Моисей, который был «крепок телом и прекрасен лицом», стал жертвой страстной любви к нему некой знатной польки, решившей добиться от него взаимности всеми доступными средствами. Моисею пришлось вытерпеть всевозможные истязания, но выкупившая его аристократка так и не добилась своей цели. Освобождению Моисея Угрина способствовало всеобщее восстание против «епископов и бояр».²⁴ В Патерике написано о том, что Моисей «в плenу страдал пять лет в оковах, ше-

стой же год за чистоту».²⁵ Исследователи спорят по поводу того, 6 или 11 лет провел Моисей Угрин в польском плenу, в то время как ни та, ни другая версии не согласуются с даваемыми в Патерике хронологическими ориентирами: 1018 г. (уход Болеслава Храброго из Киева) и 1037—1038 гг. (народное восстание в Польше). Древнерусские книжники вообще плохо себе представляли польскую историю 20—30-х гг. XI в. В данном случае автор слова 30-го Киево-Печерского Патерика следует версии ПВЛ, где смерть Болеслава I Храброго датирована 1030 г. (вместо 1025 г.) и в этой же статье сообщается о народном восстании в Польше, вспыхнувшем 12 годами позже. Летописцы (авторы Патерика) перенесли в данном случае информацию из ПВЛ) усматривали между этими двумя событиями непосредственную причинно-следственную связь.

Внутренняя нестабильность в Польше побудила Ярослава Мудрого к активным действиям на западных границах Руси, где, по всей видимости, прекратилась уплата дани литовскими племенами. Под 1038 г. ПВЛ помещает известие о походе Ярослава на ятвягов, под 1040 г. — о его походе на Литву. Под следующим годом ПВЛ свидетельствует о походе киевского князя «на мазовшан в лодьях». Последняя акция означала нападение на польские земли, которые недавно с огромными усилиями удалось собрать воедино Казимиру I Восстановителю. Источники не содержат никакой информации относительно реакции польского князя на поход Ярослава в Мазовию. По всей видимости, военных сил у Казимира для ответного похода на Русь в то время было недостаточно. В последующие годы летописцы отмечают внешнеполитическую активность Руси как на севере, так и на юге, причем главным действующим лицом становится при этом старший (на то время) из сыновей Ярослава — княживший в Новгороде Владимир. В 1042 г. он совершает поход на финское племя емь, а в 1043 г. отец посыпает его «в ладьях» против Византии. Оба похода были тяжелыми для русских дружин, но если первый хотя бы принес воинам Владимира Ярославича добычу, то второй сопровождался бурей, разметавшей

русские корабли, и закончился ослеплением попавших в плен к византийцам русских дружиинников.

Если буквально воспринимать информацию ПВЛ, можно предположить, что неудача последнего похода руси на Константинополь, следствием которой стало трехлетнее «розмирье» с Византией, побудила Ярослава Владимиоровича заключить союз с Польшей, скрепленный браком его дочери Добронеги (ставшей в Польше Марией) с Казимиром I Восстановителем. ПВЛ датирует этот брак 1043 г., помещая известие о нем после рассказа о походе Владимира Ярославича на Константинополь и его последствиях. Однако польские источники не подтверждают датировку ПВЛ, не давая при этом никакой другой конкретной даты. Все это породило длительную дискуссию среди историков, прежде всего польских, которая пока не привела к появлению господствующей точки зрения. Предлагаемые исследователями датировки находятся в интервале между 1038 и 1043 гг.²⁶ При этом самая ранняя из них как бы намекает на то, что Ярослав Мудрый сыграл заметную роль в восстановлении единства Польского государства после потрясшего его мощного народного восстания. ПВЛ связывает с женитьбой Казимира на Добронеге-Марии отпуск на родину русских пленников, уведенных воинами Болеслава Храброго из Руси в 1018 г. Это свидетельство является еще одним хронологическим ориентиром для определения времени возвращения на Русь Моисея Угрина. Русско-польским отношениям рассматриваемого времени также посвящена краткая статья, помещенная в ПВЛ под 1047 г.: «Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покорил их Казимиру». Эти известия свидетельствуют о том, что, во-первых, процесс объединения Казимиром польских земель занял многие годы, а во-вторых, Ярослав Мудрый был заинтересован не в расширении своих владений далее на запад от Червенских градов, а в существовании на его западных границах сильного Польского государства.

Большая часть 40-х гг. XI в. была временем внутренней нестабильности в Венгрии. Сменивший Иштвана I Святого

на венгерском престоле его племянник — сын венецианского дожа Петер Орсеоло (1038—1041, 1044—1046) — уже в годы своего первого правления постепенно стал крайне непопулярным у венгерской знати из-за ярко выраженного стремления опереться на иностранцев в делах управлении государством. Вступая на трон, Петер дал клятву вдове Иштвана I Гизелле защищать ее и не покушаться на ее имущество. С первых месяцев своего правления он проводил активную внешнюю политику: помогал Казимиру I наводить порядок в Польше, поддерживал чехов в их борьбе с Германской империей и болгар во главе с Петром Деляном в их восстании против византийского господства. Внутренняя политика Петера характеризовалась ускорением процесса феодализации страны, прежде всего путем издания новых законов, выдачи дипломов на право владения землями и т. п. Король нарушил клятву, данную Гизелле, изгонял из числа своих советников сторонников «старого порядка», заменял местных епископов на своих ставленников. Все это привело в 1041 г. к мятежу знати, вынудившему Петера бежать в Австрию к своему шурину (или свояку).

Венгерская знать избрала преемником Петера зятя Иштвана I — Шамуэла Абу (1041—1044), который был потомком одного из вождей каваров — части хазарского этноса, поднявшей в середине IX в. мятеж против кагана и присоединившейся к венграм после поражения от каганского войска. Владения рода Аба находились в современной центральной Словакии, на границе Подкарпатской Руси. Близость Шамуэла Абы к основателю Венгерского королевства могла способствовать тому, что подкарпатские русины искали у него покровительства, а сам он хорошо знал, что бассейн Верхней Тисы является глухой малонаселенной областью, где можно спрятаться в случае смертельной опасности. Именно так следует расценивать действия короля, потерпевшего в 1044 г. поражение от немецкого войска, посланного императором Генрихом III (1039—1056) в Венгрию для восстановления на престоле Петера Орсеоло. Регенсбургская «Хроника императоров», созданная около 1150 г., свидетель-

ствует о том, что Шамуэл Аба бежал «к русским» (*ze den Riuzen*), а Композиция венгерских хроник XIV в. — что он бежал в направлении Тисы (*versus Tysciam*).²⁷ Никаких сведений о связях Шамуэла Абы с Ярославом Мудрым, на основании которых можно было бы предположить, что разгромленный венгерский король стремился найти убежище на Руси, у нас нет.

Судя по всему, Ярослав Мудрый в то время не обращал пристального внимания на борьбу за корону св. Иштвана, возможно, делая ставку на сближение со Священной Римской империей. До нас дошли свидетельства немецких источников о пребывании в Германии русского посольства на рубеже 1042—1043 гг. По сведениям наиболее осведомленного из хронистов — Ламперта Херсфельдского, после празднования Рождества Христова «оттуда отправились на родину опечаленные послы Руси (*Rusci*), так как несли твердый отказ относительно дочери своего короля, которую надеялись просватать за короля Генриха».²⁸ О какой из дочерей Ярослава шла речь, непонятно, скорее всего, об Анастасии, поскольку руки Елизаветы в то время уже добивался будущий норвежский король Харальд Суровый Правитель (1046/7—1066), а Анна, вышедшая замуж в 1051 г. за французского короля Генриха I (1031—1060), представляется слишком юной в то время. Из этого можно сделать вывод о том, что Ярослав Мудрый, дав приют венгерским принцам, не сразу решился выдать свою дочь замуж за старшего из них. Если этот вывод верный, тогда брак Эндре и Анастасии следует датировать не ранее 1043 г., когда киевский князь решил переориентировать свою внешнюю политику с заключения союза с Германией на поддержку ее потенциальных противников, каковыми в то время были покинувшие родину сыновья Вазула.

Во время своего второго правления в Венгрии (1044—1046) Петер Орсеоло вел себя как вассал германского императора Генриха III, которому он принес ленную присягу. Знать, поддержавшая Шамуэла Абу, подверглась суровым репрессиям. Все это побудило венгерских аристократов сделать наконец ставку на сыновей Вазула, и их гонцы отпра-

вились на Русь с приглашением Эндре занять венгерский престол. Судя по своему имени, Эндре, скорее всего, принял крещение на Руси, где был весьма популярен апостол Андрей Первозванный. Что касается Левенте, то он до конца своих дней остался язычником и был похоронен по языческому обычанию. Русские летописцы ничего не сообщают ни о пребывании венгерских принцев на Руси, ни о выдаче Ярославом Мудрым замуж за Эндре одной из своих дочерей. Лишь из приписки на полях «Польской истории» Яна Длугоша мы знаем имя этой княжны — Анастасия. В 1046 г. Ярослав дает Эндре войско, во главе которого тот возвращается на родину, где масштабный мятеж знати против короля Петера усугубило мощное народное восстание против насильственной христианизации во главе с Ватой. На гребне этого восстания, сопоставимого по размаху с аналогичным народным восстанием в Польше в 1037 г., Эндре легко разгромил Петера, но затем ему и вставшей за него знати пришлось бросить все силы на наведение порядка в стране. Когда в 1047 г. Эндре решил официально короноваться, во всей Венгрии нашлось лишь три епископа, переживших общенародный бунт.

О русском влиянии в Венгрии при Эндре I

В отечественной исторической литературе встречаются попытки представить правление венгерского короля Эндре I (1046—1060) как его соправительство с русской женой, якобы игравшей видную роль при дворе по причине тяжелой болезни своего венценосного супруга.²⁹ Этот тезис не находит подтверждения в источниках и опирается, прежде всего, на активную деятельность Анастасии Ярославны в Германии после смерти Эндре. Поскольку ее супруг погиб в войне, которую объявил ему пришедший из Польши брат Бела, Анастасия боролась за возведение на венгерский престол сына Шаламона, что ей и удалось с немецкой помощью в 1063 г. Что же касается эпохи Эндре I, который тяжело болел в самые последние годы своего правления, то королева никак

официально не участвовала в принятии им государственных решений, судя по дошедшему до нас источникам.

В то же время в Венгрии рассматриваемого времени ощущается заметное влияние восточного христианства, ставшее следствием прибытия вместе с королевой русских клириков. Самым ярким примером их подвижнической деятельности в Венгрии является создание ими пещерного монастыря наподобие Киево-Печерского на полуострове Тихань, выдающемся в озеро Балатон. Здесь находился также французский бенедиктинский монастырь Св. Анниана. До нас дошел диплом, выданный в 1055 г. Эндре I этому монастырю, в котором упоминается *Petra*, идентифицируемая исследователями с т. н. Русским камнем (*венг. Oroszkő*). При Эндре I в Венгрии были основаны еще два монастыря восточного обряда в Вишеграде (окрестности Буды) и Тормове (комитат Бихар). В последнем из названных монастырей нашли приют монахи, вынужденные бежать в 1055 г. из Чехии вследствие гонений на последователей кирилло-методиевской традиции, санкционированных князем Спитигневом II (1055—1061). При этом сам Эндре, как свидетельствует Композиция венгерских хроник XIV в., был прозван «белым» и «католическим» (*Albus et Catholicus*),³⁰ видимо, за подавление народного антихристианского движения под руководством Ваты.

Магистр П. в «Деяниях венгров» свидетельствует о том, что русская королева любила бывать в замке, находившемся недалеко от границы с ее родиной. Правда, при этом Аноним перепутал два близких географических названия и поселил королеву в окрестностях Комарома (соврем. Комарно в Словакии), хотя на самом деле она жила в Шарошпатаке — на границе с Подкарпатской Русью.³¹ Хотя некоторые исследователи (Д. Секей, Я. И. Штернберг) считали, что Ярослав Мудрый оказал своему венгерскому зятю военную помощь в 1051 г., когда в Венгрию вторглось войско германского императора Генриха III, но Композиция венгерских хроник XIV в. упоминает лишь о приходе печенегов на помочь венгерскому королю. Внешняя политика Ярослава Мудрого в последнее семилетие его правления (после похода в Мазо-

вию) отличалась миролюбием. В 1046 г. им были нормализованы отношения с Византией, в 1049 г. отправилась во Францию замуж за короля Генриха I Елизавета Ярославна. Однако это были последние годы существования единого Древнерусского государства.

К сожалению, венгерские исследователи не привлекают в своих работах материал, содержащийся в исторических преданиях русинского народа, считая, что говорить о заселении бассейна Верхней Тисы восточными славянами можно не ранее конца XII—начала XIII в. Между тем приводимые выше свидетельства о крещении Бруно Кверфуртским «проповедником Русии», явившейся частью Венгрии, о пребывании польского княжича Оттона в некой Руси, где он прозябал «жалким образом», о титуле наследника престола Имре «вождь/герцог русов» и др. опровергают этот тезис. Историческая память русинского народа сохранила предания о «белом князе» и «белой княгине», а также о «царских гробочках» (гробиках). Первое из этих преданий может относиться к зятю и дочери Ярослава Мудрого потому, что в Композиции венгерских хроник XIV в. Эндре I назван королем «белым и католическим». Второе предание также имеет «точку опоры» в этом же источнике, где помещено беспрецедентное для эпохи Арпадов свидетельство о том, что у короля Эндре I был незаконнорожденный сын Георгий. Что заставило хронистов засвидетельствовать этот факт? Дело в том, что наследник венгерского престола Шаламон родился только в 1052 г., из чего можно сделать вывод о рождении у Эндре и Анастасии долгое время одних дочерей либо о высокой смертности их детей, о чем как раз и свидетельствует предание о «царских гробочках». Видимо, Эндре настолько был обеспокоен долгим отсутствием у него законного наследника, что официально признал сына, рожденного ему наложницей.

ГЛАВА 4

ВРЕМЯ ЯРОСЛАВИЧЕЙ

Правление в Киеве Изяслава Ярославича

Несмотря на сохраняющуюся в отечественной исторической науке традицию, согласно которой распад Древней Руси на отдельные самостоятельные княжества следует датировать смертью Мстислава Великого (1132), целый ряд фактов заставляет отсчитывать эпоху начала политической раздробленности русских земель со времени смерти Ярослава Мудрого (1054). Дело здесь не только в том, что он накануне своей кончины разделил Русь между своими сыновьями, наказав им и их потомкам не покушаться на чужие владения. В области внешней политики сразу же после смерти Ярослава наблюдается стремление братьев сидевшего в Киеве Изяслава Ярославича (1054—1078, с перерывами) самостоятельно, без оглядки на Киев, улаживать отношения с соседними государствами и народностями, проживавшими на границах их владений. Так, через несколько месяцев после смерти отца, зимой 1054/5 г., сидевший в Переяславле Все-волод Ярославич (1054—1073) совершил поход к Воиню, где разбил находившихся там торков. ПВЛ ничего не сообщает о том, что этот поход был санкционирован Изяславом Ярославичем.

Обстановка на западных границах Руси в эпоху киевского княжения Изяслава была относительно спокойной. Об этом

может свидетельствовать тот факт, что после смерти в 1060 г. смоленского князя Игоря Ярославича его брат Вячеслав был переведен старшими Ярославичами из Владимира-Волынского в Смоленск. Видимо, в то время юго-западные окраины русских земель считались достаточно спокойными, что позволило Вячеславу занять более престижный княжеский стол. Кстати, как раз в том же 1060 г. в Венгрии произошла война между братьями Эндре I и Белой, в ходе которой король погиб, а Бела I сменил его на венгерском престоле (1060—1063). Вдова Эндре Анастасия Ярославна не обратилась за помощью к своим братьям, а предпочла искать «правду» в Германии, добившись с немецкой помощью короны св. Иштвана для своего сына Шаламона (1063—1074). До нас также не дошло никаких сведений ранних источников о том, чтобы Шаламон после своего свержения с престола двоюродными братьями (сыновьями Белы I) пытался найти военную поддержку на Руси. На основании этого напрашивается вывод о том, что русско-венгерские отношения не считались важными в то время в обоих государствах.

По свидетельству ПВЛ, в год смерти Ярослава Мудрого (1054) на границах Руси впервые появились половцы, ставшие впоследствии самыми страшными разорителями русских земель домонгольского времени. Поначалу половецкий «князь» Болуш заключил мир с Всеволодом Ярославичем, но зимой 1061/2 г. дело дошло до боевых действий с новыми степняками, возглавляемыми Искalom, на территории Переяславского княжества. Половцы Искала победили Всеволода и разорили его волость. Этот успех способствовал дальнейшему продвижению половецких орд на запад, к Нижнему Дунаю и примыкающим к нему с севера областям современных Молдавии и Румынии. Истребив значительную часть печенегов, половцы стали грозой не только южной Руси, но и юго-восточной Польши, Венгрии и Византии. В 60-е гг. XI в. именно половцы начинают определять основной вектор внешней политики Ярославичей. Правда, следует отметить, что вплоть до 1094 г. сохранялся древнерусский анклав в Тмутаракани, ставший приютом для появившихся среди

Рюиковичей князей-изгоев (Ростислава Владимировича, Олега Святославича и его братьев, Давыда Игоревича, Володаря Ростиславича).

В середине 60-х гг. XI в. одна из западнорусских земель, столицей которой был Полоцк, вновь становится очагом, откуда исходит опасность возникновения междоусобной войны, поскольку ее князь Всеслав Брячиславич (1044—1101), как некогда его отец, совершил в 1067 г. поход на Новгород. Эта междоусобица, затянувшаяся до 1071 г., сыграла на руку половцам, сумевшим нанести в 1068 г. Изяславу, Святославу и Всеволоду Ярославичам тяжелое поражение на реке Альте, одним из последствий которого стало восстание в Киеве, заставившее Изяслава бежать к своему родственнику — польскому князю Болеславу II Смелому (или Щедруму, 1058—1079, с 1076 — король). Болеслав II был сыном Казимира I и Добронеги-Марии Ярославны, а жена Изяслава Ярославича приходилась ему теткой. Прежде чем переходить к эпизодам из истории польско-русских отношений, связанным с помощью Болеслава II Изяславу, необходимо кратко (подробно не позволяют источники) остановиться на общем характере отношений между Русью и Польшей после 1047 г., когда Ярослав Мудрый подчинил Мазовию власти Казимира I.

До нас не дошло никаких известий о русско-польских контактах конца 40-х—начала 60-х гг. XI в. Как указывалось выше, в последние годы своей жизни Ярослав Владимирович отказался от активной внешней политики. Между 1046—1052 гг. были полностью урегулированы отношения с Византией, которые после неудачного похода Владимира Ярославича на Константинополь 1043 г. вновь осложнило неканоническое избрание первого митрополита из русских Илариона в 1051 г. Заключение брака Всеволода Ярославича с дочерью византийского императора Константина IX Мономаха (1042—1055) и присылка из Константинополя нового митрополита киевского и всей Руси грека Ефрема в 1054/5 г. сняли напряженность в отношениях между Русью и Византией. Ярославичи и Болеслав II старались не вмешивать друг друга в свои внутренние дела вплоть до 1068 г. Борьбу с Всеславом Полоцким

до этого времени Изяслав, Ростислав и Всеволод вели самостоятельно. Конец этой «независимой истории» положило изгнание Изяслава киевлянами за отказ князя дать им оружие для отражения нападения половцев. Восставшие горожане выпустили из заточения Всеслава Брячиславича и провозгласили его киевским князем (1068—1069).

Всеслав прокняжал в Киеве семь месяцев, пока Изяслав и Болеслав готовились к походу и прошли путь до находившегося в окрестностях древней столицы Белгорода. Выступив навстречу шедшему против него большому польскому войску, Всеслав накануне сражения с ним ночью бежал в «отчинный» Полоцк, бросив киевлян на произвол судьбы. Жители Киева, помнившие о бесчинствах поляков в древней столице в ту пору, когда они возвратили киевский стол Святополку «Окаянному», обратились с мольбой к братьям Изяслава, чтобы они воспрепятствовали разграблению чужеземцами «матери городов русских». Киевляне угрожаливойной старшему Ярославичу. «Сlyшав это, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава». Исследователи разделяют мнение В. А. Кучкина, согласно которому во второй половине апреля 1069 г. у Сутейска (одного из Червенских градов) был заключен мир братьев Изяслава с поляками, о котором вспоминает в своем «Поучении» Владимир Мономах.¹ Перед этим, по свидетельству того же «Поучения», зимой 1068/9 г. поляки сожгли пограничный русский город Берестье (Брест).

На этот раз поляки, наученные горьким опытом пребывания войска Болеслава I в Киеве в 1018 г., не стали надолго задерживаться в стенах «матери городов русских». Расправу над лидерами восставших киевлян учинил в 1069 г. старший сын Изяслава Владимира Мстислав перед вступлением пришедшего с Изяславом польского войска в Киев. В польской средневековой хронистике сохранилась легенда о том, что Болеслав II, войдя в Киев, «оставил на Золотых воротах памятный знак от удара своего меча». Впервые об этом написал в своей хронике Галл Аноним (I, 23). Винцентий

Кадлубек (II, 18), использовавший текст Галла Анонима при создании своей хроники, дополнил рассматриваемую легенду указанием на то, что Болеслав II был не первым, кто оставил след на Золотых воротах Киева, он лишь повторил то, что сделал его прадед Болеслав I в 1018 г. Польские хронисты подчеркивают зависимое положение Изяслава Ярославича от Болеслава II и получение последним богатых даров от киевского князя. ПВЛ вновь свидетельствует о рассредоточении польских воинов по южнорусским городам, где их, как и в 1018 г., начали тайно истреблять местные жители, что ускорило возвращение оставшихся на родину. На этот раз русско-польская граница осталась нетронутой.

Что касается русско-венгерских отношений в 60-е—начале 70-х гг. XI в., то, как указывалось выше, внук Ярослава Мудрого Шаламон (1063—1074) получил престол благодаря военной помощи германского императора Генриха IV (1056—1106). Когда Шаламон окончательно потерял власть, его мать Анастасия Ярославна вновь бежала в немецкие земли и окончила свои дни в одном из австрийских монастырей. Никаких сведений источников, которые могли бы объяснить ее нежелание искать поддержки на своей родине, у братьев, в то время совместно управлявших Русью, до нас не дошло. Напротив, Композиция венгерских хроник XIV в. свидетельствует о том, что один из двоюродных братьев Шаламона — Ласло (сын Белы I, будущий король Ласло I Святой) совершил около 1072 г. поездку на Русь с намерением найти военную помощь против Шаламона.² Скорее всего, Ласло приезжал в Киев к Изяславу Мстиславичу. Поскольку Шаламон приходился Изяславу и его братьям племянником, а Ласло имел родственников по женской линии среди правивших в Польше Пястов, миссия младшего сына Белы I ожидаемо закончилась неудачей.

При этом возникает закономерный вопрос: зачем венгерский принц, имевший родственные связи с польской правящей династией, направился на Русь, которой управляли родственники его политического противника? Возможно, ответ на этот вопрос содержится в «татищевском известии», поме-

щенном лишь во второй редакции «Истории Российской» под 6573 (1065) г. Здесь после взятой из ПВЛ информации об отравлении византийским катепаном княжившего в Тмутаракани Ростислава Владимировича добавлено: «Княгиня же его, уведав о сем, хотела и с детьми в Венгры ко отцу отъехать, но Изяслав, великий князь, детей ей не дал, а самой ехать не воспретил».³ Эти уникальные известия, скорее всего, не были амплификацией историка, а взяты им из какого-то не дошедшего до нас позднего источника. Как известно из раннеголетописания, сыновья Ростислава Владимировича позднее обосновались в юго-западной Руси, где волости их потомков постепенно объединились в Галичское княжество. Ниже будет рассмотрен описанный венгерскими хронистами эпизод, связанный с походом венгерского короля Калмана Книжника (1095—1116) в 1099 г. под Перемышль, когда вступившего на русскую землю короля пытались остановить некая Ланка, которая могла быть вдовой Ростислава, проживавшей у одного из своих сыновей.

Если информация В. Н. Татищева достоверна и если Ланка действительно происходила из Венгрии, то ее отцом никак не мог быть Эндре I по причине близкого родства его супруги с Ростиславом Владимировичем: Ростислав приходился венгерской королеве племянником. В таком случае единственным возможным отцом Ланки мог быть Бела I (1060—1063), породнившийся с польским правящим родом Пястов. Никаких политических препятствий этому не было, поскольку сам Эндре после утверждения на венгерском престоле вызвал из Польши брата Белу и отдал ему в управление третью часть королевства, возможно, по примеру Ярослава Мудрого, разделившего Русь по Днепру с братом Мстиславом.⁴ Правда, при этом Эндре поклялся Беле, что тот станет его преемником на венгерском престоле, но, почувствовав скорый уход из жизни, Эндре нарушил данную брату клятву, короновав своего малолетнего сына Шаламона в качестве соправителя, что стало главной причиной войны между Эндре и Белой в 1060 г., закончившейся гибелью первого. Если Ланка была дочерью Белы, становится понят-

ной поездка ее брата Ласло на Русь около 1072 г.: он надеялся получить военную помощь от Ярославичей при содействии своих русских родственников.

Распад «триумвирата» и его внешнеполитические последствия

Время второго киевского княжения Изяслава Ярославича оказалось недолгим (1069—1073). Большая его часть была наполнена борьбой с Всеславом Брячиславичем, стремившимся во что бы то ни стало вернуть «отчинный» Полоцк. Это ему удалось в 1071 г. Следующий год стал последним годом существования «триумвирата». О том, что отношения между Изяславом, Ярославом и Всеволодом были тогда мирными, свидетельствует перенесение мощей свв. Бориса и Глеба в новый храм 2 мая 1072 г., на котором присутствовали все три Ярославича. По мнению большинства исследователей, в том же году была составлена «Правда Ярославичей», ставшая второй частью Русской Правды. По свидетельству летописцев, инициатором смещения Изяслава с киевского стола стал следующий по старшинству сын Ярослава Мудрого — черниговский князь Святослав. Он сумел привлечь на свою сторону княжившего в Переяславле Всеволода, ставшего к тому времени самым младшим из оставшихся в живых Ярославичей.

Изяслав понимал военное превосходство коалиции Святослава и Всеволода и оставил свою «отчину» без боя. 22 марта 1073 г. в Киев вошли противники Изяслава. Святослав, согласно старшинству, занял киевский стол (1073—1076), а Всеволод отправился княжить в Чернигов. Летописец выставил всех трех братьев в неприглядном свете: Святослав в ПВЛ выглядит подлым интриганом, Всеволод — легко-верным сообщником, поддержавшим среднего брата против старшего, зная, что это нарушает завещание их отца. Что же касается Изяслава, то он показан самоуверенным богачом, не сомневающимся в том, что за деньги можно купить себе

воинов. Фактически изгнанный из Киева своими братьями, Изяслав вновь отправился за помощью в Польшу к Болеславу II в надежде на то, что тот в очередной раз оправдает свои прозвища Смелого и Щедрого. Однако, по свидетельству ПВЛ, поляки отняли у Изяслава его богатства и выгнали его. Видимо, теперь польский князь не был настроен помогать своему русскому родственнику в возвращении столичного княжеского стола. Свидетельство ПВЛ отчасти подтверждает письмо римского папы Григория VII (1073—1085) Болеславу II, датированное 20 апреля 1075 г., в котором папа укоряет польского князя за то, что вместо помощи он отобрал у Изяслава деньги.⁵

По мнению А. Б. Головко, ПВЛ во многом искажает реальную картину пребывания Изяслава Ярославича у Болеслава Смелого, а опирающиеся на ее известия исследователи делают неверный вывод о кратковременном пребывании изгнанного киевского князя в Польше. «Польский князь не мог сразу решительно отказать в поддержке своему близкому родственнику, тем более что он не знал, какую позицию по отношению к Кракову займет новый правитель Киева Святослав». В качестве аргумента украинский историк приводит свидетельство Ламперта Херсфельдского о том, что Изяслав прибыл в Германию только в январе 1075 г., а значит, он провел в Польше около полутора лет.⁶ Это время Болеслав II использовал не только для выяснения позиции Святослава Ярославича по отношению к Польше, но и для помощи своим венгерским родственникам — принцам Гезе и Ласло, свергнувшим в 1074 г. с престола своего двоюродного брата Шаламона. Видимо, крайне недовольный затягиванием решения своего вопроса Изяслав попытался нанять во владениях Пястов воинов для похода на Киев. Головко обращает внимание на то, что в ПВЛ при описании событий, связанных с оказанием военной помощи поляками русским князьям, нигде, кроме рассказа о вторичном изгнании Изяслава из Киева, не идет речь о найме воинов. По мнению историка, «в конце 1074 г. древнерусский князь был изгнан из Польши, а деньги, выделенные им на найм воинов, конфискованы».⁷

Ранние русские летописцы использовали рассказ о скитаниях Изяслава на чужбине в дидактических целях, стремясь показать, что он был наказан за свою гордыню. На самом же деле Изяслав Ярославич не был доистра ограблен в Польше, как это пытаются представить летописец. Немецкие средневековые хроники решительно опровергают эти домыслы, а их авторы стали свидетелями следующего этапа скитаний изгнанного киевского князя, которому пришлось отправиться дальше на запад от границ Руси — к германскому императору Генриху IV. Как свидетельствует Ламперт Херсфельдский в своих «Анналах», написанных в 1077—1078/9 гг., в начале 1075 г. «король Руси Димитрий (христианское имя Изяслава) привез ему (Генриху IV) неисчислимые сокровища — золотые и серебряные сосуды и чрезвычайно дорогие одежды...»⁸ Однако германский император, благосклонно приняв богатые дары, не торопился оказывать помощь Изяславу-Димитрию, поскольку имел родственные связи со Святославом Изяславичем: второй женой тогдашнего киевского князя была Ода, двоюродная племянница Генриха IV.

Последний постарался извлечь максимальную выгоду из междуусобицы Ярославичей и отправил в Киев настоятеля трирской церкви Бурхарда, а Изяслава «поручил заботам саксонского маркграфа Деди».⁹ О посольстве Бурхарда сообщает ПВЛ под 1075 г., а о его результатах — Ламперт Херсфельдский. При этом в обоих источниках речь идет о несметных богатствах Святослава Ярославича. В ПВЛ они являются предметом похвалы тогдашнего киевского князя, неумеренность которой побудила немецких послов напомнить князю о том, что лежащее мертвым грузом богатство ничего не стоит, а «лучше этого воины». Немецкий же хронист не скрывает своего восхищения щедростью Святослава: Бурхард привез «королю столько золота, серебра и драгоценных тканей, что и не припомнить, чтобы такое множество когда-либо разом привозилось в Германское королевство». В следующей фразе Ламперт объясняет причину такой щедрости Святослава Ярославича: «Такой ценой король Руси хотел купить одно — чтобы король (Генрих) не

оказывал против него помочи его брату, изгнанному им из королевства».¹⁰

Осознав свой проигрыш на этом своеобразном «аукционе», Изяслав Ярославич послал из Германии сына Ярополка в папский Рим, откуда наконец получил долгожданную поддержку. Ценой, которую заплатил за это изгнанный киевский князь, стала его готовность признать Русь частью западнохристианского мира. Хотя на практике этот проект оказался неосуществленным, поддержка Григория VII стала решающим фактором в деле возвращения Изяславом своей «отчизны». Болеслав II подчинился требованиям римского папы и вновь оказал военную помощь своему русскому родственнику. Письмо Григория VII Изяславу, в котором он одобрил намерение князя сделать свой народ частью западнохристианского мира, датировано 17 апреля 1075 г., а папское послание Болеславу II с упреками в неблаговидных поступках по отношению к Изяславу — 20 апреля 1075 г. Однако сам процесс оказания польским князем военной помощи затянулся. Лишь в следующем году, когда Болеслав II добился согласия римского папы на дарование ему королевской короны, правитель Польши в конце года дал Изяславу войско для возвращения им своей «отчизны».

Княжение в Киеве Святослава Ярославича совпало с активизацией междуусобной борьбы в правящем венгерском роде Арпадов. В 1074 г. сыновьям Белы I Гезе и Ласло удалось свергнуть с престола своего двоюродного брата Шаламона, которому после этого уже не удалось, несмотря на все усилия его матери Анастасии Ярославны, найти новую военную помощь в Германии и попытки самого Шаламона привлечь половцев для возвращения венгерского престола. При этом, как уже подчеркивалось выше, дочь и внук Ярослава Мудрого не обращались за военной помощью к своим русским родственникам. По крайней мере у нас нет никаких сведений источников об этом. Если рассмотреть этот факт с точки зрения политической ситуации на Руси в то время, то можно предположить, что Святослав Ярославич, опасавшийся реванша со стороны старшего брата, не хотел распылять

свои военные силы, тем более отправлять их в поход за Карпаты. С другой стороны, война против родственников Болеслава II, каковыми являлись новый венгерский король Геза I (1074—1077) и его брат и наследник Ласло, не была в интересах Святослава, поскольку польский князь только что отказал в помощи Изяславу Ярославичу и не стоило давать Болеславу повод для конфронтации.

По мнению А. В. Назаренко, Святослав Ярославич в годы своего киевского княжения (1073—1076) радикально переориентировал свою внешнюю политику, отказавшись от союза с германским императором Генрихом IV (у которого искала помощи Анастасия Ярославна) и сблизившись с Болеславом II. Тогда же византийский император Михаил VII Дука (1071—1078) предпринял конкретные действия к сближению с Русью и Венгрией. Все это находилось в русле общего недовольства политикой Генриха IV его восточными соседями. Одной из причин этого недовольства была, по мнению Назаренко, поддержка германским императором Шаламона, который в 1072 г. воевал с Византией.¹¹ Безусловно, в годы политического одиночества Изяслава Ярославича (1073—1074) Святослав старался максимально использовать благоприятную для него международную обстановку, чтобы не дать старшему брату возможности вернуться на Русь. Эти намерения Святослава Ярославича оказались неосуществленными.

Для того чтобы общая картина событий, происходивших на русско-венгерской границе в конце 60-х—начале 70-х гг., была более полной, необходимо также отметить, что в трагическом для Ярославичей 1068 г. половцы совершили набег и на северо-восточные окраины Венгерского королевства. Это побудило венгерских правителей начать военно-административное освоение «Русской марки», которая перестала обеспечивать безопасность основной территории Венгрии. В Подкарпатской Руси в рассматриваемое время создаются два замковых округа (комитата) — Унг и Боршова. Выше уже говорилось о том, что река Уж — Хунг (в более позднем венгерском произношении Унг) считалась местом, от которого произошел средневековый этнический венгров — Хунгари.

Центром комитата, охватывавшего бассейн этой реки, стал Унгвар («Ужская крепость») — современный Ужгород. Боршова находилась западнее Унга, в современной восточной Словакии. Источники не сохранили для нас точных дат основания названных комитатов, но, по свидетельству Композиции венгерских хроник XIV в., во время набега на Венгрию половецкого вождя Кутеска в 1085 г., там уже были построены крепости. Поскольку королевские замковые округа создавались для распространения контроля центральной власти над отдельными территориями, появление комитата Унг свидетельствовало о том, что «буферная зона» между окраинами Руси и Венгрии стала намного уже и основная территория Венгерского королевства теперь простиралась до того отрезка Карпатских хребтов, где пролегала естественная граница между двумя государствами.¹²

Ко времени киевского княжения Святослава относится свидетельство ПВЛ под 1076 г. о походе сыновей тогдашних киевского и черниговского князей Олега Святославича и Владимира Мономаха «в помощь полякам против чехов». Об этом походе сохранилось еще свидетельство в «Поучении детям» Владимира Мономаха, помещенном внутри текста ПВЛ под 1096 г. в Лаврентьевской летописи.¹³ Здесь можно прочитать: «Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их 4 месяца». Никаких других сведений об этом походе нет. Относительно времени начала этого похода В. А. Кучкин высказал обоснованное предположение, что его следует датировать сентябрем 1075 г., а А. Б. Головко, опираясь на обнаруженное Т. Войцеховским известие Ламперта Херсфельдского о внезапном уходе армии Генриха IV из Саксонии в Чехию в конце августа — начале сентября 1075 г., отнес начало этого похода ко второй половине июня — первой половине августа 1075 г. «Вероятно, Болеслав II Смелый, узнав о неудаче восставших саксонских феодалов 9 июня 1075 г. на реке Унструт, срочно обратился за помощью к русским союзникам и совершил вместе с ними нападение на Чехию».¹⁴ Исследователи также спорят по поводу того, где находился Чешский

лес — на границе Чехии и Моравии, на водоразделе Дуная и Влтавы, или в районе Силезско-Моравских гор. Город Глогов расположен в Силезии на Верхней Одре (Одере).¹⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемый поход был совершен через год после получения Болеславом II письма от папы Григория VII, что наводит на мысль о том, что польский король не торопился выполнять поручение папы либо хотел обезопасить свои земли от возможного нападения чехов во время его похода на Русь. Так или иначе, но совместная военная операция в Чехии в 1076 г. свидетельствует о союзнических отношениях Болеслава со Святославом, поэтому Изяславу пришлось дожидаться своей «очереди», а фактически — смерти брата. Историки прошлых времен, опираясь на многотомный труд В. Н. Татищева, заявляли о неудаче русско-польской военной экспедиции до Чешского леса, однако А. Б. Головко присоединяется к мнению М. Э. Шайтана и Т. Грудзинского, «которые считают, что рассматриваемая акция завершилась успешно для Кракова и Киева, отмечают, что благодаря этому стала возможной коронация Болеслава Смелого».¹⁶

Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г., будучи киевским князем, когда Изяслав еще не выступил с польским войском в поход на Киев, где 1 января 1077 г. окончился пришедший из Чернигова Всеволод Ярославич, первое правление которого в древней столице (январь—июль 1077 г.) фактически оказалось временем ожидания возвращения Изяслава в свою «отчину». 15 июля 1077 г. Изяслав в третий раз стал киевским князем, а Всеволод вернулся в Чернигов. Ситуация на Руси, особенно в южной ее части, была в то время настолько нестабильной, что ни о какой активной внешней политике не могло быть и речи. Желание Всеволода Ярославича закрепиться в Чернигове, который Ярослав Мудрый завещал Святославу и его потомкам, было неприемлемо для Олега Святославича, претендовавшего на Чернигов как на отцовское наследство. В 1078 г. Олег и другой князь-изгой — Борис Вячеславич (сын княжившего в 1054—1057 гг. в Смоленске Вячеслава Ярославича) — спровоциро-

вали войну за Чернигов, призвав на помощь половцев. Изгнанный из города Всеволод обратился за помощью к Изяславу, который, поддержав брата, погиб под Черниговом в битве на Нежатиной ниве 3 октября 1078 г. Поскольку князья-изгои в этой битве потерпели поражение (Борис погиб в самом начале битвы), черниговский стол занял старший сын Всеволода Владимир Мономах (1078—1094), а Всеволод отправился в Киев, оставшись единственным из живущих сыновей Ярослава Мудрого.

Западная политика Всеволода Ярославича

Время второго киевского княжения Всеволода (1078—1093) ознаменовалось постепенным нарастанием половецкой угрозы, которая распространилась не только на Русь, но и на соседние Венгрию и Польшу. В то время территория современных Румынии и Молдавии еще оставалась естественным продолжением степей Северного Причерноморья, где кочевники преобладали над пастухами, валахами и молдаванами. Нежелание Всеволода наделять волостями детей Святослава Ярославича и других князей-изгоев вынуждало их приводить на Русь половцев для добывания себе «отчин». Центром притяжения не имевших княжеских столов изгоев оставалась Тмутаракань, в которой был лишь один княжеский стол. В результате этого между находившимися там Рюриковичами началась междоусобица, одним из следствий которой стало бегство сыновей отравленного греческим катепаном Ростислава Владимировича — Давыда и Володаря — в 1084 г. в юго-западную Русь, где они выгнали Ярополка Изяславича из Владимира-Волынского. Всеволоду пришлось отправить на Волынь с войском сына Владимира Мономаха, который помог двоюродному брату вернуть потерянный княжеский стол.

Юго-западные границы Руси, судя по ПВЛ, были в эпоху киевского княжения Всеволода Ярославича ее самым беспокойным регионом. Помимо стремления закрепиться здесь,

которое не скрывали сыновья Ростислава Владимировича, о своем неповиновении Киеву заявил в 1085 г. Ярополк Изяславич, проявив неблагодарность за возвращенную ему Все-володом волость. На этот раз Все-волод отправил старшего сына Владимира на Волынь с целью наказания племянника, который, «оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу». Бегство князя побудило его дружинников сдаться без боя Мономаху, который привел семью, дружину и привез имущество Ярополка в Киев. Впервые владимиро-волынским князем стал Давыд Игоревич (1085—1086), которого за год до этого Все-волод избавил от участия князя-изгоя, дав ему Дорогобуж. Поскольку польский князь Владислав I Герман (1079—1102) решил не ввязываться в междуусобицу на Руси, в 1086 г. Ярополку пришлось просить мира у Все-волода, который доверил осуществление этой миссии Мономаху. Однако последнее княжение Ярополка Изяславича во Владимире-Волынском оказалось недолгим. В том же 1086 г. (22 ноября) он был предательски убит неким Нерадцем, убежавшим после совершения этого преступления в Переяславль, где в то время сидел Рюрик Ростиславич.

Последнее обстоятельство ярко свидетельствует о том, что сыновья Ростислава Владимировича стремились в то время закрепиться на юго-западных окраинах Руси. Следует также отметить, что Ярополк был убит во время похода на Звенигород — другой город юго-западной Руси, в котором, скорее всего, уже тогда обосновался кто-то из братьев Рюрика Ростиславича — Василько или Володарь. Вообще время правления Все-волода в Киеве было весьма благоприятным для князей-изгоев, которым (за исключением сидевшего в Тмутаракани и дожидавшегося своего «звездного часа» для начала борьбы за Чернигов Олега Святославича) удалось добиться себе волостей от Все-волода Ярославича, обладавшего меньшей политической волей, чем его старшие братья. Скорее всего, в середине 80-х гг. XI в. Ростиславичи окончательно закрепились на землях будущего Галичского княжества, а Давыд Игоревич вновь стал после смерти Ярополка Изяславича владимиро-волынским князем (1086—1100).

Ко времени киевского княжения Всеволода Ярославича относится последний этап борьбы за венгерский престол его племянника Шаламона. Как неоднократно подчеркивалось выше, у нас нет никаких сведений (по крайней мере, в достоверных источниках) о поисках Шаламоном и его матерью Анастасией помощи на Руси. После свержения с престола (1074) внук Ярослава Мудрого получил во владение два пограничных с Германией венгерских комитата — Мошон и Пожонь. Попытка императора Генриха IV в том же году вернуть престол Шаламону окончилась провалом: немецкое войско бесславно вернулось на родину. В 1076 г. венгерские архиереи призвали Гезу I к примирению с двоюродным братом, и в начале 1077 г. начались переговоры между ними, прерванные по причине смерти Гезы 25 апреля. Его преемник Ласло I (1077—1095) не стал продолжать эту линию, а в 1079 г. он отобрал у Шаламона комитат Мошон. Оставшись в изоляции в Пожони (соврем. Братислава), Шаламон вынужден был в 1080 г. выразить покорность Ласло, но в 1081 г. свергнутый король поднял мятеж против находившегося на троне соперника, после чего был подвергнут двухлетнему заключению в Вишеградском замке.

Как указывалось выше, Ласло I Святой — младший из двоюродных братьев Шаламона по отцу, еще будучи принцем, искал военную помощь на Руси ок. 1072 г., но, по всей видимости, его родственники (скорее всего, это были сыновья Ростислава Владимиоровича) в то время еще находились на положении князей-изгоев. При этом короле прекратилась междуусобная борьба в Венгрии и начался новый период ее расцвета. Главным направлением внешней политики Ласло I стало южное, где он ставил своей целью достижение выхода в Адриатическое море. Этому способствовало бескоролевье в Хорватии, где после смерти короля Дмитрия Звойнимира (1075—1089) начались кровавые междуусобицы. Вдова умершего короля была сестрой Ласло I, что дало ему повод для вмешательства в хорватские дела. В 1091 г. Ласло захватил Славонию и Хорватию вместе со входившей в нее Далмацией. Этот акт во многом предопределил последующую

длительную конфронтацию Венгрии с Византией и Венецией, которые стремились не допустить вхождения Венгерского королевства в число средиземноморских держав.

Ранние источники не содержат никаких сведений о русско-венгерских контактах в эпоху правления Ласло I Святого и Всеволода Ярославича. В связи с этим приходится рассматривать уникальные «татищевские известия», содержащиеся лишь во второй редакции его «Истории Российской» под 6591 (1083) г. Здесь можно прочитать следующее: «Царь немецкий Генрик прислал ко Всеволоду посла своего бискупа Адельберта из Олмуца со многими дары о дружбе и любви, прося Всеволода на угорского короля Гейса о помочи. Всеволод же, немедля собрав войска, с сыном Владимиром да сыновцы его Давид и Ярополк, совокупяся, шли к горам. А наперед Гайсу Всеволод послал воеводу своего Чудина говорить, чтобы Гайс с царем примирился. А Гайс прислал от себя послов, бана со многими дары, прося, чтобы Всеволод помог ему на царя, показуя, что Генрик ему многие беды чинит. И Всеволод, не хотя войск своих тратить, велел Чудину ехать к царю с Гайсовым человеком и просить о мире, а сам от гор возвратился в Киев».¹⁷ В комментарии к этому отрывку В. Н. Татищев признается в том, что не может понять, когда и почему все это происходило, поскольку не находит параллельных сведений в русских, польских и немецких источниках.¹⁸ Это свидетельствует о том, что историк не является автором этого текста, но взял он его из явно малодостоверного или недостоверного источника.

Прежде всего, бросается в глаза явный анахронизм: венгерский король Геза I умер в 1077 г., в указанный историком год на престоле находился Ласло I. Ближайшее по времени вторжение войска германского короля Генриха IV на территорию Венгерского королевства датируется весной 1079 г., и оно было кратковременным. Что же касается 1083 г., то около 17 августа по приказу Ласло I Шаламон был выпущен из заточения, после чего направился в Германию, а оттуда — к кочевавшим на землях современной Молдавии половцам. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что по-

терявший корону св. Иштвана племянник, пребывая на границах юго-западной Руси, мог обратиться к своему дяде Все-володу Ярославичу за военной помощью. Поскольку прибыл он к половцам из Германии, можно также предположить, что Генрих IV, помня о неудаче похода в южную Венгрию 1079 г., не отказал Шаламону в его просьбе, а решил воспользоваться его близким родством с киевским князем для организации совместного нападения на Венгрию с запада и востока. Все-волод отправился в поход, зная, что Шаламон в течение полутора десятилетий то ссорился, то мирился со своими двоюродными братьями Гезой и Ласло. Видимо, перед этим Все-волод получил от послов Ласло заверения о готовности к новому примирению и решил отказаться от нелегкого и затратного похода за Карпаты. Если дело обстояло именно так, то автор источника, использованного Татищевым, ошибся в имени венгерского короля и, возможно, неверно назвал посла германского императора, но в остальном его сведения вполне соответствуют действительности. Поскольку совместная военная операция Генриха и Все-волода против Ласло не состоялась, сведения о ней сохранились лишь в одной из местных западнорусских летописей, попавшей в руки В. Н. Татищева.

Как свидетельствует Композиция венгерских хроник XIV в., Шаламон спровоцировал в 1085 г. набег на восточные области Венгерского королевства печенежского войска во главе с Кутеском, которому он обещал в случае возвращения венгерского престола отдать во владение Трансильванию. Кутеск и Шаламон дошли до вновь основанных замковых округов Унг и Боршова, где их разгромило войско Ласло I.¹⁹ В венгерских средневековых исторических сочинениях содержится легендарная версия о внутреннем «перерождении» Шаламона, внезапно оставившего борьбу за власть и удалившегося из суэтного мира и проведшего остаток своих дней «в скитаниях и молитвах, постах и бдениях, трудах и мольбах».²⁰ Более правдоподобной является версия о том, что Шаламон, который, по свидетельству Анны Комнины (Алексиада. VII, 1), участвовал в нападении печенегов на Византию

в 1087 г., погиб в битве при Хариаполисе.²¹ На то, что Шаламон ушел из жизни в 1087 г., указывает тот факт, что его супруга Юдит (Юдифь) в 1088 г. вышла замуж за польского князя Владислава I Германа — скорее всего, после соблюдения годичного траура по умершему мужу.

При Всеволоде Ярославиче, несомненно, активизируются отношения с Германией, о чем свидетельствуют не только «татищевские известия». Речь идет о «немецкой истории» одной из дочерей Всеволода — Евпраксии, более известной под своим католическим именем Адельгейды (Адельхайды). Около 1083 г. она была выдана замуж за маркграфа Саксонской северной марки Генриха Длинного. По мнению А. В. Назаренко, Всеволод отправил dochь в Германию с целью получить союзника против польского князя Владислава I Германа, поддержавшего владимиро-волынского князя Ярополка Изяславича в его борьбе против киевского князя. После смерти мужа (1087) Евпраксия обручилась в 1088 г. с императором Генрихом IV, став в следующем году его женой. Этот династический, с политической точки зрения, брак держался на общей враждебности Генриха и Всеволода к Польше. Когда же к 1090 г. польско-германские отношения были урегулированы, император разорвал отношения с русской женой и заточил ее в Вероне, откуда она бежала в конце 1093 г. и нашла приют у врага своего мужа — маркграфини Матильды Тосканской. В 1094 и 1095 гг. Евпраксия Всеволодовна выступала на церковных соборах, созываемых папой Урбаном II, с разоблачениями разврата, царящего при дворе отвергшего ее августейшего супруга. Больше о ее деятельности за пределами Руси ничего не известно.²² В ПВЛ есть сведения о ее пострижении на родине в монахини после смерти Генриха IV (1106) и ее кончине в 1109 г.

Половцы в рассматриваемое время оставались одной из важных политических сил, определявших ситуацию в регионе, где сходились границы Руси, Польши и Венгрии. Они продолжали совершать набеги на владения Арпадов и прорывались на юго-восточные окраины Польши. Выше уже говорилось о том, что юго-западная Русь в 80-е гг. XI в. ста-

ла местом, где обосновались и пытались закрепиться внуки Владимира Ярославича — Василько и Володарь Ростиславичи. При этом первый из названных князей, избравший местом своего пребывания Теребовль, не втягиваясь, как и его брат, в междуусобицы внутри рода Рюриковичей, стремился расширить свои владения за счет соседних государств, став для правителей Польши и Венгрии не менее серьезной опасностью, чем половцы. При этом Василько Ростиславич не гнушался привлекать на помощь половецкие отряды для совместных нападений на земли Арпадов и Пястов. В ПВЛ под 1092 г. содержится известие о том, что «ходили воинами половцы на поляков с Васильком Ростиславичем». О результатах этого похода ПВЛ не сообщает, а в «Летописце Переяславля Сузdalского» есть свидетельство под этим же годом о сильном разорении польских земель.²³ Успеху напавших на Польшу чужеземцев способствовало временное ослабление в ней центральной власти в эпоху фактического правления знатного вельможи Сецеха (1088/9—1092/3), оттеснившего на второй план князя Владислава I Германа.

От нападений половцев страдали и владения Арпадов. В 1091 г., когда Ласло I был занят утверждением своей власти в Хорватии, «куны» (печенеги) во главе с Копулком, сыном Крула, вторглись в Трансильванию, оттуда прошли в комитат Бихар, после чего подвергли опустошению междуречье Дуная и Тисы (Алфелд). Король быстрыми маршами догнал нагруженных добычей степняков и разгромил у озера Поганч войско Копулка, а затем у Оршовы — отряд другого вождя кочевников — Акоша, пришедший отомстить за гибель Копулка. Об отражении венгерским королевским войском нападка степняков в 1091 г. повествует Композиция венгерских хроник XIV в. в главе 137-й, а в следующей главе содержится свидетельство о походе Ласло I против своих восточных и северных соседей. Она называется «Король идет против рутенов», но описанный в ней маршрут королевского войска пролегает через Русь, Польшу (явно южную часть владений Пястов) и Чехию. Отдельным эпизодом здесь выделена осада Krakova.²⁴

Исследователи датируют этот поход примерно 1092 г. Понятно стремление венгерского хрониста прославить подвиги святого короля, принесшего победоносным походом спокойствие на северные и восточные границы своей державы. Однако это означает, что Ласло I в то время считал своими врагами Пястов, Пшемысловичей и кого-то из русских князей. Поскольку не позднее 1091 г. Ярослав Святополич женился на венгерской принцессе, киевский князь не мог тогда быть противником Арпадов. Учитывая активное привлечение степняков теребовльским князем Василько Ростиславичем, можно предположить, что Ласло I хотел покарать именно его. Композиция венгерских хроник XIV в. свидетельствует о том, что король «напал на Русь, потому что куны вторглись в Венгрию по их совету».²⁵ Сведений о привлечении другими князьями юго-западной Руси степняков в дошедших до нас источниках нет. В следующих главах обращается специальное внимание на то, к чему привела такая авантюристическая политика Василька Ростиславича. Что же касается походов венгерского войска на Краков и в Чехию, то, как показано ниже, в рассматриваемом пассаже венгерских хронистов могли отразиться события чуть более позднего времени — первых лет киевского княжения Святополка Изяславича.

ГЛАВА 5

СВЯТОПОЛК ИЗЯСЛАВИЧ И ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Влияние фактического распада Руси на ее внешнюю политику

После смерти 13 апреля 1093 г. в Киеве Всеволода Ярославича его старший сын Владимир Мономах не стал оспаривать столичный стол у самого старшего из внуков Ярослава Мудрого — Святополка Изяславича (1093—1113), оставшись в принадлежавшем ему в то время Чернигове. С уходом из жизни последнего из Ярославичей воспринул духом вернувшись в Тмутаракань Олег Святославич, с половецкой помощью заставивший в 1094 г. Владимира Всеволодовича покинуть Чернигов и вернуться в принадлежавший Всеволоду и его потомкам по «завещанию Ярослава Мудрого» Переяславль. В результате на рубеже XI—XII вв. политическая раздробленность Руси стала еще более очевидной. Авторитет Владимира Всеволодовича Мономаха в эпоху его Переяславского княжения (1094—1113) во многих сферах межкняжеских отношений был заметно выше, чем у Святополка Изяславича, но в сфере внешней политики Святополк, как будет показано ниже, оказался более удачливым, чем Владимир. При этом следует подчеркнуть, что «укоренение» старших внуков Ярослава Мудрого на главных южнорусских княжеских столах (в Киеве, Чернигове и Переяславле) способство-

вало и распределению между ними ответственности за некоторые направления внешней политики Руси. Так, Владимир Мономах в силу расположения его волости на границе с Половецкой степью чаще других был организатором и вдохновителем общекняжеских походов против кочевников. Что же касается Святополка Изяславича, то он в большей степени, чем другие Рюриковичи, занимался выстраиванием отношений с западными соседями Руси.

Владимир Мономах, несомненно, был более дальновидным и более авторитетным политиком, чем Святополк Изяславич, и отличался политической волей, но ему не удалось достичь такой международной поддержки, какую имел старейший из внуков Ярослава Мудрого. От своего отца Изяслава Святополк унаследовал связи с польской правящей династией Пястов, возможно, его матерью была дочь Мешка II Гертруды. Эти связи были подкреплены в 1088 г. браком сестры Святополка Евдоксии с сыном Болеслава II Мешко, умершим в следующем году от случайно принятого яда, о чем сохранились свидетельства в «Польской истории» Яна Длугоша. Не позднее 1091 г. Ярослав Святополич женился на венгерской принцессе, о чем свидетельствует его упоминание в числе свидетелей в датированном этим годом венгерском королевском дипломе, выданном монастырю Св. Эгидия из Симигия.¹ Как будет показано ниже, в годы своего киевского княжения Святополк Изяславич продолжал находить выгодные династические браки для своих детей. Что же касается Владимира Мономаха, то его матерью была дочь византийского императора Константина IX (1042—1055), после смерти которого род Мономахов более не удостаивался императорского престола. Первой женой Владимира Всеялодовича стала дочь последнего англосаксонского правителя Британии Гарольда Годвинсона, погибшего в 1066 г. в битве с норманнами Вильгельма Завоевателя при Гастингсе. К моменту смерти Всеялода Ярославича никто из его внуков еще не создал свою семью. Отсутствие династических связей, способных обеспечить эффективную военную помощь, стало, по моему мнению,

одной из причин отказа Владимира Всеволодовича от Киева в 1093 г.

Появление Святополка Изяславича на киевском княжеском столе во многом стало следствием того, что ко времени смерти Всеволода Ярославича Святополк остался единственным из живых сыновей Изяслава Ярославича. В 1078—1088 гг. Святополк княжил в Новгороде, затем в Турове (1088—1093), откуда пришел на киевский стол. У Святополка не было такого опыта выстраивания отношений с кочевниками, который приобрел в своей «отчине» Владимир Мономах. Это привело новоиспеченного киевского князя к серьезным внешнеполитическим ошибкам, следствием которых стали новые тяжелые поражения русских дружин от половцев у реки Стугны 26 мая и под Киевом 23 июля 1093 г. Для замирения со степняками Святополк пошел на заключение брака с дочерью половецкого «князя» Тугоркана. В 1094 г. половцев привел к Чернигову Олег Святославич, заставивший Мономаха уйти в «отчинный» Переяславль. В начале 1096 г. серьезную политическую ошибку совершил Владимир Мономах, санкционировавший убийство половецких вождей Китана и Итларя, которое спровоцировало новый виток конфронтации Руси с Половецкой степью. Все эти акции не способствовали развитию отношений Руси с ее западными соседями, требуя консолидации Рюриковичей для отражения написка с юга и востока.

Обстановка на западных границах Руси в первые годы киевского княжения Святополка Изяславича была более спокойной, если не считать продолжавшиеся набеги теребовльского князя Василька Ростиславича на соседние государства. В 1093 г. всесильный польский вельможа Сецех был наконец лишен реальной власти в Польше, но это не укрепило положение верховного правителя, а наоборот, создало условия для начала междуусобной борьбы между сыновьями Владислава I Германа — Збигневом и Болеславом. Первый из них считался незаконнорожденным, но это не останавливало его в стремлении стать преемником Владислава I на польском престоле. Борьба сводных братьев за польский престол шла

все последние годы правления Владислава и продолжилась после его смерти, в первое десятилетие княжения Болеслава III Кривоустого (1102—1138). Постепенно в нее также были втянуты Венгрия и киевский князь Святополк Изяславич, но до 1097 г. с русской стороны в ней участвовал, точнее — ей удачно пользовался, лишь Василько Ростиславич. Помещенное в ПВЛ под 1097 г. литературное произведение, которое исследователи называют «Повестью об ослеплении Василька Теребовльского», содержит в себе его признание в далеко идущих политических планах: «Пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, печенеги и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду (Игоревичу): дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев — да либо славу себе добуду, либо голову свою сложу за Русскую землю».

Это признание Василька и другие свидетельства источников не оставляют сомнения в том, что именно он был главным «возмутителем спокойствия» в регионе, примыкавшем к юго-западной Руси. Как указывалось выше, около 1092 г. венгерский король Ласло I разорил, скорее всего, владения теребовльского князя — за подстрекательство половцев к нападению на Венгрию. Выше также обращалось внимание на то, что, по свидетельству Композиции венгерских хроник XIV в., из юго-западной Руси король Венгрии направился на Krakow, а оттуда — в Чехию. Польские и чешские источники не подтверждают нападения Ласло I на страны, в которых они создавались, в рассматриваемое время. Зато в них есть свидетельства о вмешательстве венгерского короля в междоусобицу в Польше в 1094 г., когда он прибыл с войском в Krakow, где заставил Владислава I Германа заключить мир с поднявшими против него мятеж сыновьями. Примерно в это же время в Польшу бежит старший племянник святого

короля и его будущий преемник Калман Книжник. Увлечение последнего книжной мудростью побудило Ласло (имевшего только дочерей) объявить своим наследником младшего племянника Алмоша, а Калмана готовить к занятию поста примаса Венгерского королевства — архиепископа эстергомского. Категорически не согласный с таким решением дяди Калман бежал к своим польским родственникам. В последний год своего правления (1095) Ласло I Святой направился в Чехию — к моравскому князю Конраду, поднявшему мятеж против своего сюзерена — чешского князя Бржетислава II (1092—1100). По пути в Моравию король занемог и послал гонца в Польшу к Калману, которого он на смертном одре счел более достойным короны св. Иштвана, чем его младший брат Алмош.

Новый венгерский король Калман Книжник (1095—1116) в первые годы своего правления столкнулся с крестоносным движением, прямо угрожавшим политической стабильности в его государстве. В начале XI в. Иштван I Святой много сделал для превращения Венгрии в часть основного пути европейских паломников на Святую землю, поощряя создание здесь магистрального пути и соответствующей инфраструктуры. После призыва папы Урбана II на Клермонском соборе в 1095 г. об освобождении Гроба Господня от завладевших им сарацин основная масса крестоносцев широкой лавиной прошла через Венгрию, заставив Калмана задействовать все имевшиеся у него военные силы для «конвоирования» воинов Христовых, препятствуя полному разорению ими страны. Ситуация была настолько критической, что, по свидетельству одного из участников Первого крестового похода — хрониста Альберта Аахенского, автора «Иерусалимской истории», в 1096 г., во время прихода крестоносцев в Венгрию, Калман «и вся его свита сели на пригодных коней, готовые к быстрому бегству на Русь, если бы они не увидели, что в их землю вступила столь великая сила галлов, превосходившая [их] войско» (I, 29).² Эта фраза как будто бы подтверждает наличие политических связей у Калмана с русскими князьями, но, если вспомнить бегство Шаму-

эла Абы в 1044 г. «к русским» на Верхнюю Тису, трактовка рассматриваемого свидетельства Альберта Аахенского не будет такой однозначной.

Международные последствия ослепления Василька Теребовльского

Смена власти в Венгрии и начало междоусобицы в Польше, затянувшейся до конца первого десятилетия XII в., по всей видимости, побудили теребовльского князя к новым смелым акциям в регионе, где сходились границы Венгрии, Чехии, Польши и Руси. При этом источники не сообщают о новых набегах дружины Василька с кочевниками на названные государства, однако, судя по развернувшимся в 1097 г. на Руси событиям, приведшим к грандиозной междоусобице с международным участием, политической активности Василька серьезно опасался его западный сосед — владимиро-волынский князь Давыд Игоревич (1086—1099). Последний, прошедший, как и Ростиславичи, суровую жизненную школу княжеского изгойства, решил любыми способами устраниТЬ опасного соседа. Поскольку юго-западная Русь в то время еще не была четко разделена на Галицкую и Волынскую земли, Давыд явно надеялся расширить свои владения за счет ликвидированной теребовльской волости. Своих сил у него явно не хватало, и он решил действовать руками киевского князя Святополка Изяславича.

1097 г. начался на Руси ярко проявившимся у большей части Рюриковичей стремлением прекратить ставшие непре-менным содержанием повседневной жизни междоусобицы. Для этого они собрались по инициативе Владимира Мономаха на съезд (снем) в Любече, где постановили не вторгаться в волости других Рюриковичей и организованно бороться с каждым нарушителем этого запрета. Однако, как показали драматические события, развернувшиеся через несколько месяцев после Любечского съезда, некоторые из его участников и не думали следовать провозглашенному общим собранием

князей лозунгу: «Каждый да держит вотчину свою». Более того, Давыд Игоревич в своем стремлении лишить Василька Ростиславича его волости не просто привлек на свою сторону Святополка Изяславича, но и с санкции последнего вероломно захватил и ослепил теребовльского князя. В задачу настоящей работы не входит рассмотрение всех подробностей масштабной междуусобицы, охватившей в 1097—1100 гг. юго-западную Русь, остановлюсь лишь на участии в ней ее западных соседей.

Рюриковичей возмущали действия Давыда Игоревича и фактическое покровительство ему Святополка Изяславича. В итоге последний вынужден был по требованию сложившейся против него мощной княжеской коалиции начать войну с Давыдом, продлившуюся до 1099 г. Если говорить о зарубежных союзниках воевавших сторон, то Святославу удалось привлечь на свою сторону венгерского короля Калмана Книжника, а Давыд некоторое время скрывался в Польше. Возможность найти убежище в Польше Давыд Игоревич получил благодаря тому, что, как свидетельствует «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», помещенная в ПВЛ под 1097 г., Давыд собирался выдать полякам находившегося в его руках Василька Ростиславича. Исследователями высказывалось также предположение, что Давыд был женат на старшей дочери Владислава I Германа.³ Впрочем, нахождение Владимира-Волынского княжества на границе с Польшей требовало от его правителей поддержания добрососедских отношений с польскими князьями, что само по себе давало возможность поиска убежища у князей из рода Пястов.

В 1098 г. противоборствующие стороны вели боевые действия без привлечения иностранной помощи, причем Святополк не вмешивался в борьбу Рюриковичей с Давыдом, в результате которой Василько был отпущен Давыдом из плена и вернулся в отчинный Теребовль. Лишь в 1099 г. Святополк вынудил Давыда бежать в Польшу, где тот попытался за 50 гривен золота получить военную помощь, а сам после этого направился на польскую границу, к Берестью. Судя по

рассказу ПВЛ, помещенному под 1099 г.⁴ Святополк вызвал к Берестью для переговоров Владислава I Германа, взявшего с собой Давыда Игоревича, но в самих переговорах Давыд не участвовал. Святополк путем подкупа отговорил польского князя помогать Давыду, который вернулся в центр своей волости Владимир-Волынский. В летописном рассказе показана чисто pragматическая позиция польского князя, стремившегося получить как можно больше денег и даров от Давыда и Святополка. Поскольку киевский князь был богаче и щедрее, Владислав и его окружение, обещав Давыду помочь в случае нападения на него Святополка, не выполнили своего обещания. Святополк осадил Давыда, когда тот находился в Дорогобуже, и после семинедельной осады вынудил его сначала уйти в Червен, а затем вновь бежать в Польшу. Последнее событие произошло в результате занятия Святополком Владимира-Волынского 9 апреля 1099 г., что было сделано на основании общекняжеского решения. Однако Святополк не хотел ограничиваться изгнанием Давыда, он заявил о том, что вся юго-западная Русь является волостью его умерших отца (Изяслава) и брата (Ярополка).

Святополк Изяславич намеревался восстановить контроль Киева над юго-западной Русью и вернуть Василька и Володаря Ростиславичей в положение князей-изгоев, однако собранное им войско потерпело поражение «в поле на Рожни». Тогда киевский князь послал своего сына Ярослава в Венгрию к Калману Книжнику, который очень оперативно откликнулся на эту просьбу и прибыл во главе королевского войска в окрестности Перемышля. О развернувшихся близ этой крепости событиях повествуют как венгерские хроники, так и ПВЛ под 1097 г. Оба названных источника дополняют друг друга. Судя по внутренней хронологии ПВЛ, поход Калмана на Русь состоялся в мае—начале июня 1099 г. Композиция венгерских хроник XIV в. в начале гл. 145 свидетельствует о том, что на границах Руси Калмана пыталась отговорить от похода к Перемышлю некая русская княгиня: «...русская княгиня... по имени Ланка вышла навстречу королю и, упав ему в ноги, умоляла его со слезами не губить ее племя. Ког-

да, невзирая на то, что король ее не слушал, она стала надоедать ему настойчивыми просьбами, тот ударил ее ногой и прогнал, говоря: „Не подобает королевское величие унижать женским плачем“. Вздыхая, она вернулась назад и просила о помощи всемогущего Бога».⁵

Никаких параллельных известий источников, позволяющих выяснить, кем была Ланка, у нас нет. Судя по ее имени, она, скорее всего, была венгеркой: в исконно венгерских женских именах часто встречается суффикс *-к-* (Хайналка, Пирошка, Богларка и т. п.). Указание на то, что она была русской княгиней, делает наиболее вероятной ее идентификацию с вдовой отравленного в Тмутаракани в 1067 г. Ростислава Владимировича — матерью Василька и Володаря Ростиславичей.⁶ Став свидетельницей не только беспрецедентно жестокого преступления, жертвой которого стал ее сын Василько, но и масштабной междуусобицы, в которой ее дети могли лишиться с таким трудом завоеванных вотчин и вновь стать князьями-изгоями, Ланка пошла на такой отчаянный шаг — попытку отговорить венгерского короля от похода на Русь, обратившись к нему на его родном языке. Разумеется, ведший за собой войско Калман не мог податься на просьбы своей родственницы, чтобы не потерять в глазах воинов свой авторитет. Королевское войско продолжило путь по землям юго-западной Руси навстречу ожидавшей его катастрофе.

По мнению Д. Паулера, оперативность, проявленная Калманом в ответ на просьбу Святополка, предполагает, что приведенное королем из Венгрии войско было немногочисленным. Перемышль был центром волости Володаря Ростиславича, который находился тогда в городе. Здесь же оставил свою жену Давыд Игоревич, отправившийся в Половецкую степь в поисках военной помощи. На призыв Давыда откликнулся половецкий «князь» Боняк, воины которого, придя к Перемышлю, наголову разбили венгров. Автор летописного рассказа об этих событиях явно отразил в нем мотивы половецких народных преданий: ночью накануне битвы Боняк, отъехав от войска, якобы пообщался с волками на их языке, и те предсказали ему победу. Сам рассказ содержит большое

количество преувеличений эпического характера, более присущих сказкам. Достаточно отметить свидетельство о том, что венгерское войско насчитывало 100 тысяч человек, в то время как у Давыда было 100, а у Боняка 300 воинов. Даже в эпоху наивысшего расцвета комитатской системы при Арпадах — в середине XIII в. — численность венгерского королевского войска, собранного со всех 70 с лишним королевских замковых округов, достигала 50 тыс. человек. Скорее всего, Калман располагал несколькими тысячами воинов против примерно равного ему по численности вражеского войска. Половцы использовали принятые у степняков военные хитрости, которые применяли когда-то предки венгров, кочевавшие в Северном Причерноморье и осваивавшие в X в. Среднее Подунавье.

Привыкшие уже к правильному ведению войны венгерские отряды увлеклись преследованием половцев, заманивших их в ловушку обманным отступлением. Окруженных венгров половцы начали методично истреблять, нанеся королевскому войску ущерб, который оно не испытывало со времен правления в Германии Оттона I Великого (в 955 г. на Лехском поле он остановил венгров, разорявших Западную и Южную Европу). Конец гл. 145 Композиции венгерских хроник XIV в. содержит красочное описание последствий военной катастрофы войска Калмана Книжника под Перемышлем: «Король же и все люди, поспешно обратившись в бегство, прибыли в Венгрию. Сокровища короля и всех, кто не мог быстро бежать, захватили куны. Такое там было избиение, что венграм редко приходилось видеть подобное. Кто из венгров спасся в лесах, тот из-за голода, поджаривая, поедал подошвы своих башмаков. Что еще? Такие опасности тогда испытали, что их нельзя ни описать, ни рассказать».⁷ После изложения под 1097 г. легенды о ночном «гадании» Боняка ПВЛ так описывает сражение его воинов с войском Калмана: «Венгры же построились в несколько рядов, ибо было их 100 тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ним. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнал-

ся за ними, рубя их с тыла, а Алтуонопа возвратился обратно, и не пропустили венгров назад и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана на гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана, и из бояр многих, говорили ведь, что погибло их 40 тысяч».

Разгром войска Калмана не означал конца боевых действий. Приведший венгров Ярослав Святополич после их разгрома бежал в Польшу, а Давыд Игоревич, развивая свой успех, захватил Сутейск и Червен, после чего осадил центр принадлежавшей ему волости Владимир-Волынский, который Святополк Изяславич отдал своему сыну Мстиславу. Во время этой осады 12 июня 1099 г. Мстислав Святополич был смертельно ранен и в ту же ночь умер. Жители Владимира послали Святополку вести о том, что сын его погиб и силы их на исходе. Святополк направил военный отряд во главе с Путятой сначала на Луцк, где сидел «в стороже» сын черниговского князя Святослав Давыдович, а оттуда внезапно напал 5 августа на продолжавшего осаждать Владимир-Волынский Давыда Игоревича. В конечном счете Давыду удалось в 1099 г. вернуть себе свою «отчину», но ненадолго, поскольку уже в 1100 г. по решению княжеского съезда он вынужден был пойти в Бужск, к которому позднее был придан принадлежавший ему ранее Дорогобуж, где он и умер в 1112 г. При этом следует отметить, что после разгрома венгров иностранцы уже не принимали участия в междуусобице, вызванной ослеплением Василька Теребовльского.

Святополк Изяславич и борьба за власть в Польше и Венгрии в начале XII в.

Последние годы правления Владислава I Германа, как указывалось выше, были отмечены его борьбой с сыновьями. Поводом для выступления Збигнева и Болеслава против от-

ца стало усилившееся влияние палатина Сецеха, продолжившего управлять страной от имени Владислава I. В 1097 г. последний вынужден был выделить Збигневу часть Великой Польши, а Болеславу Силезию, но братьев это не удовлетворило, и они заставили отца в 1099 г. расширить их владения: Болеслав прибавил к Силезии Малую Польшу, а Збигнев — оставшуюся часть Великой Польши. В 1100 г. они наконец добились изгнания из страны сохранившего часть своего влияния вельможи Сецеха. Польский хронист Аноним Гали, всячески превозносивший в своем труде деятельность Болеслава Кривоустого, свидетельствует о том, что около 1101 гг., будучи еще наследником престола, Болеслав отразил нападение на Польшу половцев (II, 19), которое могло быть спровоцировано Ростиславичами. А. Б. Головко обращает внимание на свидетельство «Жизнеописания Оттона, епископа Бамбергского», написанного Гербордом в середине XII в., о том, что «русский «король» и его приближенные находились во враждебных отношениях с Польшей, однако позже заключили династический союз и даже оказывали помощь полякам».⁸

При этом в польской исторической науке с середины XIX в. шла дискуссия о том, кого имел в виду Герборд, заявляя о враждебных отношениях между правителями Руси и Польши на рубеже XI—XII вв. Если речь идет о Святополке Изяславиче, то он вряд ли в рассматриваемое время был заинтересован в конфронтации с Пястами, поскольку был занят борьбой за Владимир-Волынское княжество с Давыдом Игоревичем. По мнению Головко, Герборд назвал «королем Руси» перемышльского князя Володаря Ростиславича, брата ослепленного Василька, который вполне мог призвать половцев к нападению на Польшу, чтобы отомстить полякам за поддержку Давыда Игоревича. Герборд же в данном случае подчеркнул независимое положение Ростиславичей по отношению к Киеву.⁹ Поскольку волость Володаря располагалась непосредственно на границе с Польшей, он имел точные сведения о политической ситуации в соседнем государстве, где власть верховного правителя была заметно урезана его сыно-

вьями. Что же касается Святополка Изяславича, то он, стремившийся к установлению своего контроля над всей юго-западной Русью, наоборот, был заинтересован в союзе с Пястами, страдавшими от агрессивной политики Ростиславичей. В Польше сторонники Болеслава Владиславича, опасаясь междуусобицы, которую мог развязать его брат Збигнев, также стремились к укреплению связей с киевским князем.

Прекращение междуусобицы, вызванной ослеплением Василька Теребовльского, отнюдь не означало полного успокоения на западных границах Руси. По свидетельству ПВЛ, в 1101 г. в Берестье поднял мятеж Ярослав Ярополич, племянник Святополка Изяславича, выказав неповиновение киевскому князю. Святополк лично отправился во главе войска на Берестье, приказал схватить племянника и отвести его в Киев. Лишь благодаря мольбам митрополита и игуменов, бывших в то время в древней столице, Святополк не стал помещать его в темницу. Дальнейшая судьба Ярослава Ярополича не имеет отношения к теме настоящей работы, но важно то, что он не получил никакой помощи из Польши, на которую он, видимо, надеялся, иначе его мятеж выглядел бы смысленным, что продемонстрировало быстрое и бескровное подавление его Святополком.

Еще при жизни Владислава I Германа начинается подготовка к заключению очередного династического брака — между дочерью Святополка Сбыславой и наследником польского престола Болеславом, вошедшим в историю под прозвищем Кривоустого. Заключению этого брака препятствовало слишком близкое, по канонам католической церкви, родство между женихом и невестой. «Дед русской жены Изяслав был женат на сестре Казимира Восстановителя, внуком которому приходился Кривоустый, т. е. они находились в 3-й степени родства. Папская диспенсия обязывала к 4-й степени родства, а до 1215 г. признавались браки лишь до седьмого колена».¹⁰ В связи с этим в Рим отправилось из Польши специальное посольство во главе с краковским епископом Балдином, которое привезло благословение папы Пасхалия II на брак Болеслава и Сбыславы. По свидетельству

ПВЛ, 16 ноября 1102 г. Сбыславу «повели… в Польшу за Болеслава». Это произошло за несколько дней до смерти Владислава I Германа. Поскольку Збигнев, хотя и был старшим из братьев, считался незаконнорожденным, ему пришлось смириться с вступлением на польский престол Болеслава III Кривоустого (1102—1138). Сама же свадьба, скорее всего, состоялась в 1103 г. Первые годы правления последнего из Пястов, которому удалось сохранить единство страны, не были омрачены междуусобицами, хотя уже тогда каждый из сыновей Владислава I стремился натравить соседей на владения брата. Ситуация осложнилась в 1105 г., когда Болеслав решил присоединить Поморье, непосредственно граничившее с «волостью» Збигнева. Последний, как оказалось, признавал верховную власть младшего брата лишь при условии фактического раздела страны.

Ситуация в Венгрии после возвращения остатков войска Калмана Книжника из юго-западной Руси казалась более стабильной. Утверждение во Владимире-Волынском по решению княжеского съезда в Уветичах (1100 г.) зятя Ласло I Ярослава Святополича (1100—1118) должно было «подсластить пилюлю» венгерскому королю, поскольку теперь этой пограничной областью управлял не враг (Давыд Игоревич), а сын одного из главных союзников венгерского короля. Этому союзу киевский князь, как будет показано ниже, оставался верен до своей смерти. Как свидетельствует Композиция венгерских хроник XIV в., Калман до конца своих дней вынашивал планы «отмщения Руси за обиду»,¹¹ оставаясь союзником Святополка Изяславича, но этим планам не суждено было сбыться, поскольку сначала решение важных внешнеполитических задач на южном направлении, а затем борьба с мятежным братом Алмошем, стремившимся найти военную поддержку у врагов Венгрии, не дали Калману возможности совершить карательный поход в южнорусские степи.

На рубеже XI—XII вв. Венгрия столкнулась с такой же проблемой, которая вызвала междуусобицу в соседней Польше: претензии брата короля на престол. Поначалу ничего

не предвещало междуусобной войны в государстве Арпадов: перед смертью Ласло I Святой восстановил справедливость, признав своим преемником старшего племянника Калмана, младший брат которого Алмош признал права старшего на престол. Однако забыть о том, что, согласно первоначальному решению дяди, корона св. Иштвана предназначалась ему, а не Калману, Алмош так и не смог. Как часто бывало в таких случаях в средневековых государствах, некоторые представители высшей знати, недовольные правлением Калмана, давали принцу понять, что они хотели бы воплотить в жизнь первоначальное решение святого короля. О том, что Калман был непопулярен у значительной части венгерской знати, ярко свидетельствует Композиция венгерских хроник XIV в., где в одной из глав описан отталкивающий внешний облик короля, а некоторые его действия осуждаются хронистами.

Первое выступление принца Алмоша против короля Калмана произошло в 1098 г., но венгерская знать не хотела гражданской войны в стране и заставила братьев помириться у города Варконь. Вернувшись из юго-западной Руси Калман поспешил заключить 29 мая 1099 г. союз с чешским князем Бржетиславом II у города Ухерске-Градиште. Этот мудрый политический шаг призван был поднять авторитет вернувшегося на родину с жалкими остатками войска короля. Возможно, он способствовал и отказу Алмоша от использования последствий военной катастрофы под Перемышлем для возобновления конфронтации с королем. Впрочем, мирные отношения между Калманом и Алмошем продлились до 1105 г., что можно объяснить осознанием принцем недостаточности сил для борьбы за корону. За это время Калман добился в 1102 г. официальной коронации правителем Хорватии, его двоюродная сестра — дочь Ласло I Пирошка вышла замуж за наследника византийского престола Иоанна Комнина (возможно, в 1104 г.), а принц Алмош стал зятем Святополка Изяславича, женившись на его дочери Предславе. По свидетельству ПВЛ, 21 августа 1104 г. Предславу отправили в Венгрию «за королевича». Исследователи спорят по поводу

того, кто был инициатором брака Алмоша и Предславы — сам принц или король. Категорический отказ Святополка от поддержки зятя в его борьбе с братом делает более предпочтительной версию о том, что Калман, уверенный в крепости союза со Святополком, решил подкрепить отношения с Киевом новым династическим браком.¹²

В связи с развернувшимися в середине первого десятилетия XII в. в Польше и Венгрии масштабными междоусобицами, как будет показано ниже, заметно возросла политическая роль Ярослава Святополчича. Как известно, его первой женой была дочь Ласло I Святого. Именно его Святополк послал в 1099 г. к Калману с просьбой о военной помощи. На княжеском съезде в Уветичах Святополк добился закрепления за Ярославом пограничной с Польшей волости с центром во Владимире-Волынском. К началу главных событий междоусобиц в Польше и Венгрии (1105) Ярослав, скорее всего, уже овдовел.¹³ Во втором браке он породнился с Пястами, женившись на одной из дочерей Владислава I Германа, рожденных его венгерской женой. Так Ярослав Святополчич стал политиком, имевшим родственные связи как с венгерской, так и с польской правящими династиями. Именно он, как показано ниже, не просто был представителем своего отца в разгоревшихся в соседних государствах междоусобицах, но и в ряде случаев исполнял функции командира как русских, так и венгерских вспомогательных отрядов.

Утверждение Ярослава Святополчича во Владимире-Волынском после окончания междоусобицы, вызванной последствиями ослепления Василька Теребовльского, не могло не осложнить положения Ростиславичей, волости которых теперь с трех сторон были окружены владениями Святополка Изяславича, предъявлявшего свои права на юго-западную Русь, его сына Ярослава и союзных им польского и венгерского государей. Даже если в первое десятилетие XII в. оставалась в живых вдова Ростислава Владимира Чланка, после заключения брака Предславы Святополковны с принцем Алмошем рассчитывать на помощь своих венгерских родственников она уже не могла. Что же касается Болеслава III

Кривоустого, то при нем, как показали события начала 20-х гг. XII в., сохранялась конфронтация Пястов с князьями Пере-мышля и Теребовля. В этих условиях последним пришлось искать поддержки в Византии. ПВЛ сообщает под 1104 г.: «Повели дочь Володареву за царевича Алексеевича, в Царьград, месяца июля в 20-й день». Как указывалось выше, примерно в то же время женой другого сына византийского императора Алексея I Комнина (1081—1118) стала дочь Ласло I Святого Пирошка (принявшая в Византии имя Ирина). Считается, что Володаревна вышла замуж за Исаака, а Пирошка, без сомнения, стала женой будущего императора Иоанна II Комнина (1118—1143). Возможно, сближению Комнинов с Ростиславичами способствовала потеря Византией ряда городов на далматинском побережье Адриатики, вошедших в состав Венгерского королевства.

Поскольку Збигнев был старшим братом Болеслава III Кривоустого и в большей степени переживал по поводу того, что вынужден признавать (пусть даже формально) власть Болеслава над собой, чем Алмош в отношении Калмана, ситуация в Польше в рассматриваемое время была более сложной, чем в Венгрии. По свидетельству Галла Анонима, приглашенный на состоявшийся, скорее всего, в начале 1103 г. свадебный пир в честь Болеслава и Сбыславы Збигнев организовал нападение чехов на Польшу (II, 24). Польский хронист не сообщает о том, кто возглавлял это нападение, но, по свидетельству Козьмы Пражского (III, 16), тогдашний чешский князь Борживой II (1100—1107) был союзником Збигнева. В последующие два года конфликт между Збигневом и Болеславом находился в «тлеющем» состоянии, пока в 1106 г. не началась полномасштабная война. На этот раз чешский князь не ограничился набегом на владения Болеслава III Кривоустого, а объявил ему войну. Другим союзником Збигнева стали поморяне, не желавшие признавать над собой верховную власть Болеслава, который мог рассчитывать на помощь тестя Святополка Изяславича. Кроме того, в боевых действиях в Польше в 1106 г. приняли активное участие на стороне Болеслава и венгерские воины.

Источники не сохранили нам описание обстоятельств, в которых был заключен польско-венгерский союз. Скорее всего, это произошло в том же 1106 г. Дело в том, что венгерский король Калман находился в то время в такой же ситуации, в какую попал Болеслав III. Мы не знаем, обращался ли принц Алмош после женитьбы на Предславе Святополковне за военной помощью к тестю против брата Калмана. Скорее всего, нет, поскольку сам принц вряд ли был инициатором этого брака, а Святополк никогда не изменял своим союзникам-государям, тем более ради поддержки их мятежных братьев. В 1105 или начале 1106 г. Алмош бежит в Германию (в Пассау), где пытается найти военную поддержку у Генриха IV (отрекшегося от престола 31 декабря 1105 г.) и его преемника Генриха V (1106—1125), но безуспешно. Скорее всего, после смерти Генриха IV (7 августа 1106 г.) Алмош возвращается на родину, где каётся перед старшим братом и получает прощение. Во время этих событий Калман находился в Далмации, после чего, согласно сведениям Композиции венгерских хроник XIV в., намеревался отправиться в поход на Русь.¹⁴

Несостоявшийся поход Калмана Книжника на Русь многие исследователи склонны были соотносить с его заветом на смертном одре сыну отомстить Руси на обиду (см. ниже). Однако, скорее всего, перед смертью Калман имел в виду свой неудачный брак с дочерью Владимира Мономаха, а события 17-летней давности должны были отступить для него на второй план. По мнению современных исследователей, в 1106 г. Калмана мог пригласить на Русь Святополк Изяславич для совместного похода против половцев «князя» Боняка. Именно он нанес венграм тяжелое поражение под Перемышлем в 1099 г. Первое десятилетие XII в. отмечено в русско-половецких отношениях попытками Владимира Мономаха и Святополка Изяславича отогнать степняков подальше от русских границ. Для этого по инициативе Владимира организуются общекняжеские походы в Половецкую степь в 1103 и 1107 гг. Кстати, в ПВЛ при описании первого из названных походов упоминается Алтуонопа, а второго — Боняк, глав-

ные виновники разгрома венгерского войска под Перемышлем. Попытка привлечения Святополком военных сил своего союзника Калмана Книжника для борьбы с половцами показывает киевского князя дальновидным политиком, более компетентным в вопросе отношений с западными соседями, чем Мономах, поднаторевший в выстраивании системы русско-половецких взаимоотношений.¹⁵

Так или иначе, но Калман Книжник вынужден был отказаться от карательного похода на половцев в 1106 г., не уверенный в том, что в его отсутствие мятежный принц Алмош не предпримет очередную попытку найти союзников для борьбы за корону св. Иштвана. В последующие же годы Венгрия и Русь оказались втянутыми в междуусобицу Владиславичей, помогая Болеславу Кривоустому в борьбе со Збигневом. При этом следует отметить, что Алмош пытался найти поддержку в Польше, а Збигнев — на Руси. Галл Аноним (II, 29) так описывает действия венгерского и польского государей, приведшие к заключению между ними прочного союза для совместной борьбы с мятежными братьями: «Болеслав договорился о дне и месте встречи с королем венгров Коломаном, наиболее образованным человеком из всех королей того времени. Король же венгров колебался прийти к назначенному месту, боясь засады. Ведь Альм, князь венгров, бежал в то время из Венгрии и был принят князем Болеславом по праву гостеприимства. Впоследствии, однако, они сошлись и потом разошлись, укрепив навсегда братство и дружбу».¹⁶ Польский хронист явно не знает о том, что Алмош и Болеслав были свояками, чем и объясняется оказанное венгерскому принцу в Польше «гостеприимство».

Первоначальная подозрительность Калмана по отношению к Болеславу была вызвана тем, что, по свидетельству Композиции венгерских хроник XIV в., Алмош после возвращения из Германии совершил нападение на центр одного из пограничных северных комитатов Новый замок (Абайвар). Как полагают исследователи, эта акция не означала поддержки планов Алмоша Болеславом III, который как раз

в это время провел переговоры с Калманом. Осознав бесперспективность своих попыток найти военную помощь в Германии, а также у польских и русских родственников, Алмош добровольно сдался брату и публично покаялся в своих преступных планах. Простив в очередной раз мятежного Алмоша, Калман отпустил его в паломничество на Святую землю. Последнее обстоятельство позволило венгерскому королю оказать помощь правителю Польши в борьбе с таким же беспокойным родственником. Скорее всего, в том же 1106 г., после заключения союза между Калманом и Болеславом, венгерский отряд отправился в Польшу. Тогда же на помощь правящему польскому князю было направлено и русское войско. Галл Аноним (II, 36) так описывает начало войны между братьями: Збигнев, «намереваясь напасть на брата, уже собрал все свое войско и для изгнания его из Польши пригласил поморян и чехов. <...> Услышав об этом, Болеслав долго пребывал в сомнениях, сопротивляясь или прекратить [борьбу], но, обратившись к своему сердцу, быстро набрал войско и послал за помощью к королям русских и венгров. А если бы сам по себе или с [их помощью] ничего не сумел бы сделать, то ожиданием погубил бы не только королевство, но и надежду на него».¹⁷

Поскольку соотношение сил стало явно не в его пользу, Збигнев в порыве отчаяния «прибежал» в Киев, пытаясь при посредничестве Святополка Изяславича помириться с братом. Описывающий эти события Галл Аноним (II, 38) не дает их точную хронологию, поэтому исследователи вынуждены приблизительно датировать войну Збигнева с Болеславом зимой 1106/7 г. О пребывании Збигнева в Киеве свидетельствует ПВЛ под 1106 г., однако названные источники не имеют ни одного параллельного известия. В результате исследователям приходится восстанавливать картину рассматриваемых событий, учитывая даже природные факторы. Возвращаясь в своей хронике к событиям междуусобной войны Владиславичей, Галл Аноним (II, 38) так описывает последствия прихода к Болеславу отрядов его союзников: «Тут впервые подошла помощь русских и венгров, и, продолжая путь, с ними

[Болеслав] перешел реку Вислу. И тогда доведенный до отчаяния Збигнев при посредничестве русского князя Ярослава и краковского епископа Балдвина был приведен к Болеславу и [обещал] ему удовлетворение [требований] и повиновение».¹⁸ Параллельные сведения к тексту польского хрониста дает ПВЛ под 1106 г.: «Прибежал Збигнев к Святополку», — не давая при этом никаких разъяснений.

Никаких датирующих признаков в ПВЛ нет, поэтому остается лишь строить предположения, соотнося информацию польского хрониста и русского летописца. Как указано в хронике Галла Анонима, река Висла была границей между владениями Збигнева и Болеслава. Левобережье этой реки, вплоть до границы с Чехией, принадлежало Збигневу, правобережье — Болеславу. По всей видимости, Болеслав переправился через Вислу тогда, когда на ней установился лед. В нашем распоряжении нет данных о том, какой была зима 1106/7 г. в Польше, теплой или холодной, тем более трудно сказать, когда установился лед на главной польской реке. Судя по всему, Збигнев, увидев, сколь внушительные силы пришли на помощь Болеславу, «помчался» в Киев, пока не установился лед на Висле. Скорее всего, это произошло в ноябре или в декабре 1106 г. Отсутствие подробной информации об этих событиях в русских летописях, по всей видимости, было вызвано нежеланием летописца подчеркивать исключительную роль Ярослава Святополича в замирении сыновей Владислава I Германа. Летописцы эпохи киевского княжения Владимира Мономаха выставили Ярослава Святополича в неприглядном свете — князем, не подчинившимся Владимиру и демонстративно разорвавшим отношения со своей третьей женой — внучкой Мономаха (см. ниже).

Что же касается событий междуусобицы 1106—1107 гг. в Польше, то Ярослав Святополич сыграл в ней роль главного миротворца. После смерти своей первой жены, происходившей из рода Арпадов, Ярослав породнился с сыновьями Владислава I Германа. Поскольку Святополк Изяславич принял сторону Болеслава, Ярослав призван был добиться

не просто примирения между братьями, а признания Збигневом младшего брата своим сеньором. По свидетельству Галла Анонима (II, 38), при посредничестве епископа Балдвина и Ярослава Святополчича, Збигнев, «во-первых, признал себя тогда ниже брата, а во-вторых, при всех них поклялся, что никогда не будет противником брату, а будет покорным ему во всем и разрушит крепость Галла. Тогда вымолил у брата [разрешение] управлять Мазовией не как господин, а как воин [вассал]. После заключения мира между братьями войска русских и венгров возвратились в освояись».¹⁹ Обращает на себя внимание тот факт, что Ярослав Святополчич фактически командовал как русскими, так и венгерскими отрядами, пришедшими на помощь Болеславу Кривоустому. Создается впечатление, что Калман полностью доверял своему бывшему родственнику, ставшему зятем Болеслава III.

Примирение сыновей Владислава I оказалось недолгим. Примерно через год после миссии Балдвина и Ярослава Святополчича, как повествует Галл Аноним (II, 41), «Болеслав, видя, что брат в обещаниях и в клятвах не проявлял никакой верности и все более противодействовал всей стране как [человек] вредный и опасный, изгнал его из всего польского королевства и сопротивляющихся ему защитников пограничной крепости разбил с помощью русских и венгров. Так было окончено господство Збигнева, [послушавшего] дурных советчиков, и все королевство объединилось под властью Болеслава».²⁰ Ни ПВЛ, ни венгерские средневековые источники ничего не сообщают о посылке военных отрядов из Руси или Венгрии в Польшу в конце 1107 или начале 1108 г. Впрочем, они также умалчивают и об аналогичном оказании военной помощи Болеславу III и за год до этого. Основные события междуусобной борьбы сыновей Владислава I на этом завершились. О том, что в первые годы своего правления Болеслав Кривоустый в минуты серьезной опасности обращался за помощью к Калману Книжнику и Святополку Изяславичу, ярко свидетельствует тот же Галл Аноним (III, 4) в описании событий, датируемых немецкими хронистами 1109 г., когда германский император Генрих V (1106—1125) потребо-

вал от Болеслава вернуть Збигневу половину Польского королевства. Узнав о выступлении немецкого войска в поход на Польшу, ее правитель решил встретить его на границах владений Пястов. «Болеслав же стоял с небольшим войском неподалеку от Глогова. <...> Там он выслушивал донесения и посольства, ожидая свое войско, рассыпал туда и сюда разведчиков и отправлял гонцов к своим, русским и венграм».²¹ И на сей раз вспомогательные отряды из Руси и Венгрии обеспечили победу Болеславу III, теперь уже над немецкими рыцарями.

Таким образом, примерно в 1106 г. сложилось тесное сотрудничество между государствами Польши, Венгрии и киевским князем, которое помогло сохранить целостность Польского государства. Отсутствие мятежного принца Алмоша в Венгрии позволило Калману Книжнику своевременно оказывать военную помощь своему северному соседу. В южной Руси в то время сложилось своеобразное разделение внешнеполитических обязанностей двух наиболее авторитетных князей: Святополк Изяславич отвечал за западное направление, а Владимир Мономах — за отношения со степняками. Несмотря на активное участие в польских событиях, русские князья продолжали сдерживать половецкий натиск и регулярно совершали совместные походы в глубь степей. Один из таких походов состоялся летом 1107 г., в период временного перемирия между Болеславом и Збигневом. Более масштабный поход был совершен княжеской коалицией во главе со Святополком и Мономахом в 1111 г. К этому году период противостояния сыновей Владислава I Германа уже завершился.

После бегства Збигнева в Чехию и провала германской интервенции в Польшу соперник Болеслава Кривоустого оставался при дворе боровшихся в 1107—1110 гг. за трон чешских князей Сватоплука, Владислава I и Боржикоя II. Во время второго княжения Владислава I (1110—1117?) Збигнев не позднее первой половины 1110 г. был обманом выманен братом в Польшу, где преступивший данную при этом клятву Болеслав приказал ослепить Збигнева. Об этом сохранилось

известие в «Чешской хронике» Козьмы Пражского (II, 34), который вложил в уста чешского князя Владислава свое возмущение этим бесчестным поступком.²² Вскоре после этого Збигнев умер. К тому времени, как свидетельствует тот же Козьма Пражский, Калман Книжник, возможно, был уже союзником Генриха V и в рамках этого союза совершил еще в октябре 1108 г. поход в Моравию.²³ Впрочем, это свидетельство противоречит информации Галла Анонима об ожидании Болеславом III военной помощи из Венгрии в 1109 г. (см. выше). Исследователи спорят относительно того, чьим союзником был Калман Книжник в 1109 г. Автор настоящих строк присоединяется к тем, кто считает, что венгерский король в то время оставался верен союзу с Болеславом Кривоустым, поскольку император Генрих V активно поддерживал мятежного принца Алмоша.²⁴

Последний в 1108 г. вернулся из Святой земли, где он явно больше думал не о прощении своих грехов, а о том, где найти поддержку для очередной попытки лишения брата короны св. Иштвана. Возвратившись из Палестины, Алмош сразу направился в Германию, где добился военной помощи от Генриха V. Императорское войско вторглось в Верхнюю Венгрию (соврем. Словакия) и осадило Пожонь (соврем. Братиславу). Тогда же союзник императора чешский князь Сватоплук разорил принадлежавшую Арпадам долину реки Ваг. В ответ Болеслав III Кривоустый напал на Чехию, вынудив Сватоплука покинуть венгерскую территорию. Все это привело к заключению мира между Калманом Книжником и Генрихом V, который вовсе не означал, что между двумя государствами были установлены союзнические отношения. В связи с этим вышецитированная информация хроники Галла Анонима (III, 4) об обращении Болеслава к Калману за военной помощью в 1109 г. может вполне соответствовать действительности. Таким образом, дело Алмоша, как и аналогичные попытки в Польше князя Збигнева, потерпело полный провал. В то время Калман еще не последовал примеру Болеслава — он приказал ослепить Алмоша и его сына Бела около 1115 г.

Неудачные попытки Владимира Мономаха выстроить собственную внешнюю политику на западном направлении

Победоносный поход в Половецкую степь, совершенный русскими князьями в 1111 г., как явствует из восторженной записи составителя той редакции ПВЛ, что сохранилась в Ипатьевской летописи, имел широкий международный резонанс: «Возвратились русские князья восвояси со славою великою, разнесшейся по всем людям, так и по всем дальним странам, то есть к грекам, венграм, полякам и чехам, даже и до Рима дошла она...» О том, что это были не просто риторические украшения летописного текста, свидетельствуют последующие события, связанные с организацией нового династического брака между представителями Рюриковичей и Арпадов. Вряд ли в соседней Венгрии король и его окружение не понимали роль Владимира Мономаха в общерусских делах и не просчитывали перехода переяславского князя в Киев после смерти Святополка, которая настигла его в 1113 г. Что касается Мономаха, то он был главным вдохновителем похода 1111 г., во время которого он «приказал попам петь тропари и кондаки креста честного, и канон святой Богородицы», за что некоторые историки называют этот поход «крестовым».

Как раз в это время Калман Книжник и его окружение решили найти новую супругу овдовевшему королю, серьезно опасавшемуся вымирания своей ветви рода Арпадов. Дело в том, что его первая жена Бузилла, дочь сицилийского норманнского князя, умерла к 1112 г., как и один из рожденных ей близнецовых. Оставшийся в живых сын Калмана — Иштван — был болезненным и мог не дать потомства. Эта тревога в сочетании с ненавистью к брату Алмошу побудили Калмана и его окружение заняться организацией нового брака еще не старого короля. На этот раз решено было обратиться к Владимиру Мономаху, который как политик во многом превосходил Святополка Изяславича, о чем, несомненно, были хорошо осведомлены при дворе Калмана Книжника. Вла-

димир Всеволодович был женат дважды, и в это время как раз достигли брачного возраста его дочери от второго брака. Старшую из них — Марицу (Марию) Мономах отдал за савромитовца, выдававшего себя за сына византийского императора Романа IV Диогена (1067—1071), а вторая — Евфимия заинтересовала окружение Калмана Книжника.

Источники не сохранили никаких сведений относительно того, как представители венгерского короля организовали рассматриваемый династический брак. По мнению М. Д. Приселкова, перед тем как решиться выдать дочь за католического государя, Мономах обратился к митрополиту киевскому и всея Руси Никифору I (1104—1121) с «вопрошанием» о причинах «Великой схизмы» 1054 г. Текст самого «вопрошания» до нас не дошел, но сохранилось Писание митрополита Никифора,²⁵ точная дата написания которого неизвестна. Связывая появление этого сочинения с намерением Владимира Мономаха выдать дочь замуж за венгерского короля, Приселков датирует составление митрополитом ответа на княжескую просьбу 1112 г.²⁶ Несмотря на высказанную Никифором суровую критику «заблуждений латинян», Владимир не отказался от установления династических связей с Арпадами. По свидетельству ПВЛ в редакции Ипатьевской летописи, в 1112 г. «повели Евфимию Владимировну в Венгрию за короля». Такую же датировку этого события дает и Композиция венгерских хроник XIV в.²⁷

Русские летописи более ничего не сообщают об этом браке и умалчивают о судьбе родившегося в нем Бориса Калмановича, сведения о котором содержатся исключительно в зарубежных средневековых нарративных источниках. В Композиции венгерских хроник XIV в. при рассказе о судьбе Бориса Калмановича отступает на второй план даже негативное отношение к его отцу, Калману Книжнику. На фоне Бориса последний выглядит хоть и неоднозначной фигурой, но зато сильным правителем, приумножившим славу Венгерского королевства и расширившим его пределы. Что же касается Бориса, то он, лишенный отцом права наследования престола, вынужденно стал орудием в руках врагов Венгрии,

время от времени предоставлявших ему военную помощь. Все это было следствием скоротечности брака Калмана и Евфимии, которую уже в 1113 г. муж обвинил в супружеской неверности и выслал на родину. Борис Калманович родился уже на Руси в конце 1113 или в 1114 г. На это указывает само его имя, к тому же о рождении Бориса на Руси при дворе его деда Владимира Мономаха сообщается в сочинении продолжателя «Чешской хроники» Козьмы Пражского, которого принято называть Каноником Вышеградским.²⁸

16 апреля 1113 г. Владимир Всеволодович стал киевским князем и оставался им до своей смерти (19 мая 1125 г.). Отвергнутая мужем Евфимия прибыла к отцу через несколько месяцев после занятия им киевского стола. Источники не сохранили никаких сведений о попытках Мономаха наказать Калмана за позор своей дочери. В историографии встречается мнение, согласно которому Евфимия сама приняла решение покинуть двор Калмана Книжника из-за царившей там «свободы нравов».²⁹ Скорее всего, она была выдана замуж вскоре по достижении 15-летнего возраста, а Калману было уже за сорок. Воздержимся от догадок по поводу причин столь быстрого распада их брака, отметим только, что официальная версия о прелюбодеянии королевы представляется крайне маловероятной, поскольку все европейские государи считали Бориса сыном Калмана. Высылка беременной Евфимии к отцу означала провал не только попытке Мономаха заменить Святополка на западном направлении внешней политики Руси, но и стремления Калмана сохранить свою ветвь рода Арпадов от вымирания. Признанный сын Калмана Иштван II умер в 1131 г. бездетным, и после него в Венгрии правили потомки мятежного принца Алмоша.

Главной своей задачей во время нахождения на киевском княжении Владимир Мономах считал сохранение единства Руси. Ради этого ему приходилось идти на выстраивание договорных отношений и установление семейных связей с представителями различных ветвей разросшегося рода Рюриковичей. Все это могло удерживать Владимира Всеволодовича от походов против западных соседей. Высылка

его дочери из Венгрии, несомненно, была оскорблением для Мономаха, но, видимо, не настолько серьезным, чтобы затевать трудный поход за Карпаты. Исследователи склоняются к мнению о том, что между Владимиром и Ярославом Святополичем (женившимся на его внучке) существовал договор, согласно которому Ярослав должен был наследовать Владимиру в Киеве. Источники об этом договоре умалчивают. Он мог быть заключен лишь после смерти лидера черниговской ветви Рюриковичей Олега Святославича (1115), который был старше Мономаха, согласно генеалогическому древу потомков Игоря Старого. На намерение Олега сменить Владимира на киевском столе намекает его пребывание в последние месяцы жизни в Вышгороде — одном из пригородов древней столицы.

Еще при жизни отца Ярослав Святополич стремился сблизиться с Владимиром Мономахом. Перед тем как вступить в третий брак, Ярослав совершил в 1112 г. успешный поход на ятвягов, после чего попросил у новгородского князя Мстислава Владимировича дочь себе в жены. Занимавший владимиро-волынский княжеский стол Ярослав, как указывалось выше, прежде был женат на представительницах правящих династий Арпадов и Пястов, что (с учетом его положения старшего внука старшего из занимавших киевский стол Ярославичей) делало его одним из наиболее влиятельных русских князей. Как выяснилось впоследствии, Мономах рассматривал Ярослава прежде всего как правителя подчиненной Киеву волости и не считал мужа своей внучки более достойным киевского стола, чем тестя Ярослава Мстислав (Великий). В рамках распространения своего влияния на юго-западную Русь Владимир Всеволодович женит 14 сентября 1113 г. своего сына Романа на дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича. Так Мономаху удалось обеспечить в первые годы своего киевского княжения относительную стабильность на венгерском и польском пограничье.

Последние годы правления в Венгрии Калмана Книжника были отмечены попытками короля ни в коем случае не допустить прихода к власти принца Алмоша, которому Пред-

слава Святополковна родила сына Белу. Обращает на себя внимание своеобразное «перенимание опыта» венгерским королем у польского князя Болеслава III, приказавшего ослепить своего брата Збигнева, чтобы обезопасить свой трон от дальнейших притязаний на него беспокойного соперника. Такой же и даже более жестокий приказ отдал Калман около 1115 г. — об ослеплении и кастрации брата Алмоша и его сына Бела. Правда, палач выполнил лишь первое повеление короля по отношению к малолетнему Беле, продемонстрировав королю отрубленные свиные гениталии. Это спасло династию Арпадов от вымирания в 1141 г., когда умер слепой король Бела II, имевший четырех сыновей.

В 1116 г. Калман Книжник скончался, оставив престол своему сыну от первого брака Иштвану II (1116—1131). На смертном одре Калман завещал сыну отомстить Руси за обиду (*iniuriam*).³⁰ В чем заключалась эта обида, хронисты не поясняют. Как указывалось выше, Калман так и не смог отправиться в поход на Русь после 1099 г., чтобы покарать вместе с русскими князьями разгромившего его войско Боняка, следовательно, эта обида осталась неотмщенной. Однако упоминание в Композиции венгерских хроник XIV в. именно Руси, а не «кунов», вождем которых был Боняк, наводит на мысль о том, что Калман хотел за что-то отомстить и русским князьям. Возможно, он не мог простить занимавшему киевский стол Владимиру Мономаху скорый распад своего брака с его дочерью Евфимией. К сожалению, ни один из дошедших до нас источников не дает ответа на этот вопрос. В первые годы своего правления Иштван II не предпринимал никаких попыток организовать поход на Русь, видимо, выжидая наиболее благоприятного момента. Последнее предположение основывается на том, что повод для вмешательства во внутрируssкие дела на стороне противников Владимира Мономаха появился у Иштвана II несколькими годами раньше, чем он отважился отправиться в поход на Русь.

Как указывалось выше, после смерти лидера черниговской ветви Рюриковичей Олега Святославича в 1115 г. владимиро-волынский князь Ярослав Святополич считал себя бу-

дущим преемником Владимира Мономаха на киевском столе, возможно даже, что между ними было достигнуто соответствующее соглашение. Однако в 1117 г. Владимир Всеволодович перевел своего старшего сына Мстислава (Великого) из Новгорода в находившийся в Киевской волости Белгород, дав понять остальным Рюриковичам, что он намерен завещать власть над Киевом не Ярославу Святополичу, а его тестю. Это решение было расценено владимиро-волынским князем как нарушение старейшим среди потомков Рюрика данного им обещания. Явно рассчитывая на помошь своих зарубежных родственников, Ярослав начал демонстрировать неповиновение киевскому князю. Результатом этого стал поход княжеской коалиции во главе с Мономахом, в которую также вошли черниговские князья — Давыд Святославич с сыновьями и племянниками, а также Володарь Перемышльский и Василько Теребовльский. Они осадили Владимир-Волынский «и стояли дней шестьдесят, и заключили мир с Ярославом. Когда Ярослав покорился и ударил челом дяде своему Владимиру, Владимир дал ему наказ обо всем, повелев ему приходить к нему, „когда тебя позову“» (ПВЛ под 1117 г.). Обращает на себя внимание участие в этом походе Володаря и Василька Ростиславичей, которые явно не хотели усиления соседнего князя, тем более — претендующего на Киев.

Публичного обращения Мономаха с ним как с вассальным князем (подручником) Ярослав простить не мог. В качестве ответной меры он заявляет о разводе с внучкой киевского князя и высылает жену к ее отцу — своему главному сопернику в борьбе за киевский стол Мстиславу Владимировичу. Описание этих событий в ПВЛ, где статья под 1117 г. является последней, довольно отрывочно. Более полно его сохранил Московский свод конца XV в., созданный на основании не дошедшего до нас списка Киевского свода. Этот список был одним из продолжений ПВЛ, где под 6626 (1118/9) г. и содержатся известия о высылке Ярославом жены и ответном походе Мономаха против Ярослава.³¹ Результатами этого похода стали бегство Святополича за рубеж, о котором сохранились сведения в Лаврентьевской и Ипатьев-

ской летописях, и замена его на владимиро-волынском княжении сыном Мономаха Романом. Последнее из рассматриваемых известий считается предпоследним в восстановляемом тексте ПВЛ. Хотя оно датировано в тексте ПВЛ 6625 (1117/8) г., считается, что Роман Владимирович заменил Ярослава Святополчича на его столе в 1118 г., а после смерти Романа (6 января 1119 г.) новым князем Владимира-Волынского стал его брат Андрей Владимирович, прозванный Добрый (1119—1135).³²

Источники расходятся в указании страны, куда бежал Ярослав Святополчич в 1118 г. По версии Лаврентьевской летописи, он искал помощи в Польше, а в Ипатьевской летописи и в Московском своде конца XV в. такой страной названа Венгрия.³³ Скорее всего, Ярослав побывал в обоих государствах, но при этом возникает закономерный вопрос: куда он отправился раньше? Ответить на него можно лишь гипотетически, поскольку источники ничего не сообщают о пребывании лишенного «отчины» князя в Венгрии, а самые ранние свидетельства польских хронистов о вмешательстве Болеслава III Кривоустого в борьбу за возвращение Ярославу Святополчу Владимира-Волынского содержатся в «Польской истории» Яна Длугоша (XV в.), использовавшего материал русских летописей. Здесь причины рассматриваемого конфликта объясняются следующим образом: Мономах, «имея подозрение, что с киевского стола его прогонит родной племянник Ярослав, сын Святополка, решил как можно скорее разбить его».³⁴ В. Н. Татищев уже в первой редакции «Истории Российской» пишет о планах Ярослава захватить с польской помощью земли соседних князей, а во второй ее редакции разъясняет читателю, что этот князь намеревался расширить свои владения за счет волостей Володаря и Василька Ростиславичей, а также принадлежавшие киевскому князю города на р. Горыни (Гориной).³⁵

Утверждения В. Н. Татищева вряд ли соответствуют действительности. Если бы Ярослав Святополчич действительно имел договоренность с Болеславом III о поддержке последним его агрессивных планов, вряд ли он был бы так

легко лишен владимира-волынского стола. По всей видимости, такой договоренности не было, и Ярослав сначала бежал в Венгрию, несомненно, осведомленный о враждебности к Мономаху и его детям, унаследованной Иштваном II от отца, Калмана Книжника. Однако 1118 г. стал одним из самых тяжелых за все время правления Иштвана II, когда королю пришлось отдать Венеции часть Далмации и воевать с австрийско-чешской коалицией, причем военные действия проходили в Австрии и пограничном венгерском комитате Шопрон. В таких условиях у Иштвана II попросту не было военных сил для оказания помощи Ярославу Святополичу. Это обусловило переезд лишенного «отчины» князя из Венгрии в Польшу. Как известно, Болеслав Кривоустый был женат на сестре Ярослава, второй супругой которого была польская княжна. Неспособность Мономаха выстроить собственную систему взаимоотношений с западными соседями Руси привела к тому, что А. Б. Головко называет «пограничным конфликтом» 1119—1123 гг. между Русью и Польшей. По мнению историка, Ярослав прибыл в Польшу в 1119 г. и спровоцировал нападение поляков на приграничные земли Владимира-Волынского княжества.³⁶ В источниках ничего об этом не сообщается, но Ипатьевская летопись содержит под 1120 г. свидетельство о том, что Владимир Мономах послал сына Андрея «с погаными» в поход на Польшу, которую они разорили.³⁷ Скорее всего, это был карательный поход в ответ на нападение поляков на Владимира-Волынское княжество.

К обострению отношений между Владимиром Мономахом и Болеславом Кривоустым не могли оставаться безучастными князья юго-западной Руси. Для братьев Ростиславичей одинаково опасно было как обострение отношений с Польшей, так и полное подчинение власти киевского князя. Пример лишенного Мономахом своей «отчины» Ярослава Святополича, на место которого Владимир Всеволодович направил сначала одного, а потом другого сына, несомненно, настораживал Володаря и Василька. Они готовы были поддерживать Мономаха в отражении натиска поляков,

с которыми у них сохранялись враждебные отношения, но закрепление Мономаших на владимиро-волынском княжении их явно не устраивало. Возможно, именно это побудило князей юго-западной Руси к сближению с Венгрией. Об этом свидетельствует «татищевское известие» под 1119 г. о походе войска Володаря Переяславского по просьбе венгерского короля на Византию, откуда он возвратился с богатой добычей.³⁸ Это известие впервые появляется в Воронцовском списке «Истории Российской» и закрепляется во второй ее редакции.³⁹ Возможно, оно происходит из т. н. «Хроники Ростиславичей», существование которой пытался доказать Е. Ю. Перфецкий.⁴⁰ По крайней мере, крайне маловероятно, что это сообщение придумал В. Н. Татищев, поскольку оно стоит особняком по отношению к другой информации рассматриваемой статьи «Истории Российской» и не развивает никакую «сюжетную линию».

Польско-русский пограничный конфликт продолжился в 1121 г., когда Ярослав Святополич пытался с помощью поляков захватить Червен. Руководившему обороной города посаднику Фоме Ратиборичу удалось отстоять его. В 1122 г. бежавший к Володарю Ростиславичу вельможа Болеслава III Кривоустого Петр Власт (Влостович) организовал похищение Володаря и его переправку в Польшу.⁴¹ Сыновьям Володаря Ростиславу и Владимиру удалось выкупить отца из плена, но эта акция Петра Власта, призванная наказать беспокойного восточного соседа Польши, лишь способствовала продлению на несколько десятилетий конфронтации между Пястами и князьями юго-западной Руси. Сын плененного князя Владимир Володаревич впоследствии неоднократно совершал походы на польские земли, но в 1123 г. Володарь и Василько Ростиславичи предпочли стать союзниками Ярослава Святополича. Ему на этот раз удалось собрать внушительную коалицию, в которую помимо Болеслава III вошли также Иштван II и чешский князь Владислав I (1120—1125). Таким образом, свою враждебность Владимиру Мономаху продемонстрировали все трое соседних государей, чьи страны находились к западу от Руси.

Собранное Ярославом войско сумело сохранить втайне приготовления к походу, поэтому княживший во Владимире-Волынском Андрей Добрый успел лишь послать гонца к отцу в Киев, оказавшись вскоре запертым в городе плотным кольцом осады. Некоторые подробности этих событий содержатся в Ипатьевской летописи и в Композиции венгерских хроник XIV в., которые дополняют друг друга, поскольку написаны свидетелями, находившимися по разные стороны конфликта. Летописцу интересно то, что произошло до убийства Ярослава Святополчича, а хронисту — как венгерские воины вели себя после этого трагического события. Летописный рассказ имеет явно дидактический характер: Ярослав ездил без опаски с несколькими телохранителями под стенами Владимира-Волынского, требовал от горожан немедленной сдачи и грозился взять центр своей бывшей волости с одного приступа. На перевозе под городом его подкараулили два тайно вышедших из города поляка и проткнули беспечного князя копьем. Рана оказалась смертельной, и в ночь после этого дня Ярослав умер. Так, не дождавшись помощи от отца Владимира и старшего брата Мстислава, Андрей руками своих «диверсантов» вынудил враждебную коалицию разойтись восвояси. При этом Василько и Володарь Ростиславичи отправили к Мономаху послов с мольбой и подарками, чтобы он простил их за присоединение к вражеской коалиции. Летописец заканчивает статью под 1123 г. рассуждениями о Божьем наказании за гордыню с цитатой из Священного писания.

Венгерский хронист описывает ситуацию без дидактических излишеств, отображая реальную полемику, развернувшуюся в венгерском лагере после гибели Ярослава Святополчича. Последний назван в Композиции венгерских хроник XIV в. Безеном («Печенегом»), что является намеком на то, что материю Ярослава была половчанка. «Король же Иштван, желая отомстить за обиду своего отца, короля Калмана, пообещал князю помочь и, собрав войско, двинулся на Русь». Венгерский хронист свидетельствует о героической гибели «Безена» в битве с владимирцами. Узнав о смерти

Ярослава, король пытался воодушевить своих воинов идеей отмщения за нее, но лидер оппозиционно настроенной знати Козьма из рода Пазмань заявил Иштвану II, что у них нет кандидата на место убитого Ярослава, поэтому захват осаждаемой крепости будет бессмысленным. Если же король продолжит настаивать на своем, войско вернется на родину без него, и знать выберет нового короля. «Затем, по приказу предводителей, глашатаи в лагере возвестили, чтобы венгры как можно скорее возвращались в Венгрию. Тогда король, увидев, что лишен поддержки своих, вернулся в Венгрию».⁴² При этом, как показано ниже, Иштван II до конца своих дней находился во враждебных отношениях с Мономахом и его преемником Мстиславом Великим, в то время как Болеслав III Кривоустый замирился с Русью, выдав в 1124 г. свою дочь за муромского князя Всеволода Давыдовича, о чем свидетельствует Ипатьевская летопись, но имя польской княжны в источниках не сохранилось.

Если с Мономахом Болеслав восстановил мирные отношения, то князья юго-западной Руси продолжали оставаться его врагами. В «Польской истории» Яна Длугоша под 1124 г. содержатся два рассказа: о том, как Володарь Ростиславич в отсутствие Болеслава III опустошил Польшу и о мести польского князя Володарю. При этом хронист утверждает, что Володарь нарушил договор и клятву, данную Болеславу в Киеве. Внезапно напав на владения Пястов, перемышльский князь увел «множество скота».⁴³ Вернувшись в Польшу Болеслав совершил поход против Володаря и его сына Владимира, одержал победу над ними у Вилихова и опустошил их земли «мечом и огнем».⁴⁴ Длугош датирует карательный поход Болеслава 1125 г., но, скорее всего, он состоялся в 1124 г., которым Ипатьевская летопись датирует смерть Вилька и Володаря Ростиславичей.

ГЛАВА 6

ПОПЫТКИ МОНОМАШИЧЕЙ И ВСЕВОЛОДА ОЛЬГОВИЧА СОХРАНИТЬ ЕДИНСТВО РУСИ

Междоусобица Володаревичей и западные соседи Руси

Наследование Мстиславом Великим киевского стола после смерти отца — Владимира Мономаха — знаменовало собой закрепление в Киеве Мономашичей вопреки «завещанию Ярослава Мудрого». Во время своего киевского княжения (1125—1132) Мстислав Владимирович продолжал политику сохранения хотя бы внешнего единства страны, однако достигнутые им в этом деле результаты были заметно скромнее, чем у его отца. Это ярко проявилось уже в самом начале правления Мстислава, когда в юго-западной Руси разгорелась новая междоусобица, теперь уже между сыновьями Володаря Ростиславича. Поколение детей Ростислава Владимировича ушло из жизни в 1124—1125 гг. Сначала умер Василько Теребовльский, затем Володарь Перемышльский. Последнему наследовал старший сын Ростислав, а его брату Владимиру была выделена волость с центром в Звенигороде. Дошедшие до нас русские нарративные источники не содержат никаких сведений о междоусобице Володаревичей, поэтому исследователям приходится опираться на информацию, содержащуюся в «Польской истории» Яна Дlugоша, который

пользовался не известными нам летописными памятниками, возможно, «Хроникой Ростиславичей» или ее продолжением, если таковое было написано.

По свидетельству Длугоша, «между родными братьями Владимиром и Ростиславом, сыновьями прежнего перемышльского князя Володаря, возникли тайное соперничество и зависть, перешедшие в столь частую и явную вражду, что, жестоко разоряя княжества друг друга, они готовили погибель и смерть один другому. А чтобы легче осуществить это, каждый обратился к помощи извне, Владимир — к паннонцам, Ростислав — к русским».¹ При этом сыновья Василька Ростиславича встали на сторону Ростислава. В современной украинской историографии популярна точка зрения, согласно которой женой Владимира Володаревича была представительница рода Арпадов. Эта гипотеза опирается прежде всего на явные домыслы В. Н. Татищева. Никаких доказательств и даже намеков на матrimониальные связи Владимира с Арпадами в достоверных источниках нет.² Скорее всего, Владимир Володаревич использовал в данном случае связи своей бабки Ланки и враждебное отношение Иштвана II к Мстиславу Великому, поддержавшему Ростислава Володаревича в рассматриваемом конфликте. Уже в то время Владимир — будущий объединитель юго-западной Руси — показал, что тесные отношения с Арпадами являются для него главной опорой в противостоянии с другими Рюриковичами.

Длугош помещает в своем труде рассказ о междуусобице Володаревичей под 1127 и 1128 гг., но исследователи склонны датировать ее 1126—1127 гг. В ней можно условно выделить два этапа. На первом этапе стратегическое преимущество было на стороне враждебной Владимиру Володаревичу коалиции, поскольку посланное Иштваном II войско пришло к Владимиру намного позже, чем армия противника. Однако русские князья не хотели кровопролития и пытались договориться с Владимиром у Щиреца. Переговоры оказались безрезультатными, поскольку тем временем в Звенигород приходит венгерская помощь. Неудаче первой военной кампании Ростислава против Владимира во многом способствовала не-

последовательность старшего брата в борьбе с младшим. Вот как описывает эти события Ян Длугош: «...перемышльский князь Ростислав, полагаясь на силу союзных войск, окружает и штурмует крепость брата Звенигород, рассчитывая легко захватить ее. Но, поскольку названную крепость защищали три тысячи воинов, размещенных в ней Владимиром, Ростислав, потеряв некоторое количество своих воинов, снимает осаду [и] уходит. Хотя он с большим рвением возобновил осаду опять с теми же силами, но, видя, что его надежды не оправдываются, ибо люди Владимира, совершив вылазку из крепости, учинили резню среди его людей, снимает осаду».³

Таким образом, эффективная венгерская помощь позволила Владимиру Володаревичу, не имевшему союзников среди русских князей, выстоять на первом этапе междуусобной войны. Однако Ростислав не думал складывать оружия. Под 1128 г. Длугош кратко повествует о втором этапе противостояния Володаревичей: «Не стерпев тяжкой вражды и противоборства со стороны перемышльского князя Ростислава, который часто досаждал ему и нападал на него, звенигородский князь Владимир вместе с женой и домочадцами бежал в Венгрию, надеясь с помощью какой-нибудь хитрости или уловки сискать помошь венгров против брата Ростислава».⁴ Рассказ Длугоша не дает никаких оснований для предположения о том, что женой Владимира Володаревича была представительница рода Арпадов. В. Н. Татищев в первой редакции своей «Истории Российской» также ничего не добавляет от себя к этой информации, но во второй ее редакции историк уже считает, что Владимир бежал в Венгрию «к тестю».⁵

Исследователи ставят в связь с междуусобицей Ростиславичей поход Иштвана II в Польшу, о котором свидетельствует Композиция венгерских хроник XIV в. сразу после рассказа о неудачном походе под стены Владимира-Волынского 1123 г.: «После этого на третий год он (Иштван II. — М. Ю.) послал войско и опустошил польские пределы».⁶ Цитированная фраза хрониста вызывает проблему датировки этого похода: 1126 или 1127 г.? Для разрешения этой проблемы обычно привлекается свидетельство Жития Конрада, еписко-

па зальцбургского, о том, что Иштван II в 1127 г. находился в Русской марке (*marchia Ruthenorum*).⁷ По мнению венгерских исследователей Ф. Макка и М. Фонт, пребывание короля на северо-восточных границах страны было вызвано его стремлением воспрепятствовать оказанию Болеславом III помощи Ростиславу Володаревичу.⁸ Эту же цель, скорее всего, преследовал и поход венгерского войска в Польшу во время междуусобицы Володаревичей. Никаких серьезных последствий для Венгрии рассматриваемый поход не имел, но польско-венгерские отношения стали враждебными, что показала активная поддержка Болеславом Кривоустым претендента на венгерский престол Бориса Калмановича в 1132—1135 гг.

Даже Длугош ничего не сообщает о том, когда Владимир Володаревич вернулся из Венгрии в свою волость и как были урегулированы его отношения со старшим братом. Поскольку в источниках нет никаких сведений о судьбе Ростислава Володаревича после 1128 г. (по датировке Длугоша), исследователи называют этот год самым ранним в интервале предлагаемых датировок его смерти (до 1140 г.). Если Ростислав действительно умер вскоре после бегства Владимира с семьей в Венгрию, то Владимир вернулся на родину после его смерти и объединил под своей властью все наследие Володаря Ростиславича. Если же Ростислав прожил дольше, то, скорее всего, Владимир вернулся в Звенигород на условиях *status quo ante bellum*, поскольку конфронтация с венгерским королем была не в интересах перемышльского князя. Что же касается Мстислава Великого, то у нас нет никаких сведений о его внешнеполитических акциях на юго-западном направлении после окончания междуусобицы Володаревичей. Киевский князь вынужден был продолжать политику сдерживания половецкого натиска на русские земли, а также бороться со своеолием Всеволода Ольговича, изгнавшего в 1127 г. из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича. Неспокойно было и в некоторых других русских землях.

Скорее всего, Мстислав не проявлял интереса к юго-западным соседям потому, что не имел династических связей с Арпадами и Пястами. В то же время, именно в годы киев-

ского княжения Мстислава (1125—1132), когда в Новгороде сидел его сын Всеволод (1117—1136, с перерывом), отмечается внешнеполитическая активность Руси на ее северо-западных границах. В 1130 г. Мстислав посыпает своих сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава на чудь (эстов), которые вновь были обложены данью. В следующем году киевский князь лично возглавил поход в Литву, в котором участвовали, помимо его сыновей, черниговские Ольговичи и городенский князь Всеволод Давыдович (из ветви полоцких Всеславичей). Незадолго до смерти Мстислава его сын Всеволод совершил новый поход на чудь, закончившийся гибелью многих знатных новгородцев.⁹ Как видно из этих свидетельств, прибалтийские народности, жившие вдоль северо-западных границ Руси, всячески сопротивлялись распространению на них власти Рюриковичей.

Начало борьбы Бориса Калмановича за венгерский престол

После смерти своего деда Владимира Мономаха Борис и его мать должны были перейти под покровительство Мстислава Владимировича, приходившегося Евфимии сводным братом. Борису в мае 1125 г. было не более 11 лет, к тому же его отцом был покойный венгерский король, а значит, никаких прав на выделение ему волости на Руси Калманович не имел. На венгерском же престоле в то время находился старший сводный брат Бориса Иштван II, что по всем представлениям о старшинстве в правящем роде не давало Борису прав на венгерскую корону. Полное отсутствие перспектив на Руси, постепенно увязавшей в княжеских междуусобицах, побудило Бориса искать помощь за пределами родины, у государей, враждовавших с Иштваном II. Казалось, изменение внешнеполитической ситуации и положения внутри Венгрии было на руку сыну Евфимии Владимировны. 1 сентября 1127 г. в Византии умер бежавший из Венгрии ослепленный принц Алмош, о местопребывании его сына Бела в то время

Иштван II и его окружение не имели никаких сведений. Слабое здоровье и бездетность венгерского короля делали неизбежной в ближайшем будущем борьбу за корону св. Иштвана. С точки зрения старшинства Борис после смерти Алмоша стал наиболее вероятным претендентом на венгерский престол, но его не признавали таковым из-за обвинения его матери в прелюбодеянии. В то же время правители соседних с Венгрией государств единодушно считали Бориса сыном Калмана Книжника.

Исследователи спорят относительно времени появления сына Евфимии Владимировны в Константинополе при дворе Комнинов.¹⁰ Это произошло не позднее 1131 г. В то же время представляется весьма вероятной гипотеза В. Т. Пашуто,¹¹ согласно которой Борис мог попасть в «империю ромеев» вместе с высланными туда Мстиславом Великим в 1129 г. полоцкими князьями, отказавшимися участвовать в общекняжеском походе на половцев. В окружении юного Бориса, несомненно, были люди, внимательно следившие за изменением ситуации в Венгрии, которые подсказали ему, что на Руси он помощи не найдет, а в Византии после смерти Алмоша нет «законного» кандидата на венгерский престол. Под предлогом поддержки претендента на корону св. Иштвана Комнины могли бы объявить войну Арпадам с целью возрвращения византийских владений в Далмации, захваченных венграми при Ласло I Святом и Калмане Книжнике. Кстати, в 1127—1129 гг. между Византией и Венгрией шла война, которая оказалась безрезультатной для обеих воюющих сторон. Принц Алмош умер в начале этой войны. В октябре 1129 г. Иоанн II Комнин, едва не захваченный в плен воинами собранной Иштваном II коалиции, в составе которой были отряды из Чехии и Моравии, вынужден был пойти на подписание мира с венгерским королем на условиях *status quo ante bellum*.

Борис Калманович был благосклонно встречен византийским императором, оценившим его политические перспективы и выдавшим за него свою родственницу Анну (Арету) Дукайну. Однако ситуация как в столице, где Иоанн II опасался

мятежей знати, так и на восточных границах Византии была весьма неспокойной, поэтому император, только что едва избежавший поражения от венгерского короля, не имел сил для начала новой кампании против Иштвана II. К тому же Борис пока еще не был старейшим в роде Арпадов, хотя скорая кончина его брата Иштвана становилась все более очевидной подданным венгерской короны. Еще в 1128 г. приступ тяжелой болезни, приковавшей короля к постели, побудил часть «благородного сословия» поднять мятеж и объявить королями-соправителями некоего Ивана и ишпана Борша. В последнем некоторые историки до сих пор видят Бориса Калмановича, хотя этот историографический миф давно развеян.¹² Иштвану II удалось преодолеть свою тяжелую болезнь, после чего он жестоко покарал самозванцев: Иван был казнен, а Борш выслан в Византию. Последнее обстоятельство служит одним из главных аргументов для сторонников отождествления Борша с Борисом. Этот аргумент, как и прочие, не является убедительным, поскольку Византия в то время давала приют всем недовольным правящим режимом в Венгрии, а хронисты, знавшие о Борисе, которого они называли Боричем, вряд ли стали бы скрывать его под именем Борша.

На всем протяжении эпохи Средневековья в Венгрии сохранялся принцип выборности правителя государства. До вымирания рода Арпадов в 1301 г. все короли происходили из этого рода. В 1129 г. Иштвану II доложили о пребывании его двоюродного брата — ослепленного сына Алмоша Белы — в Печварадском монастыре. Понимая, что дни его сочтены, король, узнавший также о том, что слепой принц не был подвергнут кастрации, объявил двоюродного брата наследником престола и женил его на дочери сербского великого жупана Илоне (Елене), которая родила ему четырех сыновей, трое из которых занимали впоследствии венгерский престол. Однако далеко не все представители высшей венгерской знати хотели, чтобы ими правил слепой король. В 1130 г. они собрались в Эгере, где объявили наследником престола племянника Иштвана II Шаула — сына его сестры Жофии. Ф. Макк обратил внимание на то, что после смерти Иштвана II 1 марта

1131 г. коронация его преемника Белы II (1131—1141) состоялась не через несколько дней, как это было принято, а почти через два месяца — 28 апреля того же года. По мнению историка, это свидетельствует об острой борьбе придворных группировок в Венгрии в то время.¹³

С точки зрения темы настоящей работы важно то, что «старейший» в роде Арпадов Борис Калманович оказался тогда невостребованным даже той частью венгерской знати, которая выступала против нахождения на престоле слепого короля. Однако это ничуть не остановило Бориса в его желании бороться за корону св. Иштвана, которая теперь должна была принадлежать внуку Владимира Мономаха как самому старшему в роде Арпадов. Не найдя военной помощи у своего родственника Иоанна II Комнина, Борис в конце 1131 или начале 1132 г. направился в Польшу. Поскольку в собранном им войске была дружины одного из русских князей, скорее всего, он добирался к Болеславу III Кривоустому через Русь. Судя по всему, киевский князь Мстислав Великий в помощи ему отказал, иначе это нашло бы свое отражение на страницах русских летописей. Композиция венгерских хроник XIV в. не упоминает имени представителя рода Рюриковичей, пришедшего со своей дружиной на помощь Борису в Венгрию. Скорее всего, это был владимиро-волынский князь — родной дядя Бориса Андрей Добрый (1119—1135),¹⁴ которого, по всей видимости, знатным сторонникам Белы II удалось убедить в том, что Борис является незаконным сыном Евфимии Владимировны и почти весь «венгерский народ» стоит за слепого короля, поскольку, по свидетельству Композиции, русские непосредственно в битве на реке Шайо не участвовали.

В отличие от Андрея Владимировича, Болеслав III оказался более верным соратником Бориса Калмановича. Приведенная им армия, к которой (после смерти Шаула) присоединились противники Белы II, вступила в бой с королевским войском 22 июля 1132 г., но потерпела поражение. Тем не менее, несмотря на активную помощь, которую оказывал венгерскому королю чешский князь Собеслав I (1125—1140),

совершая набеги на польские земли, Болеслав Кривоустый продолжал поддерживать Бориса вплоть до 1135 г., пока правитель Германии Лотарь III (1125—1137) не вызвал его на имперский съезд, проходивший в Мерзебурге, Польскому князю пришлось дать клятву германскому императору в том, что он полностью отказывается от поддержки претендента на венгерский престол. В годы польско-венгерской конфронтации 1132—1135 гг. проявилась политическая позиция звенигородского князя Владимира Володаревича: он стал активным сторонником Белы II. 8 или 9 февраля 1135 г. Владимир совершил дерзкий набег на польскую пограничную крепость Вислицу. Повествующие об этом польские источники, древнейшим из которых является хроника Винцентия Кадлубка, пишут о том, что эта военная операция была тщательно подготовлена. За несколько месяцев до набега Владимир застал в Польшу некоего Паннонца (Венгра), который втерся в доверие к Болеславу Кривоустому, добился назначения его комендантом Вислицы и подготовил все для успеха акции Владимира Володаревича. Хотя в источниках не содержится свидетельств о других его военных акциях против Польши, сам Владимир незадолго до смерти напомнил послам венгерского короля Гезы II (1141—1162) о том, что он «досыти» послужил его отцу Беле II, совершая походы в Польшу.¹⁵

Русско-польские отношения в последние годы княжения Болеслава Кривоустого

У нас нет никаких сведений о деятельности Бориса Калмановича в течение десятилетия, прошедшего после Мерзебургского съезда 1135 г. Возможно, он оставался в Польше до 1138 г., пока не умер его покровитель Болеслав Кривоустый, так и не дождавшись нового витка обострения польско-венгерских отношений. Но Борис мог уже в 1135 г. отправиться к семье в Византию. Некоторые исследователи выдвигали гипотезу о том, что Борис какое-то время проживал в Киеве, где у него был свой двор. Однако все предположения такого

рода не опираются на конкретные доказательства. В 1139 г. умерла мать Бориса Евфимия Владимировна. Проводил ли Борис ее в последний путь или нет, также можно только гадать. Явственно вырисовывается лишь то, что никто из Рюриковичей не хотел помочь неудачливому претенденту на венгерский престол. Само же отсутствие каких-либо упоминаний о Борисе в русском летописании, скорее всего, свидетельствует о том, насколько незначительной (с политической точки зрения) личностью его считали на Руси.

Поскольку Болеслав III прекратил поддержку Бориса Калмановича не по своей воле, отношения между Польшей и Венгрией не улучшились. В условиях навязанного ему мира с Арпадами Болеслав Кривоустый стремился найти новых союзников на Руси. Ипатьевская летопись сообщает под 1136 г. о женитьбе второго сына Болеслава III (будущего краковского князя Болеслава IV Кудрявого) на Верхуславе Все-володовне — внучке Мстислава Великого. Длугош называет жену Болеслава Кудрявого Анастасией (возможно, это было ее христианское имя), а ее отца (явно вследствие ошибки) «Всеволодом».¹⁶ Политическое значение этого брака, по всей видимости, заключалось в стремлении найти союзника среди врагов венгерского короля. Как указывалось выше, Калман Книжник завещал сыну вражду с Мономаичами, и этот завет Иштван II выполнил, избегая большой войны с киевскими князьями. Владимир Володаревич сошелся с Иштванием II и Белой II на почве враждебности не только к правившим в Киеве сыновьям Владимира Мономаха, но и к Пястам, поддерживавшим Бориса Калмановича. В этих условиях брак с Все-володовной призван был стать противовесом для Владимира Володаревича, который, судя по всему, так и не смог простить полякам позорный плен своего отца в 1122 г.

Отсутствующую в русских летописях информацию о конфронтации между Владимиром Володаревичем и Болеславом III отчасти восполняет Ян Длугош. В его «Польской истории» под 1137 г. содержатся сведения о том, ради чего Болеслав Кривоустый замирился с чешским князем Собеславом I: «Было ясно, что польский князь Болеслав пошел на

этот мир, что, замирив Силезскую область и закончив чешскую войну, мог тем активнее вести войну против русских, стремясь любыми средствами и стараниями поправить поражение, понесенное у них вследствие их коварного обмана».¹⁷ В данном случае Ян Длугош продолжает сюжетную линию изложения событий, связанных с местью Болеслава III за разорение Вислицы. Рассматриваемая информация Длугоша, скорее всего, является плодом его фантазии, поскольку не только отсутствует в каких-либо других источниках, но и связана с неизвестным галицким князем Ярославом. В данном случае Длугош продолжил и развил традицию своих польских предшественников, удревнявших время начала правления в Галиче Владимира Володаревича. Никакого Ярослава среди княживших в то время в юго-западной Руси потомков Ростислава Владимировича не обнаруживается. Длугош красочно повествует о том, что бегство Ярослава было притворным и имело целью спровоцировать Болеслава III на поход в юго-западную Русь, где у Галича его ожидала засада — большое русско-венгерское войско. По свидетельству Длугоша, горечь от поражения под Галичем не оставляла Болеслава Кривоустого и на смертном одре.¹⁸

Несмотря на всю легендарность истории о коварном обмане Болеслава III, она, по всей видимости, отражает обстановку перманентной войны, которую вел тогда еще не владевший Галичем Владимир Володаревич с Пястами. Кстати, о набеге поляков на Русь кратко сообщает под 6645 (1137/8) г. Никоновская летопись.¹⁹ Дерзость Владимира по отношению к Пястам во второй половине 30-х гг. XII в. объясняется не только их тесным союзом с Арпадами. Скорее всего, к тому времени уже не было в живых его брата Ростислава Володаревича, который вряд ли бы позволил Владимиру регулярно разорять польские земли. В таком случае Владимир был уже князем не только звенигородским, но и перемышльским, что усилило его в военном и экономическом отношении. У нас нет никаких сведений о действиях двоюродных братьев Владимира Володаревича — Ивана и Григория Васильковичей — в то время. Последнего, скорее всего, уже не было

в живых, поскольку источники о нем не упоминают. Обращает на себя внимание также тот факт, что Владимир Володаревич дважды назван галичским князем в Ипатьевской летописи под 1140 г., хотя под 1141 г. сообщается о том, что он принял под свою власть Галич после смерти Ивана Васильковича. Так или иначе, но к началу 40-х гг. XII в. роль Владимира Володаревича в юго-западной Руси заметно выросла, что грозило уходом его из-под власти Киева. На фоне беспокойной юго-западной окраины Руси «островком стабильности» выглядело в рассматриваемое время Владимиро-Волынское княжество, где в 1135 г. сменился князь. По решению Ярополка Владимиоровича его младший брат Андрей Добрый отправился княжить в родовой для всех Мономашичей Переяславль, а его место занял сын Мстислава Великого Изяслав (1135—1146, 1149—1151).

Изменение политической ситуации в южной Руси в конце 30-х—начале 40-х гг. XII в.

28 октября 1138 г. умер последний князь единой Польши Болеслав III Кривоустый, разделивший перед смертью в своем завещании страну между своими сыновьями. Старший из них — краковский князь Владислав II (1138—1146) был объявлен формальным лидером государства («принцепсом»), но его стремление сделать своих братьев верными вассалами привело в конечном счете к тому, что он вошел в историю под прозвищем Изгнаник. В том же 1138 г. русские летописи отмечают оказание венгерским королем Белой II военной помощи киевскому князю Ярополку Владимиоровичу (1132—1139) против правившего в Чернигове Всеволода Ольговича (1127—1139). Еще при Мстиславе Великом (1125—1132) Всеволод, изгнавший дядю из Чернигова (см. выше) оказывал неповиновение киевскому князю. Сознавая, как и его отец Олег Святославич, что их ветвь рода Рюриковичей является «более старшей», чем Мономашичи, Всеволод, вынужденный пожертвовать Курском для замирения с Мстиславом, почув-

ствовав, что при Ярополке власть формального лидера русских земель заметно ослабела, начал междуусобную войну с киевским князем.

Не способный прекратить междуусобицу собственными силами, Ярополк Владимирович обратился за помощью к соседним государям: князьям Польши и Чехии, а также к венгерскому королю. Пясты в то время были заняты проблемами раздела страны после смерти Болеслава III Кривоустого, чешский князь Собеслав I также не смог оказать помощь по неизвестным причинам, а Бела II откликнулся весьма оперативно. Внушительность собранной Ярополком коалиции побудила черниговцев потребовать на вече у Всеиволода Ольговича примириться с киевским князем. На этот раз Всеиволоду не пришлось расплачиваться одним из своих городов, поскольку Ярополку нужен был прежде всего мир на границах с Черниговской землей. С точки зрения темы настоящей работы важно отметить нормализацию русско-венгерских отношений, четверть века находившихся в состоянии враждебности (с 1113 г.). В дошедших до нас источниках не объясняются причины столь резкого поворота в политике Белы II, но вряд ли будет далеким от реальности предположение о намерении венгерской правящей верхушки нейтрализовать Бориса Калмановича установлением союзнических отношений с киевским князем. У Белы II уже был в то время верный союзник на Руси — звенигородский князь Владимир Володаревич, но его военные возможности в то время ограничивались созданием напряженности на польских границах. Вряд ли Ярополк в условиях прогрессировавшего распада Руси на отдельные княжества отважился бы на поход в Венгрию в интересах Бориса, но спокойствие в южной Руси было на руку Арпадам.

Смерть Ярополка Владимира 18 февраля 1139 г. серьезно изменила ситуацию в южной Руси. Следующий по старшинству из сыновей Мономаха Вячеслав Владимирович просидел на киевском княжеском столе менее двух недель (22 февраля — 4 марта 1139 г.) и вынужден был уступить Киев старейшему среди черниговских Рюриковичей Всеиволоду

Ольговичу. Во время своего киевского княжения (1139—1146) Всеволод неоднократно пытался сломать созданный Мономахом порядок занятия княжеских столов, обеспечивавший Мономашичам преобладание в южной Руси. Одной из первых акций такого рода стала попытка Всеволода отнять Владимир-Волынский у Изяслава Мстиславича, предпринятая через несколько месяцев после утверждения лидера черниговских князей в Киеве. Она оказалась неудачной, как и следующая, целью которой было перевести Андрея Доброго из Переяславля в окраинный Курск. Во второй половине 1139 г. вновь стало неспокойно в юго-западной Руси и пограничных с ней русских княжествах. Иван Василькович и Владимир Володаревич пытались о чем-то безуспешно договориться с Изяславом Мстиславичем. Последний после этого попытался расширить свои владения за счет Туровской волости, где княжил его дядя Вячеслав Владимирович. Затем Изяслав Мстиславович, насколько можно понять из туманных сведений Ипатьевской летописи, помогал Всеволоду против поляков, напавших на Владимиро-Волынское княжество.²⁰

Последнее обстоятельство важно с точки зрения темы настоящей работы. Как указывалось выше, в последние годы киевского княжения Ярополка Владимира правители Польши и Венгрии стремились установить союзнические отношения с Мономашичами, признавая их главной ветвью рода Рюриковичей. Стремление Всеволода Ольговича сделать таковой ветвь Святослава Ярославича не нашло поддержки у Арпадов. Как Бела II, так и сменивший его на престоле Геза II (1141—1162) не стремились установить союзнических отношений с Всеволодом, поскольку последний оставался в их глазах мятежным князем, в «усмирении» которого в 1138 г. принимало участие венгерское войско. Оставшийся единственным русским союзником Гезы II Владимир Володаревич, который объединил в 1141 г. юго-западную Русь в Галицкое княжество, продолжил использовать венгерскую военную помощь, но теперь уже против Всеволода. Что же касается Польши, то она, в отличие от Венгрии, уже не была единым государством. Столкнувшись с неповиновением млад-

ших братьев князь-принцес Владислав II женил в 1141 или 1142 г. сына Болеслава (Высокого) на Звениславе Всеволодовне. В противовес этому братья — противники Владислава, по свидетельству Хроники Отрибса Цвифальтенского, решили выдать трехлетнюю дочь одного из них замуж за сына «короля Руси», т. е. также породниться с Всеволодом, но этот план остался неосуществленным.²¹ Союз Владислава II с киевским князем обеспечил ему победу над братьями в междоусобной войне, разгоревшейся зимой 1142/3 г. В походе в Польшу участвовали сын Всеволода Святослав и племянник Изяслав Давыдович, а также Владимир Володаревич. При этом летописец подчеркивает, что русские союзники Владислава не столько воевали, сколько грабили польское население.

Участие Владимира в этой военной операции, помимо традиционной враждебности князей юго-западной Руси к Пястам, могло быть оплачено Всеволодом Ольговичем. К тому времени у киевских князей уже не было достаточно сил и признававших их верховную власть союзников, чтобы действовать по отношению к своевольным Рюриковичам только с позиции силы. При этом, как показали последующие события, Владимир и Всеволод заключили союз, скрепленный составлением крестоцеловальных грамот. Установление тесных связей Всеволода Ольговича с Владиславом II побудило Мономаших также заняться поисками союзников среди западных соседей Руси. На рубеже 1143—1144 гг. (между Рождеством и Крещением) княживший тогда в Новгороде Святополк Мстиславич (внук Мономаха) женился на моравской княжне, о чем свидетельствует Новгородская Первая летопись.²² Никаких практических выгод этот matrimonиальный союз Мономашичам не принес, но, как будет показано ниже, его пытался использовать чешский князь Владислав II (1140—1172) в своей антивенгерской политике. Таким образом, скрытое противостояние потомков Владимира Всеволодовича и Олега Святославича шло не только во внутрирусских делах, но и в сфере внешней политики.

Стремление Владимира Володаревича сделать юго-западную Русь полностью независимой от Киева ярко проявилось

в событиях 1144 г. Как видно из истории этой земли конца XI—первой четверти XII в., местные князья болезненно воспринимали стремление правителей Киева держать под контролем Владимиро-Волынское княжество, что побудило Володаря и Василька Ростиславичей выступить в 1123 г. против сына Владимира Мономаха Андрея Доброго. Всеялод Ольгович во время своего киевского княжения также пытался сохранить рассматриваемую область под властью Киева. В 1143 г. Всеялод направляет во Владимиро-Волынский на княжение своего сына Святослава, сменившего здесь Изяслава Мстиславича (внука Мономаха), который обосновался в следующем роду в родовом для Мономашичей Переяславле. Вскоре после этого состоялся вышеописанный поход русских князей на помощь Владиславу II, временно сплотивший Рюриковичей, правивших в приграничных с Польшей землях, но в следующем 1144 г. Владимир Володаревич пошел на конфликт с Всеялодом Ольговичем. При этом, как свидетельствует Ипатьевская летопись, Владимир «поверг (на землю данную) ему (Всеялоду) крестоцеловальную грамоту».²³

В описании событий войны между галицким и киевским князьями 1144 г. ранние летописные памятники помимо общих содержат еще и каждая свои подробности. При этом в Ипатьевской летописи, в отличие от Лаврентьевской, перечисляются поименно все союзники Всеялода Ольговича и подчеркивается стремление последнего избежать боевых действий: его союзник Владислав II пытался уговорить Владимира Володаревича покориться воле киевского князя. В Лаврентьевской же летописи подробнее описывается начальный этап военного противостояния двух противников и назван предводитель пришедшего на помощь Владимиру венгерского войска — Бан. На самом же деле его звали Белуш (Белош), и он был дядей по матери юного короля Гезы II, фактическим регентом Венгрии в 1141—1147 гг., а *бан* был его титулом: так называли в Венгрии правителей приграничных областей на землях, где проживали южные славяне. Описания подробностей военного столкновения в назван-

ных летописях совпадают. Ипатьевская летопись подчеркивает бесполезность прихода венгерского войска на помощь Владимиру Володаревичу, потерпевшему поражение от армии враждебной коалиции и вынужденному пойти на заключение мира с Всеволодом Ольговичем, ценой которого стала выплата Владимиром 1400 гривен серебра.²⁴

В 1145 г. жители Галича во время пребывания Владимира Володаревича на охоте восстали против него и пригласили на княжение его племянника Ивана Ростиславича (вошедшего в историю под прозвищем Берладник). Владимиру удалось вернуть власть над своей столицей, а Иван бежал в Киев к Всеволоду Ольговичу. Тогда же Всеволод отправляет войско во главе с братом Игорем на помощь краковскому князю Владиславу II. Понявшие, что перевес сил на стороне старшего брата, Болеслав и Мешко вновь поклялись в верности принцепсу и отдали ему четыре города, а Игорю Ольговичу с братьями — Визну.²⁵ К этому же 1145 г. Ипатьевская летопись относит и расправу Владислава II над Петром Влостом, похитившим в 1122 г. Володаря Ростиславича (см. выше), который после разграбления его имущества отправился с семьей на Русь.²⁶ Юго-западная окраина русских земель подверглась в 1146 г. новому нашествию собранной Всеволодом Ольговичем коалиции против Владимира Володаревича. На этот раз судьба была благосклонна к галичскому князю. Несмотря на помощь польского отряда во главе с зятем Всеволода Болеславом Высоким, войско киевского князя не смогло взять даже Звенигород, жители которого во главе с решительным воеводой Иваном Халдеевичем отбили все приступы нападавших. Возвращение враждебной коалиции «восвояси» подвигло Владимира на ответный поход на Киевщину. Пытавшийся противостоять этому Всеволод тяжело заболел и умер 1 августа 1146 г.

ГЛАВА 7

НАЧАЛО АКТИВНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ЗАПАДНЫХ СОСЕДЕЙ В МЕЖДОУСОБИЯ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

Поддержка Гезой II Изяслава Мстиславича

В событиях последних месяцев киевского княжения Всеволода Ольговича бросается в глаза отсутствие венгерской помощи Владимиру Володаревичу. Как показали последующие события, Геза II и его окружение, скорее всего, проанализировав причины провала похода в юго-западную Русь 1144 г. и общую политическую обстановку на Руси, пришли к выводу, что поддержка беспокойного галицкого князя, стремящегося к полной независимости от Киева, чревата для Венгрии регулярными столкновениями с мощными княжескими коалициями. В интересах Венгрии было вновь войти в союз с киевским князем, поскольку Киев пока еще оставался древней столицей и богатейшим городом Руси, правитель которого сохранял свое влияние на большую часть южнорусских земель. При этом Арпады явно не хотели входить в союз с Ольговичами, предчувствуя, что их власть над Киевом будет недолгой. И действительно, киевляне, обещавшие Всеволоду перед смертью быть верными его брату Игорю Ольговичу, уже на второй неделе его княжения предали его и помогли занять киевский стол внуку Владимира Мономаха Изяславу Мстиславичу (1146—1154, с перерывами). Изяслав

вступил в Киев 13 августа 1146 г. Этим же годом подавляющее большинство исследователей датирует женитьбу Гезы II на сестре Изяслава Евфросинье Мстиславне.¹

Заключение этого династического брака призвано было, в том числе, охладить пыл Владимира Володаревича в его притязаниях не только на полную независимость от Киева, но и на часть киевских земель. Однако, если такой расчет действительно был, он оказался неверным. Во-первых, галицкий князь не изменил свою политику по отношению к Киеву и боролся с Изяславом Мстиславичем вплоть до своей смерти (конец 1152 или начало 1153 г.), а во-вторых, Геза II оказался втянутым в более масштабную междуусобицу Изяслава со своим дядей — суздальским князем Юрием Долгоруким. Активным союзником последнего был его сват Владимир Володаревич. Эта междуусобица не только принесла Арпадам заметные материальные и людские потери, но и осложнила положение Венгрии в противостоянии с Византией, переживавшей последний период своего политического могущества при Мануиле I Комнине (1143—1180). Тем не менее Геза II до 1152 г. откликался на просьбы шурина о присылке ему военной помощи, даже находясь в состоянии войны с Византией. Переход Арпадов в лагерь врагов Владимира Володаревича побудил последнего вступить в союз с Византией. Все это сделало обстановку в юго-западной Руси на рубеже 40-х—50-х гг. XII в. весьма нестабильной.

Византийский фактор прямо или косвенно играл важную роль в политике Изяслава Мстиславича. В 1147 г. он, нарушив канонические правила, организовал избрание митрополитом киевским и всея Руси своего ставленника — «русины» Клиmentа Смолятича. Противостояние Изяслава с дядей Юрием Долгоруким подпитывалось, в том числе, и тем, что Юрий придерживался провизантийской позиции. Если говорить об отношении западных соседей Руси к событиям, происходившим там в годы киевского княжения Изяслава Мстиславича, то в Польше в год смерти Всеволода Ольговича был изгнан из страны братьями главный его союзник — принцепс Владислав II. Новым лидером Пястов стал заняв-

ший Krakow mazowiecki kнязь Bolesław IV Kudrjawyj (1146—1173), которому необходимо было время для утверждения себя в роли принцепса. Хотя женой Bolesława IV была племянница Iziasława Mstisławica Wierchusława Wsewolodowna (см. выше), увязший в первые годы своего пребывания на киевском столе в междуусобице с черниговскими князьями (Ольговичами и Давыдовичами) Iziasław призвал в 1148 г. на помощь короля Gézu II. Участвовавший в походе на Черниговщину венгерский отряд понес потери, но виной им были не боевые действия. Воины попытались перейти замерзшее озеро, но из-за оттепели лед оказался недостаточно крепким.²

В 1148 г., по всей видимости, была предпринята последняя попытка втянуть киевского князя в антивенгерскую коалицию, целью которой было добывание короны св. Иштвана для Bориса Kalmanowicza. Германский король Konrad III так и не дошел со своим войском до Святой земли, остановившись сначала в Saloniках, а затем в Константинополе. Итогом переговоров Konрада с Manuilem Komninem стало заключение «союза двух империй», просуществовавшего семь лет (1148—1155). Внук Владимира Monomaha Bорис был тем политиком, который устраивал всех врагов Gézy II, каковыми в то время были правители Австрии, Чехии, Византии и Германии. Скорее всего, по договоренности с Konradom III чешский князь Vladislav II возвращался в 1148 г. на родину через Киев, о чем свидетельствует хроника Wincencja Praskiego.³ В качестве повода для кружного пути Vladislava исследователи называют наличие у него родственников на Rusi. Однако, судя по времени возвращения чешского князя на родину, крайне маловероятно, что он совершил поездку в Novgorod, где в то время княжил его родственник Sвятопolk Mstisławicj. Судя по всему, Vladislav II пытался убедить Iziasława Mstisławica присоединиться к антивенгерской коалиции и поддержать своего двоюродного брата Bориса Kalmanowicza. Кратковременность же пребывания в Kyivе Vladislava показывает, что Iziasław, породнившись с Gézой II, занял твердую позицию и не стал нарушать договор с венгерским королем.⁴

Фактически все киевское княжение Изяслава Мстиславича было наполнено междуусобными войнами, в которые все больше втягивались западные соседи Руси. В конце августа 1149 г. он был впервые изгнан из Киева Юрием Долгоруким и бежал во Владимир-Волынский, откуда направил послов с просьбами о помощи к Болеславу Кудрявому и его братьям Индриху и Мешко, а также к государям Венгрии и Чехии. По свидетельству Ипатьевской летописи, Геза II прислал 10-тысячный военный отряд и обещал шурину создать угрозу на границах с Галицким княжеством, чтобы Владимир Володаревич не пришел на помощь Юрию Долгорукому. Болеслав IV и Генрих пришли во главе своих дружин, оставив Мешко охранять польскую границу от возможных нападений пруссов. Что же касается чешского князя Владислава II, то он заявил Изяславовым послам, что готов прийти с полками своими, но об их приходе летописец ничего не сообщает. Геза II не выполнил данное Изяславу обещание, позволив Владимиру Володаревичу активно помочь Юрию Долгорукому, что изменило соотношение сил не в пользу Изяслава. После получения известия о нападении пруссов на Польшу Болеслав и Индрих вместе с предводителями венгерского войска принуждают Изяслава пойти на замирение с дядей. Юрий оставляет племяннику Владимир-Волынский, требуя при этом немедленного возвращения западных союзников Изяслава на родину. Венгры и поляки без промедления выполняют это требование.

После этого Юрий решил отнять у племянника оставленную ему волость, но чрезмерное усиление суздальского князя противоречило политическим планам Владимира Володаревича, стремившегося к максимальному ослаблению раздираемой междуусобицами Киевщины, чтобы за ее счет расширить пределы Галицкого княжества. Владимир приложил усилия для замирения враждующих сторон, заключивших соглашение в Пересопнице в апреле 1150 г. Юрий остался киевским князем, а Изяслав — владимиро-волынским. Для скрепления военного союза Юрий выдал свою dochь Ольгу за сына Владимира Ярослава (Осмомысла). Поскольку

Юрий не спешил выполнять другие данные Изяславу обещания, последний начал готовиться к новой войне. На этот раз он не стал привлекать западных союзников, а начал с вытеснения Глеба Юрьевича из Пересопницы, после чего, зная о поддержке его киевлянами, направился на Киев. Не уверенный в своих силах Юрий покинул Киев в мае 1150 г., но Изяславу не удалось закрепить этот успех расширением своей власти на земли восточнее древней столицы. Обосновавшийся в Городце-Остерском Юрий вновь собрал значительное войско и в союзе со сватом вновь заставил племянника воевать на два фронта. Составители Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, опирающихся на Киевский свод, приписывают Изяславу, дружины которого встретились с полками Владимира Володаревича, слова, которые можно понимать как ожидание помощи от поляков и венгров.⁵ Однако воины Изяслава уже обратились в бегство, и он последовал их примеру. Так уже на рубеже августа-сентября 1150 г. Юрий Владимирович вернул себя власть над Киевом.

После вторичной потери Киева Изяслав Мстиславич потерял и часть Владимиро-Волынского княжества, захваченную по приказу Юрия Владимиром Володаревичем. Ощущавший военную слабость племянника Юрий категорически отказался дать ему хоть какую-нибудь волость. Поэтому Изяслав вновь обратился к Гезе II, которого, послав к нему брата Владимира, Изяслав упрекнул в том, что король никак не сдерживает политическую активность Владимира Володаревича. На этот раз Геза решил поддержать шурина, выступив совместно с ним в поход против галичского князя. Хотя у Владимира Володаревича были «приятели» в Венгрии, нападение королевского войска стало для него неожиданностью. Находясь в то время во Владимиро-Волынской земле, у Белза, галицкий князь, бросив обоз, поскакал с дружиной к Перемышлю, чтобы перекрыть противнику путь в глубь своих земель, но было уже поздно. Пришлось Владимиру прибегнуть к подкупу венгерских епископов, уговаривших Гезу II вернуться на родину под предлогом того, что был уже Дмитриев день (26 октября) и скоро должны были замерз-

нуть реки. Король послушался своих духовных советников, но, покидая юго-западную Русь, подверг разорению владения Владимира Володаревича.

Понимая, что без венгерской помощи ему с Юрием Долгоруким не справиться, Изяслав Мстиславич стремился упрочить свои связи с Арпадами. Во время совместного похода Гезы II и Изяслава в юго-западную Русь было принято решение о браке Изяславова брата Владимира и дочери бана Белуша, который, хотя и перестал быть регентом Венгерского королевства в 1146 г., сохранил свое влияние при дворе. Геза II явно симпатизировал Владимиру, он забрал его с собой в Венгрию после разорения Галичского княжества осенью 1150 г. Фактически Владимир Мстиславич стал посредником в отношениях Изяслава с венгерским королем. Именно через него Геза II передал Изяславу устное послание, в котором король объяснял причину своего личного неучастия в планировавшейся на 1151 г. новой военной кампании против Юрия Долгорукого резким обострением конфликта с Византией. При этом Геза обещал послать военный отряд численностью 10 тысяч или больше человек, а в случае благоприятного развития ситуации на Балканах лично возглавить венгерское войско летом 1151 г. Самое интересное в этой истории — то, что не названная по имени «Бановна» (дочь Белуша) прибыла во Владимиро-Волынское княжество на несколько недель раньше своего жениха, задержанного королем, и, по выражению Изяслава, тосковала там в ожидании приезда Владимира из Венгрии.⁶ Вместе с «Бановной» прибыл отряд венгров, которому Изяслав Мстиславич дал в кормление город Устилог.

Поскольку Геза II не спешил с выполнением своего очередного обещания, данного Изяславу Мстиславичу, тому пришлось вновь отправить брата Владимира за Карпаты. Летописец при рассказе об этом вкладывает в уста Изяслава следующие слова: «Брат! Ты был в Венгрии у зятя своего, у короля, ты знаешь все замыслы и думы их. Потрудись же ты, брат, опять ради моей и твоей чести!»⁷ Владимир должен был передать Гезе, что Изяслав понимает тяжелое положе-

ние, в котором находится венгерский король, но просит, если есть такая возможность, чтобы он послал военный отряд на помочь братьям своей жены. Гезе II действительно пришлось в то время отражать нападение византийского императора Мануила I Комнина, ставшее местью за разорение венграми Галичского княжества (по свидетельству византийского хрониста Иоанна Киннама, Мануил считал Владимира Володаревича своим зависимым союзником).⁸ Несмотря на крайнюю напряженность в отношениях с византийским императором, Гезе II отправил на Русь вместе с Владимиром Мстиславичем 10-тысячное войско.

Непримиримая позиция Юрия Владимировича по отношению к племяннику в сочетании с нелюбовью к нему киевлян делали его положение в древней столице нестабильным. Поражение Владимира Володаревича, которому его сват никак не помог в борьбе с их общими врагами осенью 1150 г., еще больше осложнило положение суздальского князя в южной Руси. Все это способствовало изменению соотношения сил в пользу Изяслава Мстиславича, который вновь послал брата Владимира в Венгрию за военной помощью. Гезе II, ввиду угрозы на венгерско-византийской границе, на этот раз сам в поход не пошел, но отправил с Владимиром Мстиславичем очередной 10-тысячный венгерский отряд. Не позднее начала февраля 1151 г.⁹ собранное Изяславом Мстиславичем войско отправилось из Владимира-Волынского в сторону Киева. Изяславу вновь пришлось воевать на два фронта, но он избрал тактику сдерживания Владимира Володаревича, направив основные свои силы, которые пополнили дружинники, «сидевшие по Тетереву», непосредственно против Юрия Долгорукого. Вторично оставивший древнюю столицу суздальский князь надеялся на ее скорое возвращение, но на этот раз ему пришлось ждать смерти своего племянника.

С точки зрения темы настоящей работы, важно то, что окончательное утверждение Изяслава в Киеве произошло с венгерской помощью. Киевляне надолго запомнили показательные выступления венгерских конников весной 1151 г. Поскольку признавший своего дядю Вячеслава Владимиро-

вича «в отца место» Изяслав пригласил его в Киев в качестве соправителя, каждый из названных князей устроил для венгров пир и щедро одарил их. Пока не был разгромлен Владимир Володаревич, а Юрий Долгорукий занимался поисками новых союзников, войну нельзя было считать законченной. Однако командиры венгерского войска имели королевский приказ после возвращения Киева Изяславу сразу же возвратиться на родину, поскольку ситуация на Балканах становилась для Гезы II все более опасной. После набега византийского войска на южные области Венгрии во время разорения Гезой юго-западной Руси осенью 1150 г. король готовился к большой войне с Мануилом I Комнином. Узнав о потере Юрием Киева, Владимир Володаревич отступил в пределы своего княжества, разорив по пути ряд волынских городов. Поскольку Юрий Долгорукий еще оставался в южной Руси, Изяслав готовился к отражению новой попытки дяди выгнать его из Киева и, считая свои силы недостаточными, отправил теперь уже сына Мстислава передать Гезе II очередную просьбу об оказании военной помощи.

Судя по рассказу Ипатьевской летописи, Изяслав Мстиславич пытался представить дело так, что он и венгерский король борются с общими врагами, поэтому Геза должен помочь ему окончательно разгромить Юрия, после чего Изяслав готов оказать королю ответную помощь в борьбе с его противниками. Как известно, Изяслав проводил ярко выраженную антивизантийскую политику, вплоть до нарушения канонических правил избрания митрополита киевского и всей Руси, каковым стал его ставленник Климент Смолятич, а Юрию невольно пришлось стать главой «провизантийской партии». Последний прекрасно понимал, что отбить у племянника Киев он должен до прихода к Изяславу очередной венгерской военной помощи, однако собранная им наспех коалиция во второй половине мая или в начале июня 1151 г. потерпела поражение в окрестностях Киева на реке Рут(е). В это время на Русь уже двигалось венгерское войско численностью не менее 10 тысяч воинов. Новый разгром Юрия позволил Изяславу не допустить войны на два фронта, по-

скольку на помочь свату шел со всеми имевшимися у него военными силами Владимир Володаревич.

Казалось, ситуация складывается в высшей степени благоприятно для Изяслава Мстиславича. Победив Юрия, он ожидал прихода свежего венгерского войска, а значит, мог всеми силами обрушиться на галицкого князя, главный союзник которого, император Мануил, в то время был занят противостоянием с Гезой II. Последнему в ту пору приходилось бороться с византийским отрядом, разорявшим южные области Венгерского королевства. Возглавлял этот отряд Борис Калманович. Однако победителем в этой военной кампании оказался Владимир Володаревич, практически не понесший при этом людских потерь. На основании данных источников невозможно установить, кто был инициатором поставки венгерскому войску огромного количества спиртного во время его остановки у Сапогыня — сам Владимир Володаревич или непосредственно осуществивший ее дробогубческий князь Владимир Андреевич. Результат этой акции оказался плачевным для Изяслава Мстиславича. Перепившиеся венгры стали легкой добычей дружинников галицкого князя, приказавшего истребить их. Так бесславно для Изяслава закончились, не начавшись, боевые действия против Владимира Володаревича летом 1151 г., поскольку продолжать войну после этого киевский князь не решился.

Впрочем, Изяслав сразу же трезво оценил внешнеполитические перспективы, открывшиеся перед ним после избиения венгров у Сапогыня: Геза II не оставит это без отмщения. По всей видимости, отдавая приказ об истреблении пьяных врагов, Владимир Володаревич надеялся на то, что его союзник Мануил I Комнин не даст венгерскому королю осуществить карательный поход в юго-западную Русь, но этот расчет оправдался лишь частично. Действительно, Геза II начал войну с Владимиром лишь через год после трагедии у Сапогыня, но отмщение все равно настигло галицкого князя. Хотя замирение венгерского короля с византийским императором произошло еще осенью 1151 г., Геза II, по-видимому, утомленный физически и морально бесплодным преследованием

Бориса Калмановича, решил дать отдых себе и своему войску, а также притупить бдительность Владимира Володаревича, создать у него уверенность в том, что он отказался от мести за своих бесславно погибших воинов. Впрочем, новая поездка Мстислава Изяславича к венгерскому королю весной 1152 г. вряд ли осталась обойденной вниманием галичского князя, но подготовиться к очередной войне с Гезой II и Изяславом Мстиславичем он все равно не успел.

По свидетельству Лаврентьевской летописи, Мстислав Изяславич был также послан отцом в Польшу, но Болеславичи отказали ему в военной помощи.¹⁰ Венгерский король уже знал из практического опыта, что залогом победы над галичским князем является не только одновременное нападение на Галичскую землю с запада и востока, но и его внезапность. Судя по летописному рассказу, Геза II не сразу откликнулся на просьбу шурина. Венгерский король установил конкретный срок, который держал в тайне от галичского князя, и выступил в поход одновременно с Мстиславом Изяславичем, приказав идти на Галич и полкам Изяслава Мстиславича. Скорее всего, король дожидался окончания работы первого рейхстага, созванного новым немецким королем Фридрихом I (1152—1190), вошедшим в историю под прозвищем «Барбаросса». На этом рейхстаге обсуждалось предложение о военном походе в Венгрию, правитель которой перестал признавать сюзеренитет императоров Священной Римской империи. На заседаниях рейхстага, проходившего в июле 1152 г., немецкая знать не поддержала планы Фридриха, и Геза II мог быть спокоен за северо-западные границы своего королевства.

Первыми на землях Владимира Володаревича появились венгры. Князь безрезультатно пытался остановить их на границе своих владений, после чего бежал к Переяславлю. Пока не подошло войско Изяслава Мстиславича, Владимир предпринял попытку договориться с королем, скорее всего, предлагая ему выкуп за погибших венгерских воинов. Однако Геза был настроен на полный разгром галичского войска и на переговоры с противником не пошел. После пятиднев-

ного ожидания прибытия союзника король принял Изяслава Мстиславича в своем лагере, располагавшемся у города Ярослава. Не вдаваясь в подробности военной кампании 1152 г. в Галичской земле, хочу отметить, что Владимир Володаревич стремился как мог предотвратить разгром своих военных сил и потерю даже части собранных им за долгие годы владений. Однако ему пришлось испытать горечь поражения на реке Сан, после чего вторично бежать к Перемышлю и затвориться в городе.¹¹ Победители не стали штурмовать крепость, а занялись грабежом загородной резиденции Владимира Володаревича, расположившись на реке Вягра. Галичский князь прикинулся смертельно раненным, ведя при этом тонкую дипломатическую игру.

Он напомнил Гезе II, что в свое время «досыти» послужил его отцу Беле II, разоряя земли их общих врагов — Пястов. Он также стремился подкупить ближайших советников венгерского короля, чтобы они способствовали скорейшему возвращению своего государя на родину. Владимир, скорее всего, вновь предложил выкуп за погибших у Сапогыня венгров. Больше всего Владимир Володаревич боялся, что его выдадут Изяславу Мстиславичу. Но это не входило в планы Гезы II, поскольку утверждение власти киевского князя в юго-западной Руси не было в интересах Венгрии: в таком случае на ее границах возникло бы сильное государственное образование, состоящее из Киевского, Переяславского, Владимира-Волынского и Галицкого княжеств. В конечном счете Владимиру удалось добиться своих целей. Несмотря на предостережения Изяслава и его сына Мстислава относительно того, что Володаревич не выполнил ни одного из данных им обещаний, Геза II, убеждаемый своим подкупленным окружением, поверил «умирающему» князю, заставив его поклясться на кресте св. Иштвана, который был подарен королем побежденному противнику. При этом Геза II обещал немедленно вернуться на Русь с войском в случае нарушения Владимиром данной им клятвы.

Как и предсказывали Изяслав и его сын, после ухода венгерского войска Владимир Володаревич (сразу «выздоровев»)

категорически отказался признавать верховную власть Изяслава Мстиславича и возвращать захваченные¹² у него окраинные города Киевской земли. Изяслав сразу же отправил к Гезе II гонца с напоминанием о данном королем обещании немедленно наказать Владимира Володаревича в случае нарушения им клятвы, данной на кресте св. Иштвана. У нас нет сведений, как отреагировал король на известие о клятвопреступлении галичского князя, но известно, что больше ни одного похода на Русь Геза II не совершил. Наказать же Владимира Володаревича имевшимися в его распоряжении силами Изяслав Мстиславич не мог, поскольку ему угрожала новая война с Юрием Долгоруким, прошедшая в последние месяцы 1152 г. «Залечивший раны» галичский князь вновь отправился на помощь свату на границы Киевщины, но Юрия Владимиrowича продолжали преследовать неудачи. Опираясь на половецкую помощь, он осадил Чернигов, простояв под его стенами 12 дней, после чего узнавшие о приближении полков Изяслава степняки начали покидать Юрия, которому пришлось вернуться в свою суздальскую «отчину».

Получив известия об уходе свата, Владимир Володаревич также возвратился в свои владения. Не имевший без венгерской военной помощи подавляющего преимущества над Владимиром Изяслав отправил на рубеже 1152—1153 гг. в Галич своего ближнего боярина Петра Бориславича с ультимативными требованиями вернуть захваченные города Киевской земли. Галичский князь встретил Изяславова послана, не только высокомерно отвергнув обращенные к нему призывы соблюдать данную на кресте клятву, но и грубо высмеяв киевского боярина. По свидетельству Ипатьевской летописи, в ночь того же дня, когда Петр Бориславич вынужден был отправиться в обратный путь, Владимир Володаревич скоропостижно скончался. По мнению исследователей, это произошло уже в начале 1153 г. Наследовавший Владимиру сын Ярослав, вошедший в историю под прозвищем «Осмомысл» (1153—1187), поспешил вернуть в Галич Петра Бориславича и поручил ему передать Изяславу, что признает его верховную власть над Галицкой землей. Однако окружение

молодого князя ни за что не хотело возвращать киевскому князю принадлежавшие ему прежде города.

Несомненно, Изяслав надеялся на приход венгерского войска, но Геза II, во-первых, готовил в то время в глубокой тайне внезапное нападение на Византию, а во-вторых, настигшая Владимира Володаревича «Божья кара» освобождала короля от его обещания шурину, поскольку Ярослав Владимирович пока никому из победителей своего отца клятвы не давал, а значит, и не нарушал. В 1153 г. Изяслав Мстиславич принял в Киеве мусульманского путешественника ал-Гарнати, возвращавшегося из Венгрии к своей семье, проживавшей в поволжском городе Саксине (?). Ал-Гарнати передал князю послание от короля. О содержании этого послания можно только догадываться,¹³ но, скорее всего, в нем Геза II объяснял причины невозможности прислать шурину венгерскую военную помощь в связи с тяжелой ситуацией, сложившейся на Балканах. Без поддержки зятя Изяслав в течение года не отваживался затевать новую войну с галичским князем. В. Н. Татищев свидетельствует о том, что в 1153 г. Изяслав отправил еще одно посольство в Галич. Ярослав Владимирович готов был вернуть захваченные его отцом города, но местное боярство категорически этому воспротивилось.¹⁴ Так или иначе, но новая война Киева с Галичем имела место в начале 1154 г. и закончилась пленением Изяславом «лучших из галичан». Однако Ярослав, также взявший в плен нескольких бояр Изяслава, удержал за собой киевские города. Изяслав по счастливой случайности избежал новой войны с Юрием (в его войске, шедшем на Киев, начался небывалый конский мор), последние месяцы своей жизни провел в относительном спокойствии и умер 14 ноября 1154 г.

Ярослав Осмомысл и Геза II

Смерть Изяслава Мстиславича знаменовала собой начало нового витка борьбы за Киев. Ненамного переживший его со-правитель Вячеслав Владимирович попытался заменить од-

ного (умершего) племянника другим, предложив разделить власть над Киевом княжившему в Смоленске Ростиславу Мстиславичу. Однако Вячеслав вскоре умер, а Ростислава изгнал из Киева один из представителей черниговских Рюриковичей Изяслав Давыдович, первое княжение которого в Киеве продлилось до прихода туда Юрия Долгорукого 20 марта 1155 г. Утвердившийся в Киеве Юрий прокняжил здесь до своей смерти, случившейся 15 мая 1157 г. Уход из жизни Изяслава Ярославича заметно облегчил участь Гезы II, поскольку теперь некому было призывать его (порой несколько раз в год) на помочь в борьбе за чуждые королю интересы. Ни Юрий Долгорукий, ни возобновившие после его смерти борьбу за Киев Изяслав Давыдович и Ростислав Мстиславич не являлись близкими родственниками Гезы II, и он мог теперь отказаться от регулярного вмешательства в междуусобия русских князей.

Помимо ухода из жизни Владимира Володаревича и Изяслава Мстиславича, борьба между которыми предписывала венгерскому королю однозначное отношение к названным князьям (Изяслав — союзник, Владимир — враг), смене внешнеполитических приоритетов Гезы II на восточном направлении способствовало появление у него тайного союзника среди Комнинов. Речь идет о двоюродном брате Мануила I Андронике Комнине, мечтавшем об императорской короне, которая могла не достаться ему в случае рождения у Мануила сына. В 1154 г. Геза II, заключивший тайное соглашение с Андроником, обещавшим ему в случае захвата власти в Византии уступку нескольких пограничных областей, отправился в поход на Мануила уже в качестве союзника Андроника. Хотя кампания 1154 г. была успешной для венгерского короля, реально помочь Андронику в достижении главной цели его жизни Геза не мог. Союз с Андроником заставил венгерского короля изменить свое отношение к Галичу, поскольку Андроник, по всей видимости, приходился двоюродным братом и Ярославу Осмомыслу, что также способствовало отдалению Гезы II от русских родственников своей жены.

Во время борьбы Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким за Киев у Гезы II сложились наиболее тесные связи с братом Изяслава Владимиром, женившимся на дочери бана Белуша (см. выше), и Изяслав использовал Владимира в качестве посредника в отношениях с венгерским королем. После смерти Изяслава Владимир Мстиславич (вошедший в историю под прозвищем «Мачевич») хотел продолжить борьбу с Юрием Долгоруким и стать преемником брата в роли главного союзника короля, а значит, получателя венгерской военной помощи. Однако король уже не хотел вмешиваться в междуусобия на Руси, что сделало безрезультатными попытки Владимира Мстиславича втянуть Гезу II в новый виток борьбы Рюриковичей за Киев. В конце 1155 г. (судя по внутренней хронологии Ипатьевской летописи) в Венгрию приезжала тетя Гезы II — вдова Мстислава Великого, скорее всего, имевшая поручение от пасынка Владимира убедить зятя оказать помощь своему шурину в его борьбе с Юрием Владимировичем. Однако сам Юрий, став киевским князем, вскоре пришел к убеждению о том, что для укрепления своей власти в древней столице ему необходимо замириться со всеми соперниками, в том числе с Владимиром Мстиславичем, которому было оставлено Владимиро-Волынское княжество. Потеря интереса венгерского короля к своим русским родственникам также способствовал конфликт между Владимиром Мстиславичем и его племянником Мстиславом Изяславичем. В 1156 г. последний внезапно напал на дядю, захватил в плен его жену и мачеху, у которой он отнял подарки, сделанные ей венгерским королем. Эти факты свидетельствуют о том, что потомки Мстислава Великого из политических деятелей превратились в заурядных грабителей. Поэтому Арпады потеряли к ним всякий интерес, и бежавший в Венгрию Владимир «Мачевич» вновь не получил от Гезы II военной помощи для усмирения дерзкого племянника.

Рост авторитета галицкого князя Ярослава Осмомысла в южнорусских и международных делах ярко проявился в годы второго княжения в Киеве Изяслава Давыдовича (1157—1158). За несколько месяцев до изгнания Изяслава из Ки-

ва Ярослав Осмомысл организовал «дипломатический на-
жим» на Изяслава Давыдовича, взявшего под покровитель-
ство двоюродного брата галичского князя — Ивана Рости-
славича (Берладника). По просьбе Ярослава в Киев прибыли
послы союзных ему князей, а также Гезы II и Болеслава IV
Кудрявого с общим требованием выдать Берладника Яросла-
ву. Но Изяслав «припре» всех представителей своих оппо-
нентов и категорически отказался нарушать клятву, данную
Ивану, хотя тот все же (для подстраховки) покинул своего
покровителя и бежал в Половецкую степь. Тем не менее, со-
вместная дипломатическая акция западных соседей против
Изыслава Давыдовича показала, что венгерский король и
краковский князь (принцес Польши) являются теперь союз-
никами галичского князя. Очередное обострение борьбы за
Киев, доставшийся смоленскому князю Ростиславу Мстисла-
вичу (1159—1167 с перерывом), сделало еще менее интерес-
ным для западных государей участие в междоусобиях русских
князей. Во-первых, к тому времени за древнюю столицу уже
боролись не соперничавшие ветви рода Рюриковичей, а в ос-
новном отдельные князья, для которых Киев являлся прежде
всего богатейшим городом Руси. Во-вторых, возникновение
сильного Галицкого княжества и ставшего независимым от
Киева Владимира-Волынского княжества заставило западных
соседей Руси постепенно переориентировать свою восточ-
ную политику на взаимоотношения с названными землями.

В то же время краковские князья полностью не отказы-
ваются от вмешательства во внутрируssкие дела. Средневе-
ковые польские хронисты полагали, что Перемышль и дру-
гие Червенские грады были исконно польскими, а ослабле-
ние княжеской власти на сопредельных с Польшей русских
землях открывало для Болеслава IV возможность «восста-
новить историческую справедливость»... Но, видимо, сам
князь неставил перед собой такую задачу. По свидетельству
Ипатьевской летописи, в 1163 г. поляки напали на Червен,¹⁵
но были ли они посланы Болеславом, неизвестно. Следую-
щее летописное известие о приходе польского вспомогатель-
ного войска на Русь относится к 1167 г., когда после смерти

Ростислава Мстиславича началась очередная борьба за Киев, результатом которой стало утверждение в нем владимиро-волынского князя Мстислава Изяславича (1167—1169). Это было последнее привлечение польских военных отрядов в междуусобицы в Среднем Поднепровье. Отныне их походы на Русь ограничивались приграничными княжествами.

Попытки Мануила Комнина втянуть русских князей в конфликт с Венгрией

После смерти Гезы II 31 мая 1162 г. правители соседних государств захотели подчинить своему влиянию его преемника — юного Иштвана III (1162, 1163—1172). Василевс Мануил I Комнин вообще стремился возвести на венгерский престол кого-то из дядьев юного короля. Недовольство правлением Гезы II вылилось в то, что Иштван III, не дождавшись официальной коронации, был свергнут с престола, который занял по договоренности с Мануилом I брат Гезы II Ласло II (июль 1162—январь 1163). После смерти Ласло II правителем Венгрии стал следующий из сыновей Белы II — Иштван IV (январь—июнь 1163). Оба дяди Иштвана III считаются антикоролями. Они были коронованы не примасом Венгрии — архиепископом эстергомским, а вторым по значимости венгерским церковным иерархом — архиепископом калочским, оказавшимся более сговорчивым. Поскольку власть Иштвана IV опиралась, прежде всего, на военную поддержку из Византии, венгерская знать разочаровалась в нем и встала на сторону вернувшего себе в 1163 г. престол с немецкой помостью Иштвана III. Мануил I Комнин в это время делает ставку на брата Иштвана III Белу, которого он, с согласия венгерской правящей верхушки, призывает к себе и объявляет женихом своей дочери Марии и наследником византийского престола. В то же время Иштван IV продолжал бороться с племянником за корону.

В 1164 г. Мануил I для углубления междуусобицы внутри рода Арпадов вновь оказывает поддержку Иштвану IV, что

стало причиной очередной венгерско-византийской войны, в которой, по свидетельству византийского хрониста Иоанна Киннама, Иштвану III помогли некие «скифы, живущие у Тавра».¹⁶ Скорее всего, это были отряды, присланные галичским князем Ярославом Осмомыслом, у которого так и не сложились союзнические отношения с Мануилом I. В том же 1164 г. в Галич бежит из заточения в византийской тюрьме Андроник Комнин, в результате чего Византия, которой с востока угрожали турки-сельджуки, получила напряженность и на своих северо-западных границах. Мануилу I пришлось простить мятежного двоюродного брата, вернувшегося в 1165 г. из Галича на родину, но Ярослав Осмомысл вознамерился стать тестем Иштвана III, что было гораздо опаснее для Византии, чем происки мечтавшего об императорском престоле Андроника. В ответ на это император направил на Русь специальную миссию во главе со своим родственником и тезкой Мануилом Комнином, призванную прежде всего создать дружественную Византии антивенгерскую коалицию.

Посол Мануил Комнин побывал в Киеве у Ростислава Мстиславича, а также посетил некоего князя Примислава (скорее всего, Переяславского князя Глеба Юрьевича).¹⁷ На словах Ростислав и Примислав обещали поддержать васильевса в готовившейся им войне с Венгрией, но на деле никто из них в очередном венгерско-византийском конфликте участия не принял. Греческие митрополиты, приезжавшие в том же 1165 г. в Галич за Андроником Комнином, привезли Ярославу Осмомыслу специальное послание от византийского императора, в котором тот, во-первых, обвинил галичского князя в нарушении союза с «ромеями», а во-вторых, сделал все, чтобы расстроить брак дочери Ярослава с Иштваном III. В послании император не жалеет негативных эпитетов, чтобы показать порочный образ жизни венгерского короля, который якобы будет жить с Ярославной как с обычной распутницей. По свидетельству Иоанна Киннама, галичский князь «с варварской простотой» поверил написанному Мануилом I и отложил замужество своей дочери, находившейся в то время в Венгрии.¹⁸ Однако полностью разрушить союз Галича

с Венгрией Мануилу не удалось: во время венгерско-византийской войны 1165 г. в войске Иштвана III, по свидетельству того же Киннама, находились «скифы с тавроскифами»,¹⁹ в которых следует видеть половцев и военную помощь, присланную галичским и/или волынским князьями. Во Владимире-Волынском в то время сидел племянник вдовствующей венгерской королевы-матери Мстислав Изяславич (1156—1170). В 1166 г. Иштван III женился на дочери австрийского герцога Генриха II Язомирготта, так и не став зятем Ярослава Осмомысла.

Конец 60-х—начало 70-х гг. XII в. были временем затишья на западных границах русских земель. В 1167 г. Иштван III признал себя вассалом Мануила I, а также переход части венгерских владений на Балканах к Византии. Однако это была «пиррова победа», поскольку уже в последнее десятилетие правления Мануила Комнина (70-е гг. XII в.) начинается кризис «империи ромеев», надорвавшейся в многочисленных войнах с мусульманами, норманнами, на Балканах и в других регионах Средиземноморья. В 1172 г. в возрасте 24 лет умер Иштван III и венгерский престол занял следующий из сыновей Евфросиньи Мстиславны Бела III (1172—1196), потерявший к тому времени статус наследника византийского престола, поскольку у Мануила I в 1169 г. родился долгожданный наследник — будущий Алексей II. Хотя Мануил обошелся с Белой довольно жестоко: разорвал его помолвку со своей дочерью Марией и выдал за него антиохийскую княжну Анну (Агнессу), новый венгерский король нуждался в то время в византийской помощи, поэтому принес Мануилу клятву в том, что никогда не обратит оружие против Византии. Казалось бы, Бела-Алексей, проведший много лет при дворе Комнинов и принявший православие, должен был действовать в согласии со своей матерью, но на самом деле между ними возникло отчуждение, которое они так и не смогли преодолеть.

Оказалось, что Евфросинья Мстиславна менее всех своих сыновей любит именно Белу, причем эта нелюбовь выразилась не просто в нежелании общения с ним, но и в открытой

поддержке королевой-матерью своего третьего сына Гезы в его претензиях на корону св. Иштвана. Впрочем, ни Геза, ни Евфросинья не обращались за помощью к своим русским родственникам, поэтому подробности борьбы между Белой II и его братом Гезой не являются важными с точки зрения темы настоящей работы. Причинами такого отношения вдовствующей венгерской королевы к Руси, скорее всего, было отсутствие у нее в то время влиятельных родственников среди Рюриковичей. Ее племянник, владимиро-волынский князь Мстислав Изяславич, умер в 1170 г., а наследовавший ему сын Роман (1170—1205) пока еще не набрал достаточно-го политического веса. Последний из братьев Евфросиньи Владимир «Мачешич» умер в 1171 г., прокляжив три месяца в Киеве.

На этом фоне сильнейшим политиком в рассматриваемом регионе оказался Ярослав Осмомысл, но его сила во многом обуславливалаась слабостью его соседей,²⁰ поскольку ситуация в самом Галиче была далека от стабильной. «Укро-щению» князем местного боярства вначале препятствовало неподобающее поведение князя, открыто жившего со своей любовницей «Настаской», родившей ему сына Олега. Закон-ная жена Ярослава Ольга Юрьевна дважды бежала с сыном Владимиром из Галича: в 1170 г. в Польшу, а в 1173 г. в Луцк. Между этими двумя событиями произошло кардинальное изменение ситуации в Галиче. Если в 1170 г. местные бояре принудили Ярослава помириться с женой и приказали сжечь на костре «Настаску», то через три года Ярослав призывает на помощь польский отряд и осаждает Луцк, где укрылись его ближайшие родственники. Луцкий князь Ярослав Изя-славич (1155—после 1174) не имел сил для борьбы с Яросла-вом Осмомыслом, но помог Ольге Юрьевне бежать в Черни-гов, откуда она уже без сына возвратилась на родину — во Владимиро-Сузdalское княжество, к брату Андрею Бого-любскому (1157—1174).

Заметные политические изменения произошли в 70-е гг. XII в. в системе управления польскими землями. Если сме-нивший Болеслава IV Куряowego на краковском столе Меш-

ко III (1173—1177) еще придерживался принципата, установленного Статутом Болеслава Кривоустого, то изгнавший его при поддержке местного населения Казимир II Справедливый (1177—1194) для удержания за своими потомками Кракова фактически отказался от системы принципата. Это позволило Казимиру сосредоточиться на укреплении своей власти в Малой Польше, непосредственно граничившей с русскими землями. Пока галицким князем был Ярослав Осмомысл (1153—1187), ситуация на русско-польской границе была в целом стабильной. Единственным исключением из этого стала описанная Винцентием Кадлубком (IV, 14) борьба за Берестье (Брест). В более поздней Великопольской хронике эти события датированы 1182 г. Магистр Винцентий, прославляя сверх меры Казимира II, приписывает ему овладение Перемышльской волостью и всем Владимиро-Волынским княжеством, а также волостями, центрами которых были Дрогичин и Берестье (IV, 8), однако все утверждения такого рода далеки от реальной действительности. Целью Кадлубка, скорее всего, было придать мелкому конфликту в пограничном русском городе масштаб серьезной военной акции краковского князя.²¹

Что касается русско-венгерских отношений в период одновременного нахождения на престолах Белы III и Ярослава Осмомысла (1172—1187), то они находились в состоянии мирного сосуществования. По сообщению «Хроники, собранной Великим пресвитером» (*Chronica collecta a Magno presbytoro*), какой-то русский отряд участвовал в 1176 г. в походе войска Белы III в Австрию против герцога Генриха II Язомирготта, поддерживавшего в борьбе за престол младшего брата венгерского короля — герцога Гезу. Впрочем, далеко не все исследователи доверяют известию об участии в этом походе отряда из Руси, хотя никаких аргументов против этого не приводится. Если же это свидетельство достоверно, то наиболее вероятной выглядит посылка вспомогательного отряда Беле III его восточным соседом Ярославом Осмомыслом.²² Ситуация в Юго-Восточной Европе начала меняться после смерти Мануила I Комнина, когда на византийском престоле

оказался его 11-летний сын Алексей II (1180—1183), регентом при котором стал его двоюродный дядя Андроник Комнин. Не имевший никаких связей с Андроником Бела III сразу же переориентировал главное направление своей внешней политики с западного на юго-восточное, поставив своей задачей возвращение территорий, потерянных Венгрией на Балканах во время правления Мануила I.

Борьба за Галич в 1187—1190 гг.

У нас нет никаких сведений об отношениях венгерского короля и галичского князя в последние годы правления Ярослава Осмомысла. В связи с этим приходится довольствоваться поэтической характеристикой, данной Ярославу автором «Слова о полку Игореве» около 1185 г., в которой подчеркивается сила Ярослава, удерживавшего венгров за линией Карпатских гор. Скорее всего, это мнение неизвестного поэта является преувеличением, поскольку, как указывалось выше, независимое положение Галича и успешное участие его князя в междуусобиях на Руси и за ее пределами объяснялось политической слабостью соседей Галичского княжества.²³ Отсутствие у Белы III союзнических отношений с Андроником Комнином было использовано последним для углубления конфронтации, возникшей между Венгрией и Византией. После того как до него дошли слухи о том, что Беле установил тайные отношения со своей бывшей невестой Марией Коминой, Андроник приказал казнить ее, что дало Беле повод для мести регенту. В условиях нараставшего политического кризиса в Византии Андроник решил свергнуть и убить Алексея II, чтобы осуществить свою давнюю мечту о занятии трона василевсов. За время недолгого правления Андроника I (1183—1185) удалось остановить венгерскую экспансию на Балканах, а после его свержения вследствие восстания жителей Константинополя Бела III круто изменил свое отношение к Византии, пойдя на союз с новым императором Исааком II Ангелом (1185—1195, 1203—1204).

Смерть Ярослава Осмомысла повлекла за собой дестабилизацию ситуации в Галицком княжестве, поскольку он не пожелал просчитать последствия своих волевых решений, которые он пытался навязать галичанам. Своим преемником Ярослав объявил сына сожженной любовницы Олега «Настасьича», которого жители Галича не хотели поддержать вследствие его незаконнорожденности. Сын Ольги Юрьевны Владимир Ярославич получил от отца Перемышль, и, опираясь на свое законное происхождение, легко устранил Олега, заставив его покинуть Галич. Вскоре Олег был отравлен. Однако Владимир в своих пороках пошел намного дальше своего отца: он прославился неумеренным употреблением вина и, уведя жену у некоего попа, прижил с ней двух сыновей. Подстрекаемые владимиро-волынским князем Романом Мстиславичем, галичане в 1188 г. подняли восстание, используя в качестве предлога свое нежелание признавать княгиней какую-то попадью. Свергнутый Владимир бежал с женой и детьми в Венгрию, но в то время у Романа еще не было достаточной опоры среди галичан. Пришедший с войском в Галич Бела III, поняв, что горожане разобщены и не имеют общепризнанного кандидата на роль местного князя, предложил им признать таковым своего сына Андраша (Эндре), заключив при этом соответствующий «наряд» (договор). Владимира Ярославича король приказал арестовать и заключить вместе с женой и детьми в одной из венгерских крепостей.

Несмотря на все попытки Белы III добиться «врастания» Галича в монархию Арпадов, разница в религии, языке и политических традициях между Русью и Венгрией была настолько существенной, что о превращении Галицкого княжества в один из венгерских комитатов не могло быть и речи. Привыкшее бороться с князьями за лидирующие позиции в политической жизни галическое боярство не могло смириться с господством иноземцев, являвшихся вдобавок иноверцами. При этом следует подчеркнуть, что Бела III весьма умело отбивал попытки отдельных Рюриковичей освободить Галич от венгерской власти. Безуспешной оказалась попытка сы-

на Ивана Берладника Ростислава занять в 1188 г. галичский стол. Израненный князь попал в руки венгров, приложивших к его ранам смертельный яд. Венгерскому королю также удалось поссорить направлявшихся в поход на Галич Святослава Всеялодовича и Рюрика Ростиславича, причем до такой степени, что они так и не дошли до Галича, отказавшись от первоначальных намерений. Казалось, власть венгров над Галицкой землей представляет собой пример стабильности для погрязшей в междоусобиях южной Руси, но как раз эта стабильность и не устраивала местное боярство. Вдобавок окружение принца Андраша допустило серьезную ошибку, обрушив на галичан поток репрессий за поддержку ими Ростислава Ивановича.

В 1189 г. из заточения в башне бежал Владимир Ярославич, направившийся за военной помощью к германскому императору Фридриху I Барбароссе, который готовился отправиться в Святую землю в качестве одного из руководителей Третьего крестового похода. Дата выступления Фридриха в поход (31 мая 1189 г.) служит в данном случае хронологическим ориентиром (*terminus ante quem*) для датировки времени бегства Владимира из башни. Император благосклонно принял изгнанного галичского князя, поскольку тот был племянником хорошо известного в Германии владимиро-сузdal'sкого князя Всеялода Большое Гнездо (1176—1212), и отправил послание краковскому князю Казимиру II с приказанием помочь Владимиру Ярославичу вернуть свою «отчину». Согласно господствующей в историографии точке зрения, Казимир оперативно откликнулся на приказание Фридриха, и уже 1 или 6 августа 1189 г. Владимир с польской помощью вернул себе галичский стол. При этом объявляется ошибочной летописная датировка этого события (1190 г.), поскольку Фридрих Барбаросса в то время уже был (и умер) в Малой Азии. Что же касается сведений польских средневековых исторических сочинений (начиная с хроники Винценция Кадлубка) о разорении Владимиром Ярославичем пограничных с Русью владений краковского князя, то проблема их датировки ставит исследователей в тупик. «Камнем

преткновения» здесь является свидетельство Кадлубка и его последователей о том, что Владимир совершил самое жестокое разорение польских земель 15 августа, что никак не могло произойти в 1189 г., через полторы или две недели после возвращения Владимиром с польской помощью отчинного Галича.

Между тем если опираться на версию Густинской летописи (XVII в.), где бегство Владимира из башни датируется 1189 г., а его возвращение в Галич 1190 г., обозначенные выше трудности можно преодолеть. Аргументацию Н. Г. Бережкова, мнение которого считают бесспорным исследователи, можно признать безусловно верной лишь относительно времени обращения Владимира Ярославича к Фридриху I, но не в том, что касается датировки возвращения Владимиром Галича. Сам Бережков уже следующее после рассматриваемого известие Ипатьевской летописи датирует 1190 г.²⁴ По моему мнению, выражение летописца под 6698 (1190/1) г. «В то же лѣто иде ц(е)с(а)рь Немѣцкыи со всею своею землею битися за гробы Г(о)с(поде)нъ»²⁵ может относиться ко всему походу Фридриха I, длившемуся для него чуть больше года (31 мая 1189 г.—10 июня 1190 г., когда умер император). Густинская летопись сообщает о двухлетнем пребывании Владимира Ярославича в плену,²⁶ что явно не соответствует действительности, но может соответствовать времени отсутствия князя в Галиче (1188—1190 гг.). По моему мнению, в Ипатьевской летописи изложена «краткая редакция» повествования о борьбе Владимира Ярославича за возвращение Галича, а в польских исторических сочинениях — более полная. При этом в разных хрониках выделяются разные эпизоды противостояния Владимира с Казимиром Справедливым, не желавшим исполнять приказание Фридриха Барбароссы, но общим для них является описание бед, принесенных жителям Польши набегом Владимира в день Успения Богородицы (15 августа). Если предположить, что конфликт Владимира с Казимиром длился с лета 1189 по лето 1190 г., информация польских источников хорошо вписывается в следующую хронологическую канву.

Прибывший в Краков с приказанием германского императора Владимир Ярославич получил отказ Казимира II Справедливого в просьбе немедленно выступить в поход на Галич. Заставить краковского князя выполнить приказ императора Владимир не мог, поскольку Фридрих не мог отклониться от пути крестоносного войска, направлявшегося через Венгрию в сторону Константинополя. На этом как раз и держалась смелость Казимира, не хотевшего ввязываться в войну с Венгрией и подчеркивать свое вассальное положение по отношению к германским императорам. Воспользовавшись тем, что княжившему в Галиче принцу Андрашу приходилось отражать попытки отдельных Рюриковичей захватить власть, Владимир обосновался в завещанном ему отцом Перемышле, откуда совершил набеги на земли Казимира II. Об этом свидетельствуют Кадлубек и Великопольская хроника. Самый разорительный набег Владимира совершил 15 августа 1189 г. Скорее всего, после этого набега посланное Казимиром войско выгнало Владимира Ярославича из Перемышля (Великопольская хроника). Вынужденный скрываться в труднодоступных местах русско-польского пограничья Владимир продолжал разорять юго-восточные владения Пястов (Кадлубек, Великопольская хроника) в течение осени 1189—лета 1190 г. По моему предположению, галичский и краковский князья, осознав патовость ситуации, которую они создали, решили наладить отношения с Фридрихом Барбароссой, для чего выполнить его приказ. После этого в июле 1190 г. польское войско во главе с палатином Николаем вынудило Андраша бежать на родину, а в Галиче вновь вокняжился Владимир Ярославич.²⁷

Ощущая себя во враждебном окружении, Владимир сразу же после возвращения Галича обратился к своему дяде Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо с просьбой взять его под покровительство. Могущество Всеволода и его авторитет в общерусских делах способствовали прекращению борьбы за Галич. Владимир Ярославич спокойно прокняжил в Галиче до своей смерти (1198 или 1199 г.), и лишь его уход из жизни вызвал проблему престолонаследия, разрешившую-

ся без междуусобий, путем объединения под властью Романа Мстиславича Галицкой и Владимиро-Волынской земель. С точки зрения темы настоящей работы важно то, что, взяв под покровительство своего племянника Владимира, Всеволод Большое Гнездо отправил послов в сопредельные страны (скорее всего, в Польшу и Венгрию) с извещением о взятом им покровительстве над Галицким княжеством. Венгерские историки считают, что именно этим могло быть обусловлено появление в средневековых венгерских исторических сочинениях предания о том, что в ходе своих скитаний по «Скифии» древние венгры проходили Сузальскую землю. Автор древнейших «Деяний венгров» (*Gesta Hungarorum*), неизвестный нотарий Белы III («магистр П.») мог быть свидетелем приема венгерским королем посольства Всеволода и отразил память об этом, упомянув Сузdalь в своем сочинении.

Роман Мстиславич и Пясты

О внешнеполитических акциях Владимира Ярославича источники ничего не сообщают. В последнее десятилетие XII в. русско-венгерские отношения находились в состоянии «мирного сосуществования», а главным действующим лицом на западном пограничье Руси становится владимиро-волынский князь Роман Мстиславич (1170—1205), который сблизился с краковским князем Казимиром II Справедливым, несмотря на то, что последний посадил на галицкий стол Владимира Ярославича. В 1191 г. Казимира вынудил оставить Краков его дядя Мешко III Старый, и потерявший столпный город Казимир обратился за помощью к двоюродному брату Роману Мстиславичу. Объединенные силы двух князей заставили отряды дяди Казимира II оставить Краков. В 1193 г. оба названных союзника совершили совместный поход на литовское племя ятвягов, о чем свидетельствует Винцентий Кадлубек. В 1196 г. Роман вновь разорил владения ятвягов, на этот раз без союзников. К тому времени Казимира II Справедливого

уже не было в живых, а в Кракове правил его малолетний сын Лешек Белый (1194—1227).

Малолетство нового краковского князя и нарушение принципа сеньората побудили последнего из оставшихся сыновей Болеслава III Кривоустого — Мешка III Старого — начать в 1195 г. новую войну за Краков. В это же время Роман Мстиславич поссорился со своим тестем Рюриком Ростиславичем, отнявшим у зятя его города в Киевской земле по требованию Всеволода Большое Гнездо. Опасаясь большой войны с Рюриком и его союзниками, Роман обратился за помощью к Казимировичам (Лешку и Конраду), но те обещали откликнуться на его просьбу после того, как он поможет им против Мешка. 13 сентября 1195 г. полки Казимировичей и Романа сразились с войском Мешка III у Мозгавы. В сражении погибло много воинов с обеих сторон. Хотя победу одержал Мешко, он не стал изгонять внучатого племянника из Кракова, поскольку был ранен и потерял на поле битвы сына Болеслава. Роман Мстиславич также получил тогда тяжелое ранение. Автор рассказа о битве у Мозгавы, содержащегося в Ипатьевской летописи, упрекает Романа в том, что он не послушался совета бояр заключить мир с Мешком Болеславичем.²⁸

Не желавший дальнейшего кровопролития Мешко III добился в 1196 г. своей цели (краковского стола) дипломатическим путем. Он признал своим наследником Лешка Белого, которому пришлось временно переехать в Сандомир. Роман Мстиславич вынужден был временно замириться с Рюриком Ростиславичем. Польские хронисты, начиная с Винцентия Кадлубка, показывают на страницах своих сочинений негативное отношение к Роману, действия которого не всегда вписывались в проводимую ими на страницах своих сочинений концепцию о вассальной зависимости создателя Галицко-Волынского княжества от краковских князей. Кадлубек (IV, 23) подчеркивает, что Роман бежал с поля битвы у Мозгавы, получив несмертельное ранение, и отказался вернуться. В самом рассказе об этой битве главная вина за поражение Лешка возлагается на русских дружинников, которые

первыми обратились в бегство, бросив свое имущество, а жители Krakowa, вместо того чтобы защищать родной город кинулись грабить то, что оставили русские. В другом месте (IV, 24) Kadlubek называет Романа ловким интриганом.²⁹ Так или иначе, но, как показали последующие события, на союз Романа Mстиславича с Lешком Белым события у Mозгавы никак не повлияли, он не только сохранился, но и укрепился.

Образование Галицко-Волынского княжества и западные соседи Руси

На исходе XII столетия Роману Mстиславичу удалось наконец объединить под своей властью Галицкое и Волынское княжества, создав сильнейшее территориально-политическое образование в южной Руси. Это не только означало заметное ослабление влияния Всеволода Большое Гнездо на южнорусские дела, но и создавало опасность для Венгрии и Польши. У Романа были родственники в обоих названных государствах: он по матери приходился внуком Болеславу III Кривоустому, а тогдаший венгерский король Имре (1196—1204) был Роману троюродным братом. Естественно, с Пястами у Романа было более близкое родство, чем с Арпадами, поэтому первый галицко-волынский князь активно вмешивался в междуусобия польских князей, ведших борьбу за Krakow. Кроме того, потомки Болеслава III если и имели территориальные претензии к Роману, то только на Червенские грады, прежде всего на Перемышль, а Арпады, которые, начиная с Белы III, включали в свой титул указание на обладание Галичем, не оставляли планов превращения юго-западной Руси в один из венгерских комитатов.

Возможно, именно так можно оценивать информацию В. Н. Татищева, помещенную уже в первой редакции его «Истории Российской» под 6705 (1197) годом. Датировка этого небольшого рассказа, безусловно, вызывает сомнения: это могло произойти не раньше следующего года, но сам по себе рассказ о попытке венгерского вмешательства в борьбу за

наследие Владимира Ярославича вряд ли является плодом фантазии историка XVIII в. или автора использованного им источника. Судя по всему, смерть Владимира была настолько неожиданной, что застала врасплох как галичан, так и князей, от которых зависело будущее галицкого стола. Вот как описывает ситуацию Татищев: «Галичане же, ожидая вести от Рюрика, пославши бо послы своя, прося сына его Ростислава, а долго ответа не взявши и слышащи, иж король угорски готовится на Галич и уже в горах полки его, прияша Романа. Он же, одарив Лешка и ляхов, отпусти я. А угре уведавше, возвратиша».³⁰ В примечании 423 к цитированному отрывку Татищев приводит параллельные отрывки из сочинений историков эпохи польского Просвещения М. Кромера и М. Бельского, упрекая последнего в том, что он «пополнил самохвальством» информацию Длугоша и Кромера.³¹ Сравнение же текста Татищева с текстами названных им авторов позволяет предположить, что в его распоряжении в данном случае был неизвестный русский источник, в котором отсутствует характерный для польских хронистов пространный рассказ о том, как Роман Мстиславич с польской военной помощью и с благословения краковского князя Лешка Белого получил Галич в качестве лена, как это описывает Длугош.³²

«Татищевские известия» всегда вызывают недоверие исследователей и даже признание их *a priori* недостоверными. Однако следует отметить, что в данном случае мы вновь встречаемся с информацией, которая никак не является amplификацией или развитием какой-то «сюжетной линии», что снижает степень недоверия к ней, хотя и не снимает полностью. Если же посмотреть на описанные Татищевым события в ракурсе политической борьбы, шедшей в то время в Венгрии, то попытка вмешательства Арпадов в решение вопроса о замещении галицкого стола представляется вполне правдоподобной. В 1196 г. умер Бела III, которому наследовал его старший сын Имре, однако младший брат последнего Андраш, бывший в 1188—1190 гг. галицким князем, интриговал против короля, пытаясь представить его «первым

среди равных». Хотя средневековая Венгрия никогда не распадалась на независимые феодальные владения, королевская власть в ней временами заметно ослабевала, что с конца XII в. стало политической реальностью. Последние представители династии Арпадов, правившие страной до 1301 г., так и не смогли вернуть под свой полный контроль ситуацию в отдельных комитатах.

В рассматриваемых «татищевских известиях» отразились, во-первых, политический вакуум, возникший в Галиче после внезапной смерти Владимира Ярославича, а во-вторых, стремление короля Имре вернуть Галич под венгерскую власть, воспользовавшись этим вакуумом. Само по себе «междуцарствие» в Галиче было, скорее всего, вызвано боязью неудовольствия Всея волода Большое Гнездо, вассальным владением которого было Галицкое княжество при Владимире Ярославиче. Даже Роман Мстиславич, имевший сторонников в Галиче, не рискнул отправиться в центр соседней земли, не заручившись поддержкой своих польских родственников. Сами же галичане, если верить Татищеву, обратились с просьбой найти им князя к правившему в Киеве Рюрику Ростиславичу (1194—1210, с перерывами), который медлил с ответом. Первоначальная нерешительность Романа и молчание Рюрика побудили Имре попытаться вернуть Арпадам власть над Галичем. Возможно, венгерский король преследовал еще одну политическую цель, затевая этот поход, — сослать подальше от центра страны мятежного принца Андраша. Как раз на это время приходится очередное обострение отношений между братьями. Единственным представителем правящего венгерского рода, имевшим опыт княжения в Галиче, был Андраш. Для утверждения его в Галиче Имре мог предложить галичанам новый, более выгодный для них «наряд».³³

Активность венгерского короля, выступившего в поход на Галич, побудила Романа Мстиславича действовать более решительно, иначе могла бы повториться ситуация 1188 г. В рассказе Татищева обращает на себя внимание незавершенность военной акции венгерского короля. По всей види-

мости, расчет Имре и его окружения строился главным образом на использовании затянувшегося политического вакуума в Галиче, поскольку в городе без князя, боярство которого не было единым, трудно было организовать эффективную оборону. Утверждение же в Галиче Романа Мстиславича, имевшего родственные связи с Пястами, грозило Венгрии войной с сильной коалицией, к чему Имре не был готов. Именно это, скорее всего, и побудило венгерского короля отказаться от перехода через Карпаты. К тому времени у Арпадов уже не осталось близких родственников на Руси. Роман Мстиславич явно не стремился к заключению союза с Венгрией, поскольку именно венгры вынудили его в 1188 г. покинуть Галич. Как показали последующие события, произошедшие после смерти Романа (1205), венгерские короли не оставляли своих планов закрепления в юго-западной Руси.

Создав Галицко-Волынское княжество, Роман Мстиславич ведет с бывшим тестем Рюриком Ростиславичем борьбу за Киев, что отвлекает его внимание от внешней политики на западном направлении. Как известно, та часть Ипатьевской летописи, которую принято называть Киевским сводом, заканчивается описанием событий 1198 г., а следующая ее часть — Галицко-Волынская летопись — ничего не сообщает о событиях правления Романа Мстиславича после объединения им двух земель юго-западной Руси в единое княжество (1199—1205), ограничиваясь общей оценкой его правления в панегирических тонах. В связи с этим исследователям приходится опираться на свидетельства Лаврентьевской летописи и более поздних летописных памятников. До нас не дошло никаких сведений источников о контактах Романа со своими венгерскими и польскими соседями до его похода в Польшу 1205 г., во время которого он был убит. Политическая ситуация в Венгрии и Польше была тогда не менее сложной, чем в Южной Руси. Утвердившийся в Кракове Мешко III в последние годы своей долгой жизни (1199—1202) был занят противостоянием с местной знатью, которую он пытался лишить части их имущества. После его смерти Лешек Белый уже более не терял власти над Краковом (1202—1227).

В Венгрии на рубеже XII в. продолжалось противостояние короля Имре и его младшего брата Андраша (Эндре). Оно было настолько серьезным, что папа Иннокентий III (1198—1216), активно занимавшийся организацией Четвертого крестового похода, освободил в 1198 г. Имре и его сторонников от обета направиться в Святую землю до окончания распри между королем и его братом. Летом 1200 г. братья достигли перемирия, которое соблюдалось до октября 1203 г., когда королю удалось захватить в плен мятежного принца и посадить его под арест. Жену Андраша Имре выслал к отцу — маркграфу Истрии и Крайны Бертольду IV. В начале следующего года сторонники Андраша из числа высшей венгерской знати освобождают его из заточения в Эстергоме. Чувствуя, что жить ему осталось недолго, Имре организует 26 августа 1204 г. коронацию своего сына Ласло, которую, в нарушение установленных правил, проводит не примас Венгрии (архиепископ эстергомский), а архиепископ калочский Янош. В сентябре того же года Имре умирает. Кратковременное правление Ласло III (сентябрь 1204 г.—май 1205 г.) было заполнено его борьбой с дядей — принцем Андрашем, заставившим племянника бежать с матерью в Австрию, где Ласло III вскоре умер. Началось долгое правление Андраша (Эндре) II (1205—1235), отмеченное заметным ослаблением королевской власти в Венгрии и вмешательством ее монарха (бывшего галичского князя) в борьбу за наследие Романа Мстиславича.

ГЛАВА 8

БОРЬБА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Распад первого Галицко-Волынского княжества

Гибель Романа Мстиславича в битве при Завихвосте (19 июня 1205 г.) во время его похода на Лешка Белого разрушила созданное им мощное территориально-политическое объединение, включавшее в себя всю юго-западную и часть южной Руси. Малолетство его сыновей от второй жены (гречанки Анны, или Марии, Каматерос) — старшему Даниилу было четыре года, а младшему Васильку два — стало поводом для начала многолетней борьбы за Галицкую и Волынскую земли, в которой принимали участие не только представители различных ветвей рода Рюриковичей, но и западные соседи — правители Польши и Венгрии. Не имевшая близких родственников на Руси вдова Романа Мстиславича пыталась найти помощь у Арпадов и Пястов. Узнав о смерти бывшего зятя, вернулся к мирской жизни и вновь занял киевский стол насильно постриженный Романом в монахи Рюрик Ростиславич. В том же 1205 г. он в союзе с Ольговичами совершил неудачный поход на Галич. Формально галицким князем в 1205—1206 гг. считался Даниил Романович, опиравшийся на военную помощь, присланную венгерским королем Анд-

рашем II (1205—1235), откликнувшимся на просьбу Романовой вдовы о поддержке ее и ее детей.

Хронология начальных статей Галицко-Волынской летописи весьма приблизительна, но благодаря специальному исследованию М. С. Грушевского¹ известия этой части Ипатьевской летописи можно датировать с точностью до года. Здесь, в частности, под 6710 г. можно прочитать: «...после смерти Романа король заключил союз со своей невесткой в Саноке, ведь принял он Даниила как милого сына своего. Дал он ему защитный отряд Мокея великого Слепоокого, Корочуна, Волпта и его сына Витомира, Благиню и много других угров, отчего галичане и не смели ничего сделать. Было много и других угров».² Как видно из приведенного отрывка, Анна/Мария фактически отдала Галич под власть венгерского короля. Во многом повторилась ситуация 1188—1190 гг. с той лишь разницей, что формально галичским князем считался Даниил Романович. Судя по всему, вдове Романа Мстиславича удалось удержать под своей властью в то время и Владимир-Волынский. Неудача попытки овладения Галичем в 1205 г. не остановила врагов покойного Романа Мстиславича, которые начали создавать новую, более сильную коалицию для борьбы за «галическое наследство». На этот раз были привлечены Игоревичи — потомки главного героя «Слова о полку Игореве», прежде всего, другой персонаж этого произведения — Владимир Игоревич, проведший в 1185 г. несколько месяцев в половецком плену. Его матерью была дочь Ярослава Осмомысла.

Судя по информации Галицко-Волынской (Ипатьевской) летописи, присланных венгерским королем военных сил оказалось явно недостаточно для удержания Галича под властью 5-летнего Даниила. Вскоре здесь появляется Владислав Кормиличич — глава одного из знатных боярских родов, изгнанный в свое время Романом. По предложению Владислава, галичане пригласили на княжение внуков Ярослава Осмомысла. Владимир Игоревич сел на княжение в Галиче, а его брат Роман — в Звенигороде. Вдова Романа Мстиславича вынуждена была бежать с детьми во Владимир-Волын-

ский. Узнав об этом, Владимир Игоревич пригрозил его жителям жестокой расправой, если они не выдадут ему беглецов, что побудило Анну с детьми покинуть Русь и просить убежища у Лешка Белого. К счастью для нее, краковский князь принял ее не как супругу погибшего врага, а как вдову соседнего правителя, нуждающуюся в защите. Летописец заканчивает статью под 6710 г. обвинением Владислава Кордомиличича в том, что именно он посеял вражду между Романом и Лешком. События, связанные с потерей наследниками Романа Галича и Владимира-Волынского, следует датировать 1206 г.

Ощущая недостаток военных сил для войны с Игоревичами, Лешек послал к Андрашу II одного из своих приближенных — Владислава Лысого вместе с Даниилом Романовичем с предложением заключить военный союз для возвращения отчинных владений сыновьям погибшего Романа. В летописном рассказе есть свидетельство о том, что Андраш был союзником Романа. Венгерский король поддержал намерения краковского князя вернуть владения Романа Мстиславича его детям. При этом Андраш II оставил Даниила Романовича у себя. Как пишет ниже летописец (в конце статьи под 6714 г.), «когда Даниил был в Угорской земле (= Венгрии), король Андрей, бояре угорские и вся земля хотели отдать королевскую dochь за князя Даниила — они оба были еще детьми, — потому что у короля не было сына». Вдова Романа с младшим сыном Васильком остается в Кракове у Лешка. Опасавшийся войны с западными соседями Владимир Игоревич послал правителям Венгрии и Кракова много даров. Судя по всему, эти дары отсрочили начало нового вмешательства иностранных государей во внутренние дела юго-западной Руси. Источники не сообщают о приходе польских и/или венгерских отрядов на земли распавшегося Галицко-Волынского княжества в течение двух лет после утверждения там Игоревичей. Возможно, это невмешательство продлилось бы и дольше, если бы не вспыхнули междуусобия среди самих Игоревичей.

Начало активного вмешательства Арпадов и Пястов в борьбу за Галич и Владимир-Волынский

По свидетельству Галицко-Волынской летописи, которое исследователи относят к 1208 г., Роман Игоревич, видимо, не удовлетворенный княжением в Звенигороде, начал борьбу за Галич. Не сумев победить брата своими силами, Роман обратился за помощью к Андрашу II. Летописец прямо не говорит об оказании королем этой помощи, но после возвращения из Венгрии Роману удалось захватить Галич, вынудив Владимира Игоревича бежать в «отчинный» Путинль. Тогда же разгорелась борьба за Владимир-Волынский, на который претендовал племянник погибшего Романа Мстиславича — белзский князь Александр Всеволодович. Ему удалось привлечь на свою сторону Лешка Белого и его брата Конрада Мазовецкого, названного в Галицко-Волынской летописи Кондратом. Жители Владимира-Волынского сами открыли ворота Александру Всеволодовичу, но поляки начали грабить мирных горожан. С большим трудом Лешку удалось удержать своих воинов от разграбления главной городской святыни — церкви Св. Богородицы. Летописец так передает настроения жителей города в то время: «И жаловались, повериавшие им (полякам. — М. Ю.) и их присяге: „Если бы с ними не был их родственник Александр, то не перешли бы они даже Буга“». Лишнего при этом стола князя Святослава Игоревича отправляют в качестве пленика в Польшу.

Фактическим хозяином Владимира-Волынского княжества становится Лешек Белый. Он сажает на владимира-волынский стол луцкого князя Ингваря Ярославича, на дочери которого женился краковский князь. В стане «ляхов» находился также пересопницкий князь Мстислав Ярославич Немой. Тогда же жители Берестя обратились к Лешку с просьбой отпустить к ним вдову Романа Мстиславича с детьми, на что получили положительный ответ. Как пишет летописец, «Берестяне встретили их с великой радостью, как будто увидели великого Романа». Даниилу было в то время семь лет,

а Васильку — пять. Ингварь Ярославич не смог поладить с жителями Владимира-Волынского, и Лешек Белый «посоветовал» и помог княжившему в Белзе Александру Всеиволодовичу изгнать Ингваря и занять его место. Это не понравилось матери Даниила и Василька, которая послала к Лешеку своего боярина Мирослава и попросила передать: «Этот всю землю нашу держит, а мой сын — в одном Берестье». Далее летописец сообщает: «Александр взял Угровск, Верещин, Столпье, Комов и дал Васильку Белз». Междуусобия в юго-западной Руси дали повод для нападений на нее соседним лесным племенам. Статья Галицко-Волынской летописи под 6713 г. начинается следующей информацией: «Александр княжил во Владимире, а брат его Всеиволод — в Червене, литва и ятвяги разоряли землю, они разорили Турийск и окрестности Комова почти до Червена и бились у ворот Червена, а застава была в Уханях. Тогда они убили Матея, Любова зятя, и Доброгостя, выехавших в сторожевом отряде. Бедствовала Владимирская земля от разграбления литовского и ятвяжского!»

Неспособность Лешка Белого обеспечить мир и спокойствие в юго-западной Руси побудила Андраша II отправить туда в конце 1210 или начале 1211 г. венгерское войско под командованием Бенедикта. Роман Игоревич был захвачен во время мытья в бане и отправлен под конвоем в Венгрию. Полным хозяином Галича стал воевода Бенедикт, творивший в городе насилия, за что летописец называет его «кантхристом». Весной 1211 г. «галичане привели Мстислава (Ярославича. — М. Ю.) против Бенедикта, и пришел он к Галичу, но ему ничего не удалось. Илья Щепанович возвел его на галицкий холм и с улыбкой сказал ему: „Князь, ты уже посидел на галицком холме, также ты и в Галиче покняжил“ Над Мстиславом посмеялись, и он вернулся в Пересопницу...» О последующих событиях 1211 г. в Галицкой земле кратко, но очень информативно повествует летописец в следующих фразах Галицко-Волынской летописи: «Роман убежал из Угорской земли. И послали галичане к его брату Владимиру, говоря: „Грешны перед вами. Избавь нас от этого насильника Бене-

дикта“. Роман и Владимир пошли войной на Бенедикта, и тот бежал в Угорскую землю. Сел Владимир в Галиче, а Роман в Звенигороде, а Святослав в Переяславле, сыну же своему Изяславу Владимир дал Теребовль, а Всеволода, сына своего, послал в Угорскую землю к королю с дарами».

Целью миссии Всеволода Владимира, по-видимому, было обеспечить невмешательство Андраша II в дела юго-западной Руси. Судя по всему, это было достигнуто, иначе как объяснить устроенное Игоревичами уже летом 1211 г. избиение галицких бояр. «При удобном случае бояре были перебиты, и был убит Юрий Витанович и Илья Щепанович, и иные великие бояре, — всего было убито пятьсот человек, а другие разбежались», — свидетельствует летописец под 6715 г. Это не только вызвало массовое бегство галицкой знати из Руси, но и дало западным соседям новый повод для вмешательства в междуусобия русских князей. Вот как описывает это летописец в следующих фразах после прерванного цитирования: «Владислав Кормиличич, Судислав и Филипп бежали в Угорскую землю. Они застали малолетнего Даниила в Угорской земле и просили короля угорского: «Дай нам Даниила, уроженца Галича, чтобы мы с ним отняли Галич у Игоревичей». Король с великою охотою послал хорошо вооруженных воинов, великого дворского Пота, поручив ему воеводство над всеми воинами». Далее перечисляются имена семи других венгерских воевод, стоявших во главе войска, присланного Андрашем II для поддержки 10-летнего Даниила Романовича.

Первой целью похода венгерского войска стал Переяславль. «Владислав (Кормиличич. — М.Ю.), подойдя к городу, сказал горожанам: «Братья, о чем вы думаете? Не эти ли перебили ваших отцов и братьев? А другие разграбили ваше имущество, отдали ваших дочерей за ваших рабов! Отечеством вашим владели чужие пришельцы. За них ли хотите положить вашу душу?» Они же пожалели о случившемся и сдали город, и князь их Святослав был захвачен». В цитированном отрывке бросается в глаза то, что галицкий боярин, пришедший с венгерским войском, называет черниговцев

«чужими пришельцами». Жители Переяславля сдались интервентам, а Святослав Игоревич был схвачен. Неудачным для посланного венгерским королем войска оказалось начало осады Звенигорода, где сидел Роман Игоревич. Тем не менее созданная против Игоревичей коалиция становилась все более многочисленной. От княжившего в Белзе Василька Романовича пришел отряд во главе с местными боярами, к ним присоединились отряды из Польши (посланный Лешком), Переяславицы, Владимира-Волынского, Луцка, Дорогобужа и Шумска. Роман Игоревич также стремился найти военную помощь и получил ее от половцев и племянника Изяслава Владимировича, княжившего в Теребовле. Силы противоборствующих сторон стягивались к Звенигороду, где должно было произойти решающее сражение.

Поначалу Изяславу с половцами удалось нанести поражение венграм, заставив их покинуть свой лагерь. При этом погиб венгерский воевода Мика. «Угры поехали вперед к Лютой реке, чтобы не пришли туда ляхи и русские; сойдя с коней, они перешли реку, в то время как половцы и русские стреляли в них. Тут Марцел отдался от знамени, а русские его захватили, и был Марцелу большой позор; и вернулись угры в свои колымаги — иначе говоря, в станы», — сообщает об этом летописец. Несмотря на успехи в борьбе с венграми, Роман Игоревич понимал, что сил для победы над всей враждебной коалицией у него явно недостаточно. «После этого Роман вышел из города, чтобы просить помощи у русских князей. Когда он был на мосту в Шумске, его захватили Зернько и Чухома, и приведен он был в стан к князю Даниилу и ко всем князьям и воеводам угорским, тогда они послали к горожанам с речью: „Сдавайтесь, ваш князь захвачен“». Они не верили, пока не получили вестей, и тогда сдались звенигородцы». Так военная удача отвернулась от Игоревичей, а сама война превратилась в преследование их, вынужденных покидать княжеские столы, которые они распределили между собой. Узнав о плenении брата, бежал из Галича Владимир Игоревич с сыном Изяславом. Их нагнали враги у реки Незды, где Изяслав бился с преследователями и, потеряв

вывочных коней, вернулся в Галич. О его дальнейшей судьбе летописец не сообщает: среди захваченных в плен в 1212 г. черниговских князей он не упоминается.

Летописец приводит далее рассказ о том, как к 11-летнему Даниилу Романовичу приехала из Владимира-Волынского его мать и как он был посажен на галицкий стол. При этом подчеркивается, что произошло это по взаимному согласию галичских и волынских бояр, а также венгерских воевод, выполнивших волю своего короля, имевшего «любовь» к отцу Даниила. Захваченных в плен Романа, Святослава и Ростислава Игоревичей хотели отправить в Венгрию, но галичане дали предводителям венгерского воинства богатые подарки за то, чтобы самим решить судьбу своих политических противников. Впервые в истории Руси представители одной из ветвей Рюриковичей были повешены — в сентябре 1212 г. Малолетством Даниила попытался воспользоваться Владислав Кормиличич, настраивавший его мать на установление ее регентства в Галиче. Задержавшуюся у сына Анну галичане силой заставили покинуть Галич, откуда она перебралась в Белз. Галичские бояре явно не хотели укрепления княжеской или регентской власти в столице юго-западной Руси. Однако это не устраивало венгерского короля Андраша II. По свидетельству летописца, он «огорчился», узнав об изгнании Романовой вдовы из Галича, и решил «восстановить справедливость».

Статья Галицко-Волынской летописи под 6717 г. вся посвящена описанию событий, датируемых исследователями зимой 1212/3 г. «Пришел король в Галич и привел свою невестку,³ великую княгиню Романову, и бояр владимирских, и Ингварь пришел из Луцка, и другие князья. Король совет держал со своей невесткой и с владимирскими боярами, говоря: „Владислав (Кормиличич) княжит, а мою невестку выгнал“. Схвачены были Владислав, Судислав и Филипп и подверглись пыткам. Дав много добра, Судислав обменял себя на золото, иными словами, дав много золота, избавился. А Владислава оковали и повели в Угорскую землю. А когда Владислава вели к уграм, Явольд и Ярополк, его брат, бежа-

ли в Пересопницу к Мстиславу и привели Мстислава Ярославича, и Мстислав пришел с ними к Бужску. А Глеб Поткович убежал из Бужска. Иванко Станиславич и его брат Збислав прибежали в Галич, сообщив галичанам о войне и осаде. А княгиня Романова со своим сыном Даниилом и Вячеславом Толстым бежала в Угорскую землю, а Василько с Мирославом поехали в Белз. По прошествии времени король начал большую войну». Как видно из приведенной цитаты, анархия в юго-западной Руси достигла такого размаха, что Андраш II пришлось для наведения там порядка поставить задачу завоевания этой территории. Исследователи датируют второй приход венгерского войска во главе с королем началом осени 1213 г.

Эта военная операция оказалась необычайно трудной для Андраша и его армии. Прежде всего, в нее вмешался Лешек Белый, который, призванный Александром Всеволодовичем, вернул ему «отчинный» Белз, где сидел Василько Романович. Летописец подчеркивает, что Александр «желал зла Романовичам». Местное боярство не захотело оставаться с Александром и ушло с Васильком в Каменец. Тогда же Андраш II отпустил на родину Владислава Кормильчича, «собрал много воинов и пошел на Галич. Остановился он в монастыре в Лелесове, и здесь бояре-изменники пытались его убить. Жену его убили, а шурин его, патриарх Аквилейский, едва убежал, и многие немцы были перебиты. И потом король вернулся, и многие были перебиты, а другие разбежались. Пока длился мятеж, король не мог вести войну из-за их бесчинств». Узнав о приходе королевского войска в юго-западную Русь, из Галича бежал Мстислав Ярославич Немой. Задержкой короля воспользовался Владислав Кормильчич, который не только стал хозяином Галича, но и провозгласил себя князем, что стало беспрецедентным случаем в истории Руси. В условиях, близких к анархии, Даниил Романович и его мать отправились, с разрешения Андраша II, в Польшу к Лешку Белому, где были приняты «с великой честью», после чего они направились в Каменец к Васильку, где были встречены «с великой радостью».

Конец 1213—1214 г. — время ожесточенной борьбы за Галич, в которую включались все новые русские князья. Мстислав Ярославич Немой не сбирался отказываться от галичского стола. Оставив Лешка управлять своим княжеством, он «пошел в Галич». Однако и сам Лешек не хотел отстраняться от борьбы за столицу юго-западной Руси. Он «взял Даниила из Каменца, и Александра из Владимира, и Всеялода из Белза, каждого из них со своим войском. Войско Даниила было больше и сильнее, потому что с ним были все великие бояре его отца. Видя это, Лесько возымел большую любовь к князю Даниилу и его брату Васильку». Обороной Галича в то время руководили бояре — братья Явольд и Ярополк. Владислав Кормиличич пришел во главе отрядов, состоявших из венгров и чехов, на помошь галичанам, став на реке Боброке. Узнав об этом, Лешек Белый послал против них своих поляков и вместе с ними — дружины Даниила Романовича под командованием Мирослава и Демьяна и Мстислава Ярославича во главе с Глебом Зеремеевичем и Юрием Прокопьевичем. «Была большая битва, и одолели ляхи и русские. Даниил тогда был еще ребенком, но уже мог ездить на коне. Владислав бежал, а многие из его воинов были убиты. Лесько не мог взять Галич, а пошел воевать около Теребовля, Моклекова и Збаражка. Быковец был взят ляхами и русскими. Они захватили много пленных и возвратились в Ляшскую землю. Потом Даниил и Василько, благодаря помощи Леська, взяли Тихомль и Перемиль у Александра и стали княжить там со своей матерью...»

Все это происходило во время отсутствия в юго-западной Руси Андраша II, который явно был недоволен действиями Лешка Белого. Осенью 1214 г. «король пошел на Леська, в то время как Даниил был у Леська. Лесько послал послы своего, воеводу Пакослава Лесотича, с речью: «Не подобает боярину княжить в Галиче: возьми дочь мою за сына своего Коломана и посади в Галиче». Понравился королю Андрею совет Пакослава, он встретился с Леськом в Зпиши и взял дочь его (Саломею) за своего сына. Король послал захватить Владислава в Галиче и заточил его; и тот в заточенье

умер». Андраш II посадил на галичский стол своего сына Калмана (1214—1219), Лешку Белому он отдал Перемышль, а Пакославу Лесотичу — Любачев. Последний, будучи сторонником Анны (Марии) и ее детей, посоветовал Лешку потребовать от Александра Всеволодовича отдать Даниилу и Васильку Романовичам Владимир-Волынский. Александр отказался это сделать, и, судя по всему, между ним и Лешком произошел военный конфликт, о котором летописец умалчивает. Сперва в летописи сообщается об отказе Александра уйти из Владимира-Волынского, а затем идет фраза: «Лесько же посадил Романовичей во Владимире».

Княжение Калмана в Галиче и Мстислав Удатный

Галицко-Волынская летопись ничего не сообщает о событиях первых трех лет правления принца Калмана в Галиче. Между тем в 1215 г. княживший в Новгороде Мстислав Мстиславич Удатный (1208/9—1215, 1216—1218) отправился в Киев, чтобы оттуда попросить себе у Андраша II Галич. Неудача этого предприятия способствовала возвращению Мстислава на новгородский стол.⁴ Венгерский король, в 1188—1190 гг. занимавший галичский стол, на этот раз решил придать власти своего сына над Галичем другую форму легитимности: вместо заключения «наряда» с жителями города он испросил у папы Иннокентия III (1198—1216) разрешение на коронацию Калмана в качестве «короля Галиции», что было осуществлено в 1215 г. эстергомским архиепископом Яношем. При этом местная епархия была насильственно связана унией с Римской католической церковью.

О новом ухудшении отношений между Андрашем II и Лешком Белым летописец сообщает в статье под 6720 г. Описываемые в ней события исследователи датируют 1218 г. «Король отнял Перемышль и Любачев у Леська. Лесько, опечаленный таким позором своим, послал в Новгород за Мстиславом и сказал: „Ты мне брат. Приди и сядь в Галиче“.

Мстислав пошел на Галич по совету Лестька. Все галичане и Судислав послали за Даниилом. Даниил не успел приехать, как Бенедикт Лысый с Судиславом убежали к уграм, а Мстислав сел в Галиче». Так новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный стал галичским князем (1219—1227). Для закрепления своей власти в Галиче Мстислав выдал свою dochь Анну за Даниила Романовича, которому в 1219 г. было уже 18 лет, и с этого времени Мстислав Удатный стал главным действующим лицом в борьбе за юго-западную Русь, которая была еще далека от своего завершения. В той же статье Галицко-Волынской летописи под 6721 г., после перечисления сыновей Даниила Романовича, рожденных Анной Мстиславной, содержится рассказ о том, как Даниил начал войну с Лешком Белым, стремясь вернуть все города, издревле входившие в состав Владимира-Волынского княжества. «Через какое-то время приехал Даниил к Мстиславу в Галич, жалуясь на Лестька: „Он мою вотчину держит“». Тот же сказал: „Сын, ради прежней любви не могу пойти против него, поищи себе других“. Даниил возвратился домой, поехал вместе с братом и захватил Берестье, Угровск, Верещин, Столп, Комов и все окраины». Этот рассказ ясно показывает, что, во-первых, Мстислав не претендовал на роль объединителя Галицко-Волынской Руси, довольствуясь галическим столом, а во-вторых, он не хотел нарушать союз с краковским князем, поскольку тот не только пригласил Мстислава на княжение в Галич, но и был врагом Андрея II, сына которого Мстислав лишил галического княжения. Таким образом, к началу 1220 г. обозначились две коалиции, боровшиеся за земли в юго-западной Руси. В одну из них входили Андрей II и Даниил Романович, в другую — Лешек Белый и Мстислав Удатный. При этом Мстислав и Даниил личными врагами не были.

Следующие (после цитированных) известия летописной статьи под 6721 г. исследователи датируют 1220 г. «Лестеко сильно разгневался на Даниила. Когда наступила весна, ляхи пошли воевать и вели войну по Бугу. Даниил послал на них Гаврила Душиловича, Семена Олуевича, Василия Гавrilovi-

ча, воевали они до Сухой Дорогвы, отбили своих пленников и возвратились во Владимир с великой славою. Тогда был убит Клим Христинич, единственный из всех его воинов; его крест и доныне стоит на Сухой Дорогве. Они перебили много ляхов и гнались за ними до реки Вепря». Поражение, понесенное Лешком от воеводы Даниила, побудило краковского князя пересмотреть свое отношение к представителям противной стороны. Ему показалось, что Даниил захватил Берестье по совету Мстислава, и послал Лесько сказать королю: «Не хочу я части в Галиче, отдай его зятю моему». Последующие события исследователи датируют летом 1220 г. Андраш II направил на помощь Лешку Белому войско, которое пришло к Перемышлю. Отвечавший за оборону города тысяцкий Ярун бежал. Судя по всему, Перемышль сдался «интервентам» и должен был вернуться в состав владений Даниила, хотя летописец прямо об этом не сообщает, переходя после известия о Яруне к описанию действий коалиции, собранной Мстиславом Удатным.

«Мстислав тогда соединился со всеми князьями русскими и черниговскими. Он послал Дмитра, Мирослава, Михалка Глебовича навстречу им к Городку. Городок отделился: в нем были люди Судислава. Когда Дмитр бился под городом, пришли против него угры и ляхи, и побежал Дмитр. Тогда же дьяк Васил, по прозвищу Молза, был застрелен под городской стеной. Михаила Скулу убили, нагнав на Ширеце, и отсекли ему голову, сняли три золотые цепи и принесли его голову к Коломану». Как видно из цитированного отрывка, в созданную Мстиславом коалицию вошли князья, владения которых располагались в «Русской земле в узком значении» (Киевщина, Черниговщина и Переяславщина). Городок же находился на окраинах Галицкой земли, в той ее части, которая тянула к Перемышлю. Летопись косвенно свидетельствует о том, что венгерское войско возглавлял принц Калман, что показывает истинную цель похода венгров на Галич — восстановление Калмана на галичском «престоле». Воевода Дмитр прибежал к Мстиславу Удатному, но тот «не мог биться с уграми и просил зятя своего Даниила и Александра, что-

бы они затворились в Галиче. Даниил и Александр обещали ему уйти в Галич. Даниил затворился в Галиче, а Александр не посмел. В то время великая княгиня Романова приняла монашеский постриг».

Судя по всему, дальнейшие события происходили уже осенью 1220 г., причем в тот год холода (по крайней мере, первое их вторжение) наступили рано, не позднее начала октября. Такой вывод можно сделать из летописного рассказа, начинающегося после известия об уходе в монастырь княгини Анны (Марии), о попытках венгров и поляков во главе с принцем Калманом взять штурмом Галич. «Потом пришла рать под город — Коломан и ляхи. Большой бой был на Кровавом броду, — выпал снег, и они не смогли устоять, и ушли за Рогожину, пошли на Мстислава и выгнали его из земли Галицкой». Мстислав Удатный явно опасался восстановления Даниилом Галицко-Волынского княжества, что означало для Мстислава потерю с таким трудом доставшегося ему галичского стола, поэтому он потребовал от зятя уйти из Галича. «Даниил ушел вместе с тысяцким Дмитром, Глебом Зеремеевичем и Мирославом. Они ушли из города, а когда были против Толмача, их догнал изменник Володислав Витович. Они напали на него, и прогнали, и отняли у него коня. Даниил был молод, и поэтому, видя, что идут в поход Глеб Зеремеевич и Семьюн Кодинский, присоединился к ним, умножив их силу. А другие устремились в бегство». Далее летописец повествует о столкновениях Даниила Романовича с отдельными отрядами его врагов, о его уходе в степь и страданиях его дружины от голода. В канун Дмитриева дня (26 октября) они захватили возы с продовольствием, затем им встретились ладьи из Олешья, в которых везли рыбу и вино.

Хотя в Галицко-Волынской летописи нет конкретного известия о том, кто покинул Галич после ухода из него Даниила Романовича осенью 1220 г., судя по всему, это был принц Калман. После пребывания в низовьях Днестра «Даниил приехал к Мстиславу. Мстислав же великую честь воздал Даниилу, и дары ему преподнес богатые, подарил своего резвого сивого коня, и сказал ему: „Иди, князь, во Владимир,

а я пойду к половцам, — отомстим за свой позор“. И Даниил уехал во Владимир». Как видно из приведенного отрывка, Владимиро-Волынская земля не была в то время затронута междоусобицей. Под 6723 г. в Галицко-Волынской летописи помещен рассказ о приходе к Даниилу, Васильку и их матери литовских князей, заключивших прочный мир со своими русскими соседями. Исследователи датируют это событие 1219—1220 гг. Завершается рассматриваемая статья следующей фразой: «Но ляхи не переставали вредить — и Даниил навел на них литву, те повоевали ляхов и многих среди них перебили».

Много внимания в Галицко-Волынской летописи уделено венгерскому бану Фильнию, названному летописцем «Филем». Русский книжник, явно с дидактическими целями, рисует крайне непривлекательный образ «хвастливого воина», наказанного за свою гордыню. Вот как начинается летописная статья под 6725 г., где, по мнению исследователей, описываются события зимы 1220 г.: «Вышел Филя, когда-то надменный, со многими уграми — надеялся он охватить землю, осушить море. Когда сказал он: „Один камень много горшков разбивает“, — то и другое слово произнес он надменно: „Острый меч, борзый конь — много захватим русских!“ Бог же этого не потерпел, и в свое время убит был Даниилом Романовичем когда-то надменный Филя». После этого летописец повествует о конкретных событиях названного времени: «Александр же отступил от Даниила и Василька и присоединился к Леську, и не было им помочи ни от кого, кроме как от Бога, пока не пришел Мстислав с половцами. И тогда вышел из Галича Филя со многими уграми и ляхами, взял с собой галицких бояр, Судислава, тестя своего, и Лазаря и других, а другие покинули его, потому что он возгордился». О дальнейших событиях, произшедших в этом году, летописец умалчивает, заканчивая рассматриваемую статью.

Новый виток междоусобной войны в юго-западной Руси исследователи датируют 1221 г. Он начался с прихода к находившемуся на польско-волынской границе городку Щекареву Лешка Белого, который хотел помешать Даниилу оказать по-

мощь тестю Мстиславу Удалому. Вслед за Лешком в юго-западной Руси появляется его брат Конрад Мазовецкий. Узнав о коварстве Лешка, Конрад запрещает Даниилу ехать на переговоры с Лешком. «Филя же готовился к бою, полагая, что никто не может вступить против него на бой. Он оставил Коломана в Галиче и создал крепость из церкви пречистой владычицы нашей Богородицы, которая не потерпела осквернения своего храма и отдала город Мстиславу. Был тут с Коломаном Иван Лекин, а также Дмитр и Бот. Когда приехали половцы смотреть бой, угры и ляхи погнались за ними. Один половчанин изловчился и поразил Уза стрелой в глаз; тот упал с коня, тело его взяли и оплакали его. Назавтра, в канун святой Богородицы, пришел Мстислав рано утром на гордого Филю и на угров и ляхов, и была жестокая битва меж ними, и победил Мстислав. Когда угры и ляхи бежали, перебито было множество из них, и захвачен был величавый Филя дружинником Добрыни...» После этого летописец повествует о штурме войском Мстислава Удатного Галича, во время которого «все ляхи и угры были перебиты, а некоторые взяты в плен, а другие, убегая, утонули или же были убиты смердами, но никто из них не спасся, — такова была милость Божия Русской земле».

Возвращение Мстиславом Мстиславичем Галича заставило Лешка Белого пойти в 1222 г. на замирение с Даниилом и Васильком Романовичами,⁵ отказавшись от союза с Александром Всеволодовичем, но не привело к миру в юго-западной Руси. Заключив соглашение с Лешком, Даниил и Василько решили отомстить за «пакости» Александру, пойдя с войском в его волость. Братья «разорили окрестности Белза и Червеня, и вся страна была разорена, боярин боярина грабил, смерд смерда, горожанин горожанина, так что не осталось ни одной деревни неразграбленной». Лишь вмешательство Мстислава Удатного, сказавшего зятю: «Пожалей брата Александра», — остановило разорение Белзского княжества. Утоливший жажду мести Даниил вернулся во Владимир-Волынский, а венгры смогли вернуть себе Галич лишь после отказа от него Мстислава Удатного (1227). Все это время Мстислав

Мстиславич Удатный в целом сохранял политическую стабильность в своей волости, но проявлял непостоянство в своей внешнеполитической деятельности, вызванное его стремлением не допустить объединения Галича и Волыни под властью Даниила и Василька Романовичей.

Княжение Мстислава Удатного в Галиче (1221—1227)

Н. Ф. Котляр обращает внимание на то, что с первой фразы статьи под 6733 г. летописец создает у читателя ощущение постоянных опасений Мстислава Мстиславича по поводу того, что Романовичи отнимут у него галичский стол.⁶ Этими страхами умело воспользовался белзский князь Александр Всеволодович. Предыдущая летописная статья повествует о битве на реке Калке (1223) и смерти Чингисхана в ходе войны с тангутами (1227). Поскольку известия, связанные с основателем Монгольской империи, явно выбиваются из хронологической канвы повествования рассматриваемой летописи, исследователи уверенно датируют события, помещенные в ней под 6733 г., 1224 г. Вот как описан этот конфликт: «Александр все время питал вражду к своим братьям Романовичам, Даниилу и Васильку. Услышав, что Мстислав не любит зятя своего, князя Даниила, обрадовался он и стал подстрекать Мстислава к войне. Мстислав отправился воевать и пришел на Лысую гору. Даниил же приехал в Ляшскую землю, призвав на помощь князя Леська, и пошел на встречу Мстиславу. Когда Александр послал помочь Мстиславу, Даниил перехватил их, и войско его загнало их в Белз, и едва не взяли города. На другой день утром пошел Даниил против Мстислава. Мстислав не выдержал и вернулся в Галич». Далее летописец сообщает о богатой добыче, захваченной Романовичами в союзе с поляками во владениях Мстислава Удатного.

При описании последующих событий, произшедших в юго-западной Руси в 1224 г., летописец стремится показать

благородство Даниила Романовича на фоне подлостей, творимых его противниками. «После этого Мстислав привел Котяна и многих половцев и Владимира Киевского, притворяясь, что идет против ляхов по совету Александра. Александр же всегда замышлял на брата своего, говоря Мстиславу так: „Зять твой убить тебя хочет“. Когда разбирательство состоялось возле его шатра, сам Александр не посмел приехать и послал Яня своего. Мстислав сказал: „Твоих рук это дело, Янь, что Даниил второй раз напускает на меня ляхов“. И все князья поняли, что Александр клевещет, а Янь лжет, и сказали все князья Даниилу: „Возьми всю волость его за свой по-зор“ А он, любя брата своего, не взял волости его, и все его за это похвалили. Мстислав принял зятя с любовью, почтил его великими дарами... Он свиделся с братьями в Переяславле, где они утвердили мир». Привлечение половцев во главе с Котяном и киевского князя Владимира Рюриковича (1223—1235) знаменовало собой выход конфликта между князьями юго-западной Руси на новый уровень. Если раньше в него вмешивались только западные соседи Руси, то теперь к нему присоединились правитель находившегося на востоке Киева и кочевавших южнее половцев. С учетом того, что владения Даниила Романовича находились к северу от Галицкой земли, можно констатировать, что Мстислав Удатный и Александр Белзский втянули в междуусобную войну своих соседей со всех сторон света.

Начиная со статьи под 6732 г., хронология Галицко-Волынской летописи приблизительно соответствует ультрамартовскому стилю. Почти полное отсутствие точных дат позволяет также предположить, что летописец мог использовать при этом и сентябрьский стиль. Так или иначе, но под 6734 г. в рассматриваемом источнике описаны события, датируемые исследователями 1225 г. Сперва рассказывается о том, как боярин Жирослав оклеветал Мстислава Удатного и пугал галичан тем, что князь якобы хочет отдать их на «убиение» половцам Котяна. Затем автор повествует о новых действиях Мстислава, который стремился не допустить объединения Галицкой и Волынской земель под властью Дани-

ила и Василька. «Мстислав, по совету лукавых бояр галицких, отдал свою младшую дочь за королевича Андрея и дал ему Перемышль. Андрей же, послушав лукавого Семьюнка Чермного, бежал в Угорскую землю и начал собирать войско. Когда наступила зима, пришел он к Перемышлю; тысяцким тогда был Юрий, он сдал Перемышль, а сам бежал к Мстиславу. Король остановился в Звенигороде и послал своих воинов к Галичу, а сам не посмел поехать к Галичу: предсказали ему волхвы угорские, что, если он увидит Галич, не быть ему в живых. Из-за этого он не смел идти к Галичу, потому что верил волхвам. Днестр наполнился, и нельзя было его перейти».

Как видно из цитированного отрывка, поход венгерского войска на Галич зимой 1225/6 г. возглавил лично Андраш II, поэтому выражение летописца о том, что принц Андраш начал *собирать* в Венгрии войско для похода в юго-западную Русь, не совсем точно, поскольку предполагает набор добровольцев или наемников. В условиях существования в Венгрии комитатской системы король и его ближайшие советники без специальных наборов определяли размер войска, посылаемого ими в поход. Судя по всему, Андраш II рассчитывал завоевать Галицкую землю небольшой по численности армией. Вот как описывает этот конфликт летописец: «Мстислав выехал против них с полками. Посмотрели они друг на друга, и угры уехали в свои станицы. С королем был Пакослав с ляхами. Оттуда пошел король к Теребовлю, и взял Теребовль, и пошел к Тихомлю, и взял Тихомль, оттуда пошел к Кремянцу, и бился под Кремянцем, и много угров было убито и ранено. Тогда же Мстислав послал Судислава к своему зятю, князю Даниилу, говоря: „Не отступай от меня!“ Тот же сказал: „Имею правду в сердце своем!“ Оттуда пришел король к Звенигороду. Выехал и Мстислав из Галича. Угры же выехали против него из королевских станов. Мстислав бился с ними, и победил их, и преследовал их до королевских станов, избивая их. Мартиниша тогда же убили, воеводу королевского. Король пришел в смятение и ушел без промедления из этой земли.

Непоследовательная политика Мстислава Удатного явно не нравилась его зятю Даниилу, который требовал от тестя определиться: кто ему друг, а кто враг. «Даниил пришел к Мстиславу с братом Васильком в Городок, и Глеб вместе с ними. И сказали они: „Пойди, князь, на короля: по Лохти ходит“. Судислав же мешал ему. У него был обман на сердце, он не хотел гибели короля, возлагая на него великие надежды. Король был обессилен. Лесько шел ему на помощь. Хотя Даниил мешал ему помогать королю, Лесько еще сильнее стремился ему помочь. Даниил и Василько послали своих людей к Бугу и не дали ему прийти. Он же, вернувшись оттуда, пошел в свою землю: обессилен он, ходив на войну. И король угорский ушел в Угорскую землю. Тогда его догнали Изяслав и лживый Жирослав и пошли с ним в Угорскую землю». Бесславный конец военной кампании 1226 г. для венгров побудил Мстислава Мстиславича объявить своим наследником на галичском столе Даниила, но этому противилось местное боярство. По свидетельству летописца, «Судислав, обманывая Мстислава, сказал ему: „Князь, отдай свою обрученную doch за королевича и дай ему Галич. Ты сам не можешь в нем княжить, бояре тебя не хотят“». Мстислав не хотел отдавать Галич королевичу, он больше всего хотел отдать его Даниилу. Но Глеб Зеремеевич и Судислав не позволяли ему отдать Галич Даниилу, говоря ему: „Если отдашь королевичу, то, когда захочешь, сможешь взять у него. Если отдашь Даниилу, не будет вовек твоим Галич“». Галичане хотели Даниила, и оттуда послали для переговоров Мстислав отдал Галич королевичу Андрею, а себе взял Понизье. Оттуда он пошел к Торческому».

Новое правление венгров в Галиче

Волей Мстислава Удатного в 1227 г. галичским князем стал венгерский принц Андраш. Обращает на себя внимание тот факт, что вместо имевшего титул галицкого короля принца Калмана в Галиче всеняжился его младший брат Андраш,

которому в то время было примерно 17 лет. Тогда же Мстислав Ярославич Немой, владевший значительной частью Волынской земли (Луцком, Пересопницей и Чарторыйском), передал свою волость Даниилу Романовичу, поручив ему заботу о своем тяжело больном сыне Иване. Иван Мстиславич вскоре умер, и наследие его отца захватили Ярослав Ингваревич (Луцк) и не названный по имени пинский князь (Чарторыйск). Даниилу пришлось отвоевывать эти города у захватчиков, а результатом его борьбы стало восстановление власти Романовичей над всей территорией Волынской Руси. Исследователи датируют эти события уже 1228 г. По свидетельству летописца, Даниил отдал брату Васильку, сидевшему в Берестье, Луцк и Пересопницу. Тогда же окрестности Берестья подверглись нападению литовского племени ятвягов, что заставило Даниила и Василька сражаться с ними. Самым трудным для Романовичей оказалось отвоевание Чарторыйска. В Галицко-Волынской летописи этому посвящен специальный рассказ в конце статьи под 6735 г.

«Даниил послал Демьяна к тестю своему сказать: „Не подобает пинянам держать Чарторыйск, я не могу этого терпеть“. Когда Демьян сообщил это Мстиславу, то Мстислав ответил: „Сын, согрешил я, что не дал тебе Галич, а отдал иноплеменнику по совету лживого Судислава; обманул он меня. Но если Бог захочет, пойдем на него. Я приведу половцев, а ты — со своими. Если Бог даст его нам, ты возьми Галич, а я — Понизье, а Бог тебе поможет. А о Чарторыйске — ты прав“». Демьян вернулся в Великую субботу. А на другой день, на Пасху,⁷ приехали Даниил и Василько к Чарторыйску, в ночь на понедельник обложили город. Тогда же конь Даниила был застрелен с городской стены. На другой день окружили Мирослав и Демьян город. И сказали они князьям: „Предал Бог врагов наших в ваши руки“. Даниил велел начать приступ, и они взяли город и князя их захватили в плен». Как видно из последующего изложения Галицко-Волынской летописи, в Чарторыйске сидел один из сыновей пинского князя Ростислава Святополчича. Вторая половина 1228—начало 1229 г. стали временем крайнего ожесточения

междоусобной войны в юго-западной Руси. Миротворческая миссия митрополита Кирилла I (1224/26—1233), специально приезжавшего на театр боевых действий, закончилась безрезультатно. Вскоре после захвата Черторыйска умер Мстислав Удатный (1228).

Ростислав Пинский, дети которого находились в плену у Романовичей, убедил киевского князя Владимира Рюриковича собрать внушительную коалицию против Даниила и Василька, в которую вошли черниговский князь Михаил Всеволодович (1223—1239, с перерывами), половцы Котяна, а также «куряне, пиняне, новгородцы, туровцы». Это войско во главе с Владимиром вторглось в пределы Владимира-Волынского княжества и осадило Каменец. Даниилу удалось добиться быстрого ухода половцев, которые, разорив Галицкую землю, вернулись в степь. При этом принц Андраш оставался в Галиче, считаясь союзником Владимира и Михаила. Ничего не добившись у Каменца, противники Романовичей вернулись в свои владения. После этого «Даниил и Василько собрали ляхов много и пошли к Киеву, с воеводой Пакославом, и Александр с ними. Они встретили послов от Владимира и Михаила: Воротислава Петровича и Юрия Толигневича, хотя их заключить мир. Мир был заключен, и ляхи вернулись обратно». Как видно из цитированного отрывка, Александр Белзский в то время являлся союзником Романовичей. Не совсем ясно, откуда пришло на помощь Даниилу большое польское войско, поскольку Польша в то время также была охвачена борьбой между представителями различных ветвей Пястов.

После описания войны Романовичей с мощной враждебной коалицией в Галицко-Волынской летописи начинается статья под 6737 г., где очень подробно описана борьба за наследие краковского князя Лешка Белого, убитого 24 ноября 1227 г. во время встречи на сейме с поморским князем Святополком и великопольским Владиславом Оттоновичем. Смерть Лешка вызвала борьбу за Краков между познаньским и гнезненским князем Владиславом III Тонконогим (1228), силезским Генрихом I Бородатым (1228—1229) и Конрадом Ма-

зовецким (1229—1232).⁸ Романовичи приняли участие в этих событиях на стороне Конрада. В 1228 г., когда в Krakове сидел Владислав, Даниил и Василько направились в Польшу, оставив Владимира Пинского в пограничной волынской крепости Берестье. Союзные Романовичам ятвяги пришли к Берестью, где были перебиты по приказу Владимира, заявившего им, что лично с ним они мир не заключали. Летописец подробно описывает осаду Конрадом и его союзниками Кашиша на реке Вепре, закончившуюся его сдачей. Русские дружины вернулись на родину с большим полоном. Летописец подчеркивает, что так далеко в Польскую землю до Даниила ходил лишь креститель Руси Владимир Святославич, явно имея в виду поход 992 или 993 г. на хорватов.

В конце зимы или начале весны 1230 г. галичане известили Даниила о том, что фактический правитель города боярин Судислав ушел в Понизье, оставил оборону города на принца Андраша. Даниил на третий день по получении этого известия был у стен Галича, жители которого закрыли перед ними ворота. Воины Даниила захватили загородный двор Судислава и, разграбив его, перепились, поэтому князю пришлось отложить начало штурма Галича. Этому мешали также ледоход на Днестре и то, что галичане и венгры после перестрелки с войском Даниила подожгли мост через реку. Тогда же к нему пришли его сторонники из числа галицкого боярства и дружины Владимира Ингваревича. Окружив Галич плотным кольцом осады, Даниил Романович вынудил жителей к сдаче города. Не желая обострять отношения с венгерским королем, Даниил отпустил на родину его сына Андраша с его верным советником Судиславом. Последний, настойчиво внушая Андрашу II мысль о том, что не в интересах Венгрии создание на ее границах сильного Галицко-Волынского княжества, добился отправки королем в юго-западную Русь большого войска во главе с наследником венгерского престола принцем Белой.⁹ Рассказ летописца о походе Белы 1230 г.¹⁰ на Галич пропитан дидактическими чертами: Господь наказал надменного принца, приказав архангелу Михаилу отворить «хляби небесные» и т. п.

На помощь венгерскому войску пришли половцы во главе с Беговарсом, а Даниила поддержали поляки и половцы Котяна. Бела потребовал от галичан сдачи, но они не испугались, а на венгров Бог, по свидетельству летописца, наслал «казни фараоновы». Вынужденный уйти из-под стен Галича принц отправился к Василеву, затем перешел Днестр и оттуда к Пруту. Его войско таяло от болезней, вызванных промозглой весенней погодой, и вынуждено было бесславно вернуться на родину. Так Даниил вновь вернул себе Галич. Недовольные этим представители местного боярства составили против него заговор, к которому примкнул давний соперник Романовичей — белзский князь Александр Всеволодович. Он вместе с боярином Филиппом попытался организовать убийство Даниила на пиру в Вишне, о чем Даниилу поведал его сторонник — галичский тысяцкий Демьян через своего посла Константина. Не доехав до Вишни, Даниил вернулся в Галич и послал брата Василька в поход на Белз. Узнав об этом, Александр бежал в Переяславль. Бояре-изменники были схвачены сторонниками Романовичей, но Даниил всех их помиловал.

В 1231 г. он, созвав вече, набрал войско и отправился в поход на Александра Всеволодовича, бежавшего из Переяславля в Венгрию, где он присоединился к Судиславу. Галицко-Волынская летопись приводит под 6739 г. подробный рассказ о новом вмешательстве венгерского короля в междоусобия в юго-западной Руси. «Судислав принял за дело, пришел к королю Андрею и призвал короля угорского Андрея в поход. И пришел король Андрей с сыном своим Белой и с другим сыном Андреем к городу Ярославу. Боярин Давыд Вышатич и Василий Гавrilovich, люди князя Даниила, затворились в Ярославе; угры бились до самого захода солнца и были отбиты от города. Вечером собрали совет. Давыд переполошился: его теща, супруга кормильца Нездилла, была сторонницей Судислава, который ее матерью называл. И сказал Давыд Вышатич: „Ты не можешь удержать этот город“. Василий же ответил ему: „Не погубим чести своего князя — не сможет войско захватить этот город“.

Он был муж сильный и храбрый. Но Давыд не слушал его и все-таки хотел отдать город. Чак, приехавший из угорских полков, сказал ему: „Они не могут уже вас захватить, потому что сильно побиты“. Василий крепко стоял за то, чтобы не сдавать город. Потом ужас охватил его сердце, хотя сам был невредим, и он вышел со всеми воинами. И король занял Ярослав и пошел к Галичу. Климята из Голых гор перебежал от Даниила к королю, а за ним перебежали все галицкие бояре».

Как видно из приведенной цитаты, в своей ненависти к Романовичам знать Галича и тянувших к нему земель также противилась восстановлению Галицко-Волынского княжества, как Мстислав Мстиславич Удатный. При этом ее ориентация на Венгрию стала более очевидной, чем в первые десятилетия после смерти Романа Мстиславича. Летописец далее свидетельствует о том, что, получив Галич, Андраш II направился к Владимиру-Волынскому и был изумлен необычайной красотой этого города. Никого из Романовичей в то время не было в столице Волынской Руси. «Мирослав был тогда в городе; когда-то он был храбр, но теперь, Бог знает почему, вдруг пришел в смятение и заключил мир с королем без согласия Даниила и брата его Василька. По договору Мирослав отдавал Белз и Червен Александру, а король сына своего Андрея посадил в Галиче, с согласия коварных галицких бояр». Когда же Романовичи возвратились во Владимир-Волынский, «Мирослав отрекался: „Не отдавал я Червена по договору“. И было ему большое порицание от обоих братьев: „Зачем ты заключил мир, имея большое войско?“ Когда король стоял во Владимире, Даниил захватил много пленных, воюя около Бужска. А король вернулся к себе в Угорскую землю».

Вскоре после этого Даниилу Романовичу пришлось выполнять миротворческую функцию в конфликте киевского князя Владимира Рюриковича и черниговского Михаила Все-володовича. «В это время королевич Андрей двинул рать на Даниила и пришел к Белобережью. Володислав ехал со стражевым отрядом от Даниила из Киева и встретил рать в Бе-

лобережье, бились около реки Случи и гнали угров до реки Деревное из леса Чертова. Пришла весть в Киев Владимиру и Даниилу от Володислава. И сказал Даниил князю Владимиру: „Брат, я знаю, что они идут на нас обоих. Пусти меня, я зайду к ним в тыл“. Те же, узнав об этом, вернулись в Галич. Даниил, соединившись с братом, догнал королевича у Шумска и переговаривался с ним около реки Вельи. С королевичем были Александр, Глеб Зеремеевич, другие князья Болоховские и угров множество. Даниил виделся с королевичем у реки Вельи и сказал ему некое хвастливое слово, которого Бог не любит. Назавтра Даниил перешел реку Велью у Шумска и, поклонившись Богу и святому Симеону, исполнил полки и пошел к Торчеву. Узнав об этом, королевич Андрей исполнил свои полки и вышел против него, то есть на битву. Так как королевич шел по равнине, то Даниилу и Васильку нужно было съехать с высоких гор; некоторые советовали остаться на горах и охранять спуски».

Далее летописец сообщает некоторые подробности сражения между венграми и Романовичами, развернувшегося после того, как часть противников Андраша спустилась с гор на равнину. В начале битвы столкнулись полки Демьяна и Судислава, поскольку угры уклонились от нападения на дружины Даниила и Василька. Однако расчет на обращение в бегство Демьяна не оправдался, поскольку Романовичи активно действовали как в тылу венгров, так и на поле боя. На следующем этапе битвы Романовичи, соединившись с отрядами воеводы Мирослава, обратили в бегство войско принца Андраша.

В Галицко-Волынской летописи рассказ об этом сражении разделен на две части, отнесенные к разным годам. К 6740 г. летописец отнес следующие события. Глеб Зеремеевич безуспешно пытался собрать бежавших угров и повести их против Даниила. Лошадь Даниила была ранена отроками, охранявшими венгерских боевых коней. Василько преследовал часть вражеского войска до стана принца Андраша, после чего венгры бежали в Галич. Однако нежелание всех отрядов Даниила и Василька спуститься с гор на равнину

привело в конечном счете к поражению Романовичей, хотя венгры не отважились их преследовать. Летописец трактует это как Божье наказание за грехи Даниила.

Несмотря на то что летописец подчеркивает, что венгры понесли в этой войне большие потери, а Даниил, наоборот, сохранил свое войско почти в том же численном составе, главной своей задачи Романовичи не решили: Галич остался в руках Андраша, где вокруг него собирались выстоявшие в битвах и бежавшие с поля боя венгерские воины. В Галицко-Волынской летописи имеется хронологический ориентир: «Бой был Торцевский в Субботу великую». У исследователей нет единого мнения относительно того, к какому году относится эта датировка, 1232 или 1233 г.¹¹ По мнению Н. Ф. Котляра, это произошло в 1233 г. (когда Великая суббота приходилась на 2 апреля), но автор этих строк присоединяется к сторонникам более ранней датировки. В 1232 г. Великая суббота праздновалась 10 апреля. Неспособность венгров гарантировать сохранение Белзского княжества за Александром Всеволодовичем побудила его вновь вступить в союз с Романовичами. После датированного известия о Торцевской битве летопись сообщает: «Потом прислал Александр к братьям Даниилу и Васильку с речью: „Нехорошо мне быть без вас“». Они же приняли его с любовью. Когда выросла трава, Даниил вместе с братом и Александром пошел к Плесненску, и, прия, захватил Плесненск у Арбузовичей, и взял много пленных, и вернулся во Владимир». Плесненск находился у истоков Западного Буга, на Галицкой земле, близ границы с Волынью.

Под 6741 г. Галицко-Волынская летопись излагает события нового конфликта между венграми и Романовичами, датируемого исследователями 1233 г., что соответствует мартовскому стилю. «Королевич и Судислав привели на Даниила Дьяниша (венг. Денеш. — М. Ю.). Даниил съездил в Киев и привел половцев и Изяслава против них; Даниил с Изяславом и Владимиром присягнули друг другу. Пришли они против Дьяниша. Изяслав нарушил договор, велел грабить землю Даниила; он захватил Тихомль и вернулся к се-

бе, а Владимир с Даниилом и Котян остались одни». После этого летописец приводит цитату из Гомера о «злом обмане», после чего возвращается к описанию боевых действий: «Оттуда пошли к Перемилю. Королевич Андрей, Дьяниш и угры бились с Владимиром и Даниилом за мост, но те от них отбились. Угры воротились в Галич, побросав пороки. Владимир и Даниил пошли за ними. Василько и Александр пришли к брату. И встретились они в Бужске. Владимир, Котян и Александр вернулись к себе». Как видно из этого рассказа, большой ошибкой Даниила Романовича было приглашение к союзу новгород-северского князя Изяслава Владимировича, который воспользовался этим для отмщения Романовичам за казнь своего отца Владимира Игоревича галичскими боярами в 1211 г.

К концу 1233 г., скорее всего, не прекращавшаяся междуусобица и неспособность венгерского короля остановить борьбу Романовичей за Галич способствовали переходу на его сторону одного из лидеров местного боярства Глеба Зеремеевича. Даниил и Василько поспешили воспользоваться этим и пошли с войском к Галичу. По мнению летописца, «встретила их лучшая половина Галича: Доброслав, Глеб и другие бояре, и, придя, Даниил встал на берегу Днестра. И принял он землю Галицкую, и роздал города боярам и воеводам. Было у них много корма. А королевич, Дьяниш и Судислав изнемогали от голода в городе. Стояли девять недель, продолжая осаду, ожидая льда, чтобы перейти реку. Судислав же обманом послал к Александру сказать: „Отдам тебе Галич, уди от брата“. Тот ушел прочь. Галичане решили захватить галичан, выехавших к Даниилу. Прошло немного времени, и королевич умер. Галичане послали за Даниилом Семьюнка Рыжего, а Судислав ушел в Угорскую землю». Исследователи датируют эти события концом 1233—началом 1234 г. Смерть принца Андраша и бегство Судислава означали поражение венгерской «партии» в Галиче. Более Арпадам не удалось завладеть Галичем в домонгольское время. Киевский князь Владимир Рюрикович признал за Даниилом право владения Галичем и заключил с ним союз.

Накануне прихода Батыя

Галич вернулся под власть Даниила Романовича, но опять не-надолго. Вскоре князь оказался втянутым в противостояние между Владимиром Рюриковичем и представителями клана Ольговичей — черниговским князем Михаилом Всеялодовичем и новгород-северским Изяславом Владимировичем. Летописец неоднократно подчеркивает, что войско Даниила было измотано в сражениях с противниками Владимира Рюриковича и помогавшими им половцами. Василько Романович не мог оказать эффективной помощи брату, поскольку был послан на защиту Владимира-Волынского от войск вражеской коалиции. Тяжелой для Романовичей ситуацией воспользовалось галичское боярство, поднявшее в 1235 г. мятеж и заставившее Даниила бежать в Венгрию, а в Галиче вокняжился сын черниговского князя Ростислав Михайлович (1235—1238). В Венгерском королевстве как раз в это время произошла смена власти. 21 сентября 1235 г. умер Андраш II, а 14 октября того же года был коронован его старший сын и преемник Бела IV (1235—1270). Даниилу Романовичу выпала особая честь привести новому королю белого коня, на котором тот покинул место коронации.

Начало правления нового венгерского короля ознаменовалось борьбой с некоторыми представителями высшей знати, считавшими Белу IV «первым среди равных», а также участием в междуусобиях, происходивших в немецких землях. Понимая, что у короля нет возможности оказать ему необходимую военную помощь, Даниил зимой 1235/6 г. возвращается к брату Васильку во Владимир-Волынский, приведя с собой из Польши незначительное войско, с которым он не смог даже дойти до стен Галича. Летом 1236 г. в непрекращавшуюся междуусобицу в юго-западной Руси вмешался Конрад Мазовецкий, ставший союзником Михаила Всеялодовича и Изяслава Владимировича. Как свидетельствует летописец, «Кондрат остановился там, где сейчас стоит город Холм, и послал к Червену грабить. Васильковичи встретили ляшских бояр, бились с ними, захватили их и привели к Да-

ниилу в Городок. Михаил же, стоявший на Подгорье, хотел соединиться с Кондратом и ожидал половцев и Изяслава. Половцы же, прия на Галицкую землю, не захотели идти на Даниила и возвратились, разорив всю Галицкую землю. Услышав об этом, Михаил возвратился в Галич, а Кондрат побежал в Ляшскую землю ночью, и много его воинов утонуло в реке Вепре».

После ухода поляков Даниил и Василько предприняли новую попытку вернуть «отчинный» Галич. По свидетельству летописца, в городе в то время находились Михаил Все-володович и его сын Ростислав. «Было много угров у Даниила. Они вернулись, пограбили около Звенигорода, но город, хотя и пытались, не взяли, потому что там была чудотворная икона святой Богородицы. Этой же осенью заключили мир». Речь в данном случае идет о событиях 1236 г. Интересно, что как раз в это время из Великой Венгрии (области, находившейся по соседству с Волжской Булгарией) возвращался на родину венгерский доминиканец Юлиан, нашедший потомков тех венгров, которые не ушли в IX в. вместе с основной массой венгерских племен в Северное Причерноморье. Юлиан возвращался на родину, чтобы организовать новую, более масштабную экспедицию, призванную просветить прозявших в язычестве восточных венгров в Христовой вере. В 1237 г. миссия монахов-проповедников во главе с Юлианом отправилась в сторону Великой Венгрии, но вынуждена была вернуться с полпути, узнав об уничтожении ордами Бату-хана Волжской Булгарии и разорении ими соседних областей, в том числе и населенной восточными венграми.

Появление монголо-татар на границах Владимира-Сузdalского и Рязанского княжеств не было адекватно оценено местными Рюриковичами, не говоря уже о находившихся за несколько сотен километров князьях, продолжавших бороться за волости юго-западной Руси. Галицко-Волынская летопись свидетельствует под 6743 г. о том, что с наступлением весны¹² Романовичи отправились в поход на ятвягов, но, дойдя до Берестя, вынуждены были вернуться из-за половодья. Сразу же после этого собранное Даниилом большое войско

захватило у крестоносцев город Дорогичин, взяв в плен магистра Бруна и его воинов. «В том же году ходил Даниил против Михаила на Галич. Тё¹³ просили мира и дали Даниилу Перемышль. В том же году Даниил привел на Кондрата (Мазовецкого. — М. Ю.) литовцев Миндовга и Изяслава Новгородского». Романовичи также старались поддерживать связи с Арпадами. В том же 1237 г. «Даниил ходил со своим братом в Угорскую землю к королю, потому что тот приглашал его на празднество». Братья даже намеревались принять участие вместе с Белой IV в войне императора Фридриха II Гогенштауфена (1212—1250) с австрийским герцогом Фридрихом Воинственным, но король отговорил их от этого предприятия.

Новое обострение ситуации в юго-западной Руси произошло в 1238 г., когда состоялся поход Бату на земли Рязанского, Владимира-Сузdalского и отчасти Черниговского княжеств, а также Новгородской земли. На этот раз Даниил Романович удачно воспользовался отсутствием в Галиче Ростислава Михайловича (незадолго до этого Михаил Всеvolодович стал киевским князем). Когда Ростислав отправился в поход на литву «со всеми боярами и конницей», галичане известили об этом Даниила. Тот на третий день прибыл в Галич, где встретил восторженный прием простых горожан, которому вынуждены были уступить епископ Артемий и дворский Григорий, принявшие Даниила на княжение «со слезами на глазах». Так Даниил Романович вернул себе власть над Галичем. «На другой день он получил весть, что Ростислав пошел было к Галичу, но, узнав, что город взят, побежал в Угорскую землю...» Как показали последующие события, Бела IV в то время не хотел вмешиваться в междоусобия русских князей. Первые годы его правления были отмечены борьбой со своеволием высшей венгерской знати, стремившейся сохранить те ограничения королевской власти, которые были зафиксированы в Золотых буллах Андраша II.

Продолжавшиеся разорения отдельных княжеств, теперь уже южной Руси, не ослабили накала борьбы за Киев. В 1240 г., когда Бату готовился к походу в Центральную Европу, его

соратник направил послов к тогдашнему киевскому князю Михаилу Всея Вселодовичу (Черниговскому), но тот, убив послов, бежал в Венгрию, где уже находился его сын Ростислав. Киевский стол занял представитель смоленской ветви Рюриковичей Ростислав Мстиславич, но против него выступил в поход Даниил Романович, захватил его в плен и присоединил Киевское княжество к своим владениям, доверив «матерь городов русских» своему воеводе Дмитру. Предчувствуя скорое появление орд монголо-татар, Даниил наказал Дмитру оборонять Киев «от иноплеменников и безбожных татар». Попытка Ростислава Михайловича стать зятем Белы IV встретила не только отказ короля, но и изгнание князя из Венгрии. Ростислав и его отец Михаил Всея Вселодович пришли сначала к своему дяде Конраду Мазовецкому, а затем, покаявшись перед Даниилом, появились в юго-западной Руси. Ростислав получил от Романовичей во владение Луцк, а Михаил — обещание помочь в возвращении Киева. Судя по летописному рассказу, последние из названных событий происходили в конце 1240 г., поскольку Михаил и Ростислав вскоре получили известия о взятии Киева ордами Бату и вновь бежали в Польшу к Конраду Мазовецкому.

Примеру черниговских князей последовал Даниил, бежавший в Венгрию к Беле IV. После взятия Киева, которое источники датируют 19 ноября или 6 декабря 1240 г., Бату подверг разорению оставшуюся без князей юго-западную Русь. При этом он не взял Холм, Кременец и Данилов, но остальные города, в том числе Владимир-Волынский и Галич, были захвачены им и разграблены, а население перебито. Киевский тысяцкий Дмитр, которому хан сохранил жизнь за его беспримерную храбрость, проявленную при обороне древней столицы, посоветовал Бату поскорее напасть на Венгрию, пока Бела IV не собрал значительные силы для отражения монголо-татар. Хан последовал совету Дмитра, но у него были более широкие планы, поэтому войско Чингисидов было разделено на три колонны. Центральная часть войска переправилась через карпатские перевалы в северо-восточную Венгрию, чтобы кратчайшим путем пойти на Пешт,

а две другие должны были вторгнуться во владения Арпадов с севера (из Польши и Чехии) и с юга (через Трансильванию). В задачи настоящей работы не входит описание подробностей похода Бату в Центральную и Юго-Восточную Европу 1241—1242 гг.

Хотелось бы только подчеркнуть, что неудача этого похода стала главной причиной образования Золотой Орды, со-здавшей новую политическую систему в Восточной Европе. Теперь главная опасность для юго-восточной Руси исходила не с запада — от венгров или поляков, а с востока. Даниилу Романовичу в новых условиях пришлось отстаивать самостоятельность своего правления в Галицко-Волынской Руси, в том числе, при дворе Бату-хана. В. Т. Пашуто выдвинул гипотезу о том, что Чингисиды первоначально планировали сделать ядром «улуса Джучи» Венгрию, наиболее пригодную для табунного коневодства. Это мнение представляется весьма вероятным. В X в. кочевые венгры совершали отсюда походы в Западную и Южную Европу (вплоть до Испании), но никогда не стремились покинуть этот регион, который, как никакой другой вне степной зоны Евразии, подходил их хозяйственно-культурному типу. Однако в 1242 г., потерпев поражение в Чехии и встретив отпор в Австрии, Чингисиды поняли, что у них нет сил, достаточных для удержания под своей властью Среднего Поднавья, что предопределило создание Золотой Орды в Среднем и Нижнем Поволжье.

Порубежье Руси с прибалтийскими племенами в середине XII—первой трети XIII в.

Предки современных литовцев время от времени тревожили приграничные области Польши и Руси, что неоднократно отмечается в цитированных выше известиях Галицко-Волынской летописи. На более северном участке западной границы русских земель, где они соприкасались с ареалами расселения ливов и латгалов, было спокойнее. Со второй половины XII в. полоцкие князья стремились расширить свои владения

вдоль главной водной артерии Прибалтийского региона — Западной Двины (Даугавы). Тогда же там возникает первое латгальское княжество Герцике (Ерсике), признававшее вассальную зависимость от Полоцка. Примерно в это же время или чуть позже появилось второе небольшое латгальское княжество Кукенойс (Кокнесе), правители которого также признавали над собой верховную власть полоцких князей. Одноименные центры обоих латгальских княжеств находились на Западной Двине, причем Кукенойс располагался как раз посередине участка этой реки между северо-западной границей Полоцкого княжества и Ригой.

После смерти Ярослава Мудрого (1054) самый северный участок западных рубежей русских земель вскоре вернулся к состоянию, существовавшему до 1030 г., когда Ярослав Владимирович подчинил восточную окраину расселения эстов (чуди), основав здесь город Юрьев. В 1061 г. чудское племя сосолов разрушило этот русский форпост, после чего на его месте возникла уже эстонская крепость. Новгородцы в 1134 и 1191 гг. захватывали ее и разрушали, но подчинить территории, некогда подвластные Ярославу Мудрому, они так и не смогли.¹⁴

В конце XII в. земли сохранивших «веру предков» ливов и латгалов заинтересовали Римскую папскую курию в качестве места для совершения новых подвигов во славу христианской веры. В 1184 или 1185 г. монах-августинец Мейнард прибывает в Ливонию с занимавшимися торговыми операциями на Западной Двине немецкими купцами. Он получает разрешение на проповедь Христовой веры среди предков современных латышей у полоцкого князя Владимира (не позднее 1184—1216), сведения о котором содержатся лишь в Хронике Генриха Латвийского, поэтому нам неизвестно его отчество. Резиденцией Мейнарда стал Икескольм, а сам он был в 1186 г. посвящен в сан епископа икескольмского. При жизни Мейнарда крещенное им население не высказывало открытого недовольства насильственной христианизацией, но после его смерти (1196) ливы на следующий же год вернулись к традиционному язычеству.

В задачу настоящей работы не входит выяснение всех подробностей процесса христианизации прибалтийских территорий. В центре нашего внимания будут лишь те события, которые прямо или косвенно касались изменения ситуации на северо-западных границах русских земель. С этой точки зрения основание в 1201 г. недалеко от устья Даугавы крепости Риги в качестве форпоста для последующей немецкой экспансии в рассматриваемом регионе стало фактором, угрожавшим сохранению власти полоцких князей над вассальными латгальскими княжествами. Уже в следующем году были созданы Рижское епископство и Орден меченосцев для проведения насильственной христианизации местного населения. Владимир Полоцкий попытался исправить допущенную им в отношении Мейнарда ошибку и включить земли латгалов в состав своего княжества, ради чего совершил на них в 1203 и 1206 гг. военные походы, а затем пытался решить этот вопрос дипломатическим путем. Однако ежегодные походы крестоносцев против балтских племен, совершившиеся ими в первой четверти XIII в., предопределили неудачу всех этих попыток.

Крупной стратегической ошибкой Владимира Полоцкого был отказ в посылке в 1208 г. помощи князю Куленойса Ветске (Вячко), вынужденному вследствие этого признать вассальную зависимость от рижского епископа. В следующем году крестоносцы напали на Герцике, князь которого Висвалдис также стал вассалом Риги. Так немецкие рыцари последовательно продвигались к границам Полоцкого княжества, лишая его влияния на соседние балтские земли. Попытки Владимира создать военный союз с латгалами против крестоносцев в 1210 и 1212 гг. оказались безрезультатными. С этого времени дань с ливов и латгалов поступала только в казну рижского епископа.

Чувствуя, что земли нынешней Латвии становятся владениями Риги и Ливонского ордена, Владимир Полоцкий в союзе с псковским князем Владимиром Мстиславичем совершает в 1211—1212 гг. поход в восточную Эстонию. Однако тот же Владимир Мстиславич после изгнания из Пскова

в 1212—1213 гг. находился на службе у рижского епископа, выполняя обязанности судьи (фогта). Владимир Погоцкий до конца своих дней сопротивлялся распространению власти крестоносцев на бывшие вассальные ему земли, но в 1216 г. он умер, возможно, вследствие отравления. К тому времени Ливония и Латгалия были в целом завоеваны немецкими рыцарями, и настал черед Эстонии, в борьбу за которую вмешался датский король Вальдемар II (1202—1241). В 1219 г. северная Эстония вошла в состав владений Дании, равно как и эстонские острова Сааремаа и Хийумаа.

Основная же борьба на земле эстов развернулась за город Юрьев. В стремлении защитить его от натиска крестоносцев объединились русские и эсты, а также часть латгалов, которых привел с собой князь Ветсеке (Вячко), возглавивший в 1223 г. оборону основанного Ярославом Мудрым города. Тогда Юрьев удалось отстоять от немецких рыцарей, но в августе следующего года крестоносцы захватили эту крепость и разрушили ее, после чего, осознав ее стратегическое значение, в 1225 г. восстановили этот политический центр восточной Эстонии, сделав его резиденцией местного епископа и переименовав в Дерпт. Таким образом, к началу второй четверти XIII в. немцы и датчане обосновались на землях Ливонии, Латгалии и Эстонии, закрепившись вдоль всего северного участка западной границы русских земель. До начала 1240-х гг. крестоносцы не предпринимали серьезных попыток вторгнуться в пределы Руси, а разгром рыцарей на Чудском озере 5 апреля 1242 г. способствовал закреплению на несколько веков линии русско-ливонской границы.

Деятельность крестоносцев в Прибалтике отразилась на характере русско-литовских отношений. Выше уже говорилось о нападении «литвы» и ятвягов на земли Владимира-Волынского княжества. Новгородская I летопись содержит многочисленные краткие известия о походах литовцев на Псков, Великие Луки, Торжок, район реки Ловать, Торжок и другие города и местности Новгородской земли, а также на Торговую сторону самого Великого Новгорода (1234).¹⁵ В ответ новгородцы и псковичи предпринимали походы на ли-

товские племена, а в 1203 г. они в союзе с Ольговичами совершили успешный рейд в глубь литовских земель. Все эти конфликты никак не влияли на изменение линии русско-литовской границы.

Экспансия крестоносцев в Прибалтике, в ходе которой литовские языческие племена неизбежно должны были стать объектами для насильственного крещения, способствовала кратковременному сближению литвы и русских: в 1222 г. они были союзниками во время осады построенной немцами крепости Венден (современный город Цесис в Латвии). Однако уже в следующем году возобновились набеги литвы на новгородские земли и ответные походы новгородцев в Литву, поскольку обе стороны нашли возможности противостоять католической угрозе собственными силами. В отличие от ливов и латгалов, литовским племенам удалось объединиться перед лицом опасности завоевания их крестоносцами вокруг князя Миндаугаса (Миндовга) и не только отразить натиск Христовых воинов, но и нанести им сокрушительное поражение 21 сентября 1236 г. под Саулем. Результатом этой победы стал распад Ордена меченосцев, но уже в следующем году на его «руинах» возник Ливонский орден на базе пришедшего из Палестины через Венгрию Тевтонского ордена. Это более мощное политическое объединение крестоносцев стало одной из главных опасностей для жителей северной Руси в эпоху ордынского ига.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юго-западные рубежи русских земель были в домонгольскую эпоху местом активных контактов между жителями Руси и ее соседями — поляками, венграми и чехами. При этом восточные славяне еще до прихода венгров в Среднее Подунавье (рубеж IX—X вв.) проживали по обе стороны от линии Карпатских хребтов, захватывая и бассейн Верхней Тисы. На более северных участках западных пределов Древней Руси, где ее соседями были балтские и финно-угорские племена, контакты между соседними народами не были такими интенсивными. Линия западной русской границы окончательно сформировалась не ранее конца XI в., хотя польские правители считали вошедшие в состав русских земель Червенские грады своими исконными владениями и при благоприятных обстоятельствах стремились захватить Перемышль и его окрестности.

Распад Польши и Руси на независимые княжеские владения сделал сохранившую политическое единство Венгрию сильнейшим государством на западных границах Руси. При этом венгерские короли до конца XII в. ограничивались оказанием военной помощи тем представителям разросшегося рода Рюриковичей, с которыми имели родственные связи. Сложное международное положение Венгрии, находившейся между Византийской и Священной Римской империями, правители которых стремились сделать Арпадов своими вассалами, долгое время сдерживало экспансиионистские устремления венгерской правящей верхушки в восточном направлении. Быстрый закат Византии после смерти Мануила I Комнина (1180)

развязал руки венгерским королям, вернувшимся к политики активного расширения своих владений на Балканах.

На этом фоне развернувшаяся после смерти Ярослава Осмомысла (1187) борьба за галичский княжеский стол дала Беле III (1172—1196) возможность создать в Галиче плацдарм для последующего выхода к низовьям Дуная, чтобы заставить только что возникшее Второе Болгарское царство воевать на два фронта. Неудача короля в борьбе с галичским боярством вынудила венгров оставить Галич в 1190 г., но сама идея установления венгерской власти над юго-западной Русью оказалась живучей, поскольку политическая ситуация в Галиче в первой трети XIII в. отличалась крайней нестабильностью. С 1214 по 1234 г. Андраш (Эндре) II предпринял несколько попыток закрепить на галичском столе своих сыновей — сначала Калмана, затем Андраша. В этой борьбе активное участие принимал краковский князь Лешек Белый. Однако сыновьям создателя Галицко-Волынской Руси Романа Мстиславича (1199—1205) Даниилу и Васильку удалось в конечном счете воссоздать отцовское наследие в полном объеме (с включением в него Киевщины) и заставить Арпадов и Пястов признать исторически сложившуюся линию юго-западной границы Руси и почти на полутора столетия прекратить попытки расширения венгерских и польских владений за счет Руси.

На более северных участках западных границ русских земель ситуация была более спокойной, особенно на порубежье с ливами и латгалами. Полоцкие князья во второй половине XII в. активно расширяли свое влияние вдоль среднего и нижнего течения Западной Двины (Даугавы), где возникли вассальные им латгальские княжества Герцике (Ерсике) и Кукенойс (Кокнессе). Дальнейшее продвижение русских к устью Западной Двины было прервано появлением там немецких крестоносцев. В 1208—1209 гг. князья Герцике и Кукенойса вынуждены были признать власть рижского епископа. Совершая в первой четверти XIII в. ежегодные походы на земли балтских племен, крестоносцы постепенно вышли на северо-западные границы Руси, но ни в домонгольское время, ни в последующие столетия так и не решились на расширение своих владений за счет русских земель.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Обзор мнений см.: Кучкин В. А. Русская земля // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. Под общ. ред. Е. А. Мельниковой и В. А. Петрухина. М., 2014 (далее: Энциклопедия). С. 697—698.

² Этноним «белые хорваты» упоминается в ПВЛ лишь один раз — в историко-этнографическом введении, предшествующем погодным записям. Во всех остальных случаях речь идет о хорватах, проживавших по ту сторону линии Карпатских хребтов. Тождественны ли они белым хорватам, вопрос дискуссионный. Судя по описанию Константина Багрянородного, белые хорваты, скорее всего, проживали на землях будущей Чехии (см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., комм. / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 370).

³ Подробнее об этом см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. IV т. Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 25—30.

⁴ См.: Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885. С. 104, 111—112; Середонин С. М. Историческая география. Лекции. Петроград, 1916. С. 147—149, 189—190.

⁵ Обзор мнений о распространении русского населения в древности на земли Карпатской котловины см.: Юрасов М. К. Подкарпатская Русь — одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken, 2013. С. 6—28.

⁶ См.: Юрасов М. К. Откуда приходили «руги» в Раффельштetten на рубеже IX—X вв. // Руцин (Кишинев). 2009. № 4 (18). С. 6—14.

⁷ Тимоцук Б. О. Давньоруська Буковина (Х—перша половина XIII ст.). Київ, 1982. С. 86.

⁸ См. об этом: *Юрасов М. К.* Венгерский Аноним о «порубежье рутенов» во время «обретения родины» мадьярами в Среднем Подунавье // Русин (Кишинев). 2013. № 3. С. 21—31.

⁹ См. карту в кн.: *Bláhová M., Frolík J., Profantová N.* Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. I. Do roku 1197. Praha, 1999. S. 223.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Какие «Росы» были крещены в год захвата вещим Олегом Киева? // Проблемы славяноведения. Вып. 12. Брянск, 2010. С. 5—14.

¹¹ *Pribislav Pulkava de Radenin. Chronica Bohemorum* // *Fontes rerum Bohemicarum*. Т. V. Praha, 1893. Р. 15.

¹² См.: Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. XXII. Русский хронограф [Репр.]. М., 2005. Часть вторая. С. 255—256.

¹³ *Еремеев И. И.* Полоцкая земля // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 287.

¹⁴ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996. С. 152. Далее все цитаты из ПВЛ даны по этому изданию.

¹⁵ См.: *Pasternak J. A kryloszi (Galicia) magyar sírleletek* // *Archaeologia Hungarica*. 21 (1937). 141. I.

¹⁶ См.: *Tóth, Sándor László. Magjegyzések a honfoglalás szakaszaihoz* // *Századok*. 130 (1996). 877—906. I. и др. работы Ш. Л. Тота.

¹⁷ *Россиянов О. К.* Венгерская литература // История всемирной литературы. Т. II. М., 1984. С. 398.

¹⁸ Об этом пишет Шимон Кезай в своих «Деяниях венгров», созданных в 1285—1288 гг. По мнению венгерских исследователей, в данном случае хронист перепутал бассейн Верхней Тисы с Трансильвианией, которую активно осваивавшие в Средние века немцы называли Siebenbürgen 'Семиградье'. См.: *Simonis de Keza Gesta Hungarorum* // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Edendo operi praefuit E. Szentpétery (далее: SRH). Vol. I. Budapestini, 1937. Р. 165.

¹⁹ См. об этом: ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова [Репр.]. М., 2000. С. 109—110.

²⁰ *Parczewski M.* Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłamy wschodni i zachodni. Kraków, 1991. S. 37—40; *Koperski A.* Cmentarzysko staromazurskie z X w. w Przemyślu // *Przemyśl wczesnośredniowieczny* / Pod red. E. Sosnowskiej. Warszawa, 2010. S. 386.

²¹ См.: *Király P.* A magyarok említése a 811. évi események óbolgár leírásában // *Magyar Nyelv*. 72 (1976). 136—148., 257—268., 408—422. I. и др. работы П. Кирая.

²² Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. Főszerk. K. Benda. 3. kiad. Budapest, 1986. 65. l.

²³ В середине IX в. три хазарских племени восстали против кагана, возможно, в связи с объявлением иудаизма государственной религией Хазарии. Потерпев поражение от армии кагана, эти племена, прозванные каварами, присоединились к венграм и стали впоследствии частью средневекового венгерского этноса.

²⁴ Юсупович А. «Перемышль, Червень и иные гральи» и их территориальная принадлежность в конце X—начале XI в. // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 34—35.

²⁵ Исаевич Я. Д. Грады Червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX—начало XI в.) // Исследования по истории славян и балканских народов: Киев, Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 119.

²⁶ Котляр Н. Ф. Перемышль // Энциклопедия. С. 593.

²⁷ Подробнее см. об этом: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 260—261.

²⁸ Пархоменко В. Начало христианства на Руси. Очерки истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913.

²⁹ Legenda Sancti Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hartvico episcopo conscripta / Ed. E. Bartoniek // SRH. Vol. II. Budapest, 1938. P. 379.

³⁰ P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. Ae. Jakubovich // SRH. Vol. I. P. 113.

³¹ Jenkins R. I. H.—Westerink L. G. Nicolas I Patriarch of Constantinople. Letters / Corpus Fontium historiae Byzantinae. Washington, 1973. P. 158, 161.

³² См.: Коновалова И. Г. К вопросу об этнониме нўкарда у ал-Мас'уди // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 4—20.

³³ Житие св. Василия Нового. См. в: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. XLVI. Вып. VI. СПб., 1998. Приложение. С. 64—65.

³⁴ См. об этом: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., М., 1993. С. 354—356.

³⁵ Лев Диакон / Пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1998. С. 55—59.

³⁶ Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. Изд. подг. И. В. Дьяконов. М., 2006. С. 140.

³⁷ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 345.

³⁸ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. I. История Российской. Часть первая. М.; Л., 1962. С. 111.

³⁹ См.: Ибн Хаукал. Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. III т. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009. С. 89.

Глава 2

¹ Помещение летописцем рассказа об этих событиях под 980 г., скорее всего, ошибочно. Судя по количеству лет княжения Владимира Святославича в Киеве, он победил Ярополка в 978 г.

² Подробнее об этом см.: Юсупович А. «Перемышль, Червень и иные грады»... С. 39—43.

³ См.: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1990. С. 24—31.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Zachorowski S. Więgierskie i polskie osadnictwo na Spiżu// Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozofyczny. T. 52. Kraków, 1909. S. 199—200.

⁶ При перечислении сыновей Владимира летописец говорит: «Владимир имел... от чехин — Вышеслава, от другой — Святослава и Мстислава». Кто здесь имеется в виду, другая чехиня или другая жена, непонятно.

⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 185.

⁸ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.

⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 377—378.

¹⁰ См.: Майоров А. В. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006.

¹¹ Пол Иван. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород. 1-е изд. 2001. С. 87; 2-е изд. 2006. С. 107.

¹² Здесь и далее в скобках даны примерные даты перевода датировок Никоновской летописи на современное летосчисление. В этом своде нередки расхождения в датировках с более ранними летописями при описании событий первых веков существования Древнерусского государства.

¹³ ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью [Репр.]. М., 2000. С. 57, 64, 65.

¹⁴ Annales Hildesheimenses / Ed. G. Waitz, Hannoverae, 1878 [Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum (далее: MGH SS rer. Germ.). Т. 8]. Р. 25.

¹⁵ ПСРЛ. Т. IX. С. 64.

¹⁶ Здесь и далее даты правления чешских князей и королей даются по: Bláhová M., Frolík J., Profantová N. Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. I. S. 740—741.

¹⁷ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. IV. История Российской. Часть вторая. М.; Л., 1964. С. 138.

¹⁸ При этом из статьи Лаврентьевской летописи 6636 (1128/9) г. можно сделать вывод о том, что у Рогнеды был лишь один сын — Изяслав. См.: ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. [Репр.]. М., 1997. Стб. 300.

¹⁹ См.: Беляев Л. А., Асеев Ю. С. Владимир-Волынский. Успенский собор // Энциклопедия. С. 127; Артамонов Ю. А. Стефан // Там же. С. 790—791.

²⁰ См. об этом: Юрасов М. К. Подкарпатская Русь — одна из колыбелей христианства у восточных славян. С. 6—28.

²¹ См.: Там же. С. 29—45.

²² Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. статья, пер. и комм. Г. Э. Санчука. М., 1962. С. 66.

²³ Цит. по: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 343.

²⁴ Там же. С. 343, примеч. 2.

²⁵ См. об этом: Юрасов М. К. Подкарпатская Русь — одна из колыбелей христианства у восточных славян. С. 63—67.

²⁶ Новейший полный список древнерусских городов см.: Энциклопедия. С. 947—949.

²⁷ ПСРЛ. Т. IX. С. 68.

²⁸ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длуготша (Книги I—VI). Текст, пер., комм. / Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 87—88 (текст), 235 (пер.).

²⁹ Обзор мнений см.: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 62—63, примеч. 13.

³⁰ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. С. 213.

³¹ Подробнее об этом см.: Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 17—19.

³² Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 67.

³³ Там же. С. 68.

³⁴ См.: *Бруно Кверфуртский*. Послание к германскому королю Генриху II (1008 г.) // Там же. С. 55—62.

³⁵ *Zakrzewski S.* Bolesław Chrobry Wielki. Lwów — Warszawa — Kraków, 1925. S. 225.

³⁶ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. С. 215.

³⁷ Там же. С. 216.

³⁸ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 107—108.

³⁹ Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Отражение перемен в политической ситуации в Венгрии эпохи Арпадов в генеалогии Ласло Сара // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2001. С. 204—210.

⁴⁰ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 344.

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Подкарпатская Русь... С. 93—113.

Глава 3

¹ См.: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 43—44 (текст), 50—51 (пер.); Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 168—169.

² Там же. С. 71—72.

³ Там же. С. 72, примеч. 57.

⁴ Там же. С. 78, 80.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 43 (текст), 51 (пер.).

⁷ Обзор мнений см.: Там же. С. 62, примеч. 10.

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301.

⁹ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. С. 274.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Az államalapítás korának írott forrásai. Szerk. Kristó Gy. Szeged, 1999. 109. l.

¹² См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 97, 98.

¹³ См.: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Poznań, 2004. S. 106—107.

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Существовал ли антипольский русско-германский союз после смерти Болеслава I Храброго? // Русское наследие в странах Восточной Европы. Материалы междуна-

родной научной конференции, приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде. Брянск, 2010. С. 428—432.

¹⁵ Юрасов М. К. Когда принц Эндре (Андраш) появился при дворе Ярослава Мудрого? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 19—22.

¹⁶ Annales Hildesheimenses / Ed. G. Waitz // MGH SS rer. Germ. T. 8. Hannover, 1878. P. 36.

¹⁷ См.: Юрасов М. К. Отражение перемен в политической ситуации в Венгрии эпохи Арпадов в генеалогии Ласло Сара.

¹⁸ В разных списках Композиции венгерских хроник после выражения *propter paupertatis* следует *necessitudinem* либо *inopiam* (SRH. Vol. I. P. 334.). В «Деяниях» Шимона Кезай эта информация отсутствует.

¹⁹ Jasiński K. Rodowód pierwstych Piastów. S. 107, 114.

²⁰ SRH. Vol. I. P. 177, 336.

²¹ Ibid. P. 177.

²² Kristó Gy., Makk F. Az Árpád-házi uralkodók. Budapest, 1988. 72. l.

²³ SRH. Vol. I. P. 47, 48.

²⁴ Киево-Печерский патерик / Подг. текста Л. А. Ольшанской, пер. Л. А. Дмитриева, комм. Л. А. Дмитриева и Л. А. Ольшанской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 416—427.

²⁵ Там же. С. 427.

²⁶ Создатель новейшего капитального труда по генеалогии первых Пястов К. Яшиньский большую часть раздела, посвященного Казимиру Восстановителю, посвящает изложению дискуссии о датировке его брака с русской княжной (*Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów*. S. 131—139), считая наиболее вероятной датой 1041 г. (S. 139).

²⁷ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 225; SRH. Vol. I. P. 332.

²⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 118.

²⁹ См., напр.: Карпов А. Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 380, хотя об этом писали еще венгерские историки XIX в. М. Вертнер и Х. Добози.

³⁰ SRH. Vol. I. P. 344.

³¹ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Географические представления Венгерского Анонима // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2003. С. 280—284.

Глава 4

¹ См.: Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-германские отношения 60—70-х годов XI в. // Советское славяноведение. 1971. № 2. С. 32.

² См. об этом: Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 357.

³ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II. С. 83—84.

⁴ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Опыт заимствования элементов системы организации верховной власти на Руси венгерским королем Эндре I // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 47—54.

⁵ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 112.

⁶ Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. С. 53.

⁷ Там же.

⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 119—120.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ Там же. С. 121.

¹¹ Подробнее об этом см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 538—539.

¹² Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Складывание русско-венгерской границы в X—XI вв. // Rossica Antiqua. 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 312.

¹³ Согласно установившейся традиции, во всех изданиях восстанавливаемого текста ПВЛ Поучение помещается там, где оно находится в Лаврентьевской летописи.

¹⁴ Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. С. 54.

¹⁵ Повесть временных лет. С. 522.

¹⁶ Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. С. 54—55.

¹⁷ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II. С. 94.

¹⁸ Там же. С. 249—250.

¹⁹ SRH. Vol. I. P. 409—411.

²⁰ Ibid. P. 411.

²¹ Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpádházi uralkodók alatt. I. k. Budapest, 1899. 152. I.

²² Подробнее об этом см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 539—558.

²³ Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851. С. 51.

²⁴ SRH. Vol. I. P. 414—415.

²⁵ SRH. Vol. I. P. 414. Множественное число употреблено здесь в связи с тем, что глава 138, первой фразой которой является приводимая цитата, называется «Король идёт против русских» (Rex vadit contra Rutenos).

Глава 5

¹ См.: *Diplomata Hungariae antiquissima*. Vol. I. 1000—1131 / Edendo operi praefuit G. Györffy. Budapestini, 1992. P. 266—268.

² *Gombos F. A. Catalogus fontium historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Arpad descendantium ab anno Christi 800 usque ad annum 1301*. Budapestini, 1937. T. I. P. 40—41.

³ См. об этом: *Jasiński K. Rodowód pierwshych Piastów*. S. 196.

⁴ Большую часть статьи ПВЛ под 1097 г. занимает «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», в которой описываются события 1097—1099 гг. Под 1098 и 1099 гг. летописец дает хронологические ориентиры — датировки наиболее важных событий, описанных под 1097 г., но относящихся к последующим годам.

⁵ SRH. Vol. I. P. 423—424.

⁶ См.: *Hodinka A. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*. Budapest, 1916. 63—65. 1.

⁷ SRH. Vol. I. P. 425—426.

⁸ Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. С. 62.

⁹ Там же.

¹⁰ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 71, примеч. 2.

¹¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 365.

¹² Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Русско-венгерские отношения начала XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 51—52.

¹³ По мнению исследователей, она умерла не позднее 1106 г. См.: Там же. С. 51.

¹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 363.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Русско-венгерские отношения в начале XII в.

¹⁶ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 89.

¹⁷ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 55.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 55.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 56.

²² Козьма Пражский. Чешская хроника. С. 211.

²³ Там же. С. 201.

²⁴ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Русско-венгерские отношения в начале XII в. // № 4. С. 75—77.

²⁵ Новейшее издание текста памятника см. в кн.: Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. Исследования, тексты, комм. СПб., 1992. С. 71—73.

²⁶ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 2003. С. 174.

²⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 363.

²⁸ Там же. С. 202.

²⁹ См. об этом: Розанов С. П. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. // Известия АН СССР. Отд. Гуманитарных наук. 1930. № 8. С. 592.

³⁰ SRH. Vol. I. P. 431.

³¹ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. [Репр.]. М., 2004. С. 28.

³² Хронологию этих событий уточнил еще М. С. Грушевский. См.: Грушевський М. Історія України—Руси. Т. II. XI—XIII вік. Вид. 2-е. У Львові, 1905. С. 112.

³³ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 292; Т. II. Стб. 285; Т. XXV. С. 28.

³⁴ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 148 (текст), 300 (пер.).

³⁵ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. IV. С. 182; Т. II. С. 132.

³⁶ Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. С. 67.

³⁷ Здесь и далее летописную информацию о событиях 1119—1125 гг. в русском переводе см. в кн.: Великий князь Владимир Мономах / Изд. подг. А. Ю. Карпов. М., 2006. С. 169—171. Оригинальный текст находится под соответствующими годами в кн.: ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись [Репр.]. М., 1997. Стб. 285—289.

³⁸ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II. С. 134.

³⁹ Там же. С. 287.

⁴⁰ См.: Perfeckij E. Historia Polonica Jana Dlugosza a ruské latopisectivi. V Praze, 1932. S. 83—91.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Стефанович П. С. Володарь Пере-мышльский у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56—74; № 4 (26). С. 78—89.

⁴² Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 366.

⁴³ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 151/304.

⁴⁴ Там же. С. 152/304—305.

Глава 6

¹ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 153/305.

² См. об этом: Юрасов М. К. Была ли жена Владимира Володаревича венгеркой? // «Слово о полку Игоревім» та його доба. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Галич, 24 жовтня 2007 року. Галич, 2007. С. 136—140.

³ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 153/305—306.

⁴ Там же. С. 153/306.

⁵ См.: Татищев В. Н. Указ. соч. Т. IV. С. 186—187; Т. II. С. 138.

⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 366.

⁷ См. об этом: Назаренко А. В. О «Русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 302.

⁸ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Мстислав Великий, Иштван II и междуусобица Володаревичей // Российская история. 2011. № 3. С. 112—120.

⁹ См. об этих походах: ПСРЛ. Т. I. Стб. 301; Т. II. Стб. 294; Т. III. С. 22.

¹⁰ Обзор мнений см.: Юрасов М. К. Борис Калманович и русско-венгерские отношения // Российская история. 2013. № 4. С. 67.

¹¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 167—168.

¹² Реальная биография и историографические мифы, созданные вокруг личности Бориса Калмановича, рассматриваются в кн.: Юрасов М. К. Внук Владимира Мономаха. Борис Калманович: князь-авантюрист. СПб., 2017.

¹³ Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. Т. XL. Szeged, 1972. 38. I.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Кто из русских князей помогал Борису Калмановичу в борьбе с Белой II в 1132 году? // Осмыслення спадщини давньої Русі. Галицько-волинське князівство в Історіографії. Львів, 2007. С. 17—18.

¹⁵ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 450.

¹⁶ Там же. Стб. 300; Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 167—168/320—321.

¹⁷ Щавелева Н. И. Там же. С. 161/314.

¹⁸ См. об этом: Там же. С. 158—161/311—315.

¹⁹ ПСРЛ. Т. IX. С. 161.

²⁰ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 306.

²¹ Подробнее об этом см.: Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. С. 74—75.

²² ПСРЛ. Т. III. С. 27.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 314—315.

²⁴ См. об этом: ПСРЛ. Т. I. Стб. 311—312; Т. II. Стб. 314—316.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 318.

²⁶ Там же. Стб. 319.

Глава 7

¹ Обзор мнений о датировке этого брака см.: Юрасов М. К. Политика Арпадов по отношению к Руси после провала авантюры Бориса Калмановича // Средневековая Русь. Отв. ред. А. А. Горский. Вып. 9. М., 2011. С. 133—135.

² Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Походы войска Гезы II на Русь в 1148—1152 гг. // Средневековая Русь. Отв. ред. А. А. Горский. Вып. 11. М., 2014. С. 23—26.

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 264.

⁴ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Походы войска Гезы II на Русь в 1148—1152 гг. С. 26—31.

⁵ «Оуже ми толико доѣхати съ гостыми, съ Оугры и с Ляхы, а оуже дружина моя пострашена» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 401. См. также: Т. I. Стб. 327).

⁶ См. об этом: ПСРЛ. Т. II. Стб. 406—407.

⁷ Там же. Стб. 408.

⁸ См. об этом: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. II т. Византийские источники. Сост. М. В. Бибиков. М., 2010. С. 260—261.

⁹ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 151.

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 336.

¹¹ Корифеи отечественного летописеведения (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов) считают, что в Лаврентьевской летописи, где (в отличие от Ипатьевской) говорится о двукратном бегстве Владимира Володаревича к Перемышлю, имеет место дублирование рассказа об одном и том же событии. Им возражает Н. Г. Бережков, точку зрения которого поддерживает автор настоящих строк. Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Сколько раз Владимир Володаревич спасался в 1152 г. бегством от войска, возглавляемого Гезой II? // Другичинъ 1253. Матеріали Міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича Івано-Франківськ, 2008. С. 153—158.

¹² Если быть совсем точным, эти города были переданы Владимиру его сватом Юрием Долгоруким.

¹³ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. III т. С. 145.

¹⁴ См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений Т. IV. С. 243.

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 522.

¹⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. II т. С. 265.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Юрьев М. К. Попытки Мануила I Комнина найти союзников на Руси против венгерского короля Иштвана III // Проблемы славяноведения. Вып. 16. Брянск, 2014. С. 20—28.

¹⁸ См. об этом: Древняя Русь в свете зарубежных источников. II т. С. 268.

¹⁹ Там же. С. 271.

²⁰ См. об этом: Юрьев М. К. Поэтический и реальный образ Ярослава Осмомысла // Мир истории (электронный журнал). 2000. № 5.

²¹ См. об этом: Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 310—312.

²² Пацуюто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 185.

²³ См. об этом: Юрьев М. К. Отражение отношений Ярослава Осмомысла с Византией и Венгрией в «Слове о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Ярославль, 2001. С. 34—39.

²⁴ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 205.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

²⁶ ПСРЛ. Т. XL Густинская летопись. СПб., 2003. С. 103.

²⁷ Подробнее об этом см: Юрьев М. К. Роль Перемышля в борьбе Владимира Ярославича за возвращение Галича (1189—1190) // Przemysł i ziemia Przemyska w strefie wpływów ruskich X—połowa XIV w. Colloquia Russica. Series II. Т. I. Kraków, 2013. С. 67—77.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 687.

²⁹ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. IV т. С. 318—325.

³⁰ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. IV. С. 325.

³¹ Там же. С. 457.

³² Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Дlugosha. С. 187—189/340—342.

³³ Подробнее об этом см.: Юрьев М. К. «Татищевское известие» о попытке вмешательства венгров в борьбу за галицкое наследство после смерти Владимира Ярославича // Русин [Кишинев]. 2014. № 2. С. 117—125.

¹ Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописі // Записки Наукового товариства Ім. Т. Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 1—72.

² Здесь и далее цитаты из Галицко-Волынской летописи даются по кн: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 2005. С. 184—357.

³ На самом деле Анна (Мария) Каматерос не была родственницей венгерского короля, но летописец неоднократно называет ее невесткой Андраша II.

⁴ См. об этом: ПСРЛ. Т. III. С. 53—54.

⁵ Летописец называет по именам послов краковского князя (Дер-жислав Абрамович и Творьян Вотихович) и Романовичей (тысяцкий Демьян).

⁶ Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин. СПб., 2005. С. 212.

⁷ Пасха в 1228 г. приходилась на 26 марта.

⁸ Приведены даты второго правления в Кракове Владислава Тонконогого и первого правления Генриха Бородатого и Конрада Мазовецкого. Последние двое из названных князей впоследствии возвращались на краковский престол.

⁹ Летописец называет его «Бела-рикс, то есть король угорский», показывая свою осведомленность в том, что (еще в 1214 г.) Бела был коронован отцом в качестве соправителя.

¹⁰ Венгерские историки датируют этот поход 1229 г. См.: Magyarország történeti kronológiája. I. k. 140. 1.

¹¹ Обзор мнений см.: Галицко-Волынская летопись. С. 229.

¹² По мнению исследователей, это произошло весной 1237 г.

¹³ Имеются в виду Михаил Всеяловович и его сын Ростислав.

¹⁴ Назарова Е. Л., Седов В. В. Юрьев // Энциклопедия. С. 908.

¹⁵ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 37, 40, 44, 45, 51, 52, 57, 59, 61, 64, 68, 73, 74.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 2005. С. 184—357.
- Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин. СПб., 2005.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. II т. Византийские источники. Сост. М. В. Бибиков. М., 2010.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. III т. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. IV т. Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010.
- Житие св. Василия Нового // Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. XLVI. Вып. VI. СПб., 1998. Приложение. С. 64—65.
- Киево-Печерский патерик / Подг. текста Л. А. Ольшанской, пер. Л. А. Дмитриева, комм. Л. А. Дмитриева и Л. А. Ольшанской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 296—489.
- Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. статья, пер. и комм. Г. Э. Санчука. М., 1962.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., комм. / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991.
- Лев Диакон / Пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1998.

- Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.
- Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. Изд. подг. И. В. Дьяконов. М., 2006.
- Повесть временных лет. Подг. текста, пер., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996.
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. [Репр.]. М., 1997.
- ПСРЛ. Т II. Ипатьевская летопись [Репр.]. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова [Репр.]. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью [Репр.]. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XXII. Русский хронограф [Репр.]. М., 2005.
- ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. [Репр.]. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. XL Густинская летопись. СПб., 2003.
- Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. Исследования, тексты, комм. СПб., 1992.
- Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1990.
- Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I—VI). Текст, пер., комм. Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004.
- Annales Hildesheimenses* / Ed. G. Waitz, Hannoverae, 1878 // MGH SS rer. Germ.). T. 8.
- Az államalapítás korának írott forrásai. Szerk. Kristó Gy. Szeged, 1999.
- Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 217—505.
- Diplomata Hungariae antiquissima. Vol. I. 1000—1131 / Edendo operi praefuit G. Györrffy. Budapestini, 1992.
- Gombos F. A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Arpad descendientium ab anno Christi 800 usque ad annum 1301. Budapestini, 1937. TT. I—III.
- Hodinka A.* Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916.
- Legenda Sancti Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hartvico episcopo conscripta / Ed. E. Bartoniek // SRH. Vol. II. P. 363—440.
- P. magistri*, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. Ae. Jakubovich // SRH. Vol. I. P. 13—117.
- Perfekcij E.* Historia Polonica Jana Dlugosza a ruské latopisectivi. V Praze, 1932.
- Pribislav Pulkava de Radenin.* Chronica Bohemorum // Fontes rerum Boemicarum. T. V. Praha, 1893. P. 1—326.
- Simonis de Keza Gesta Hungarorum* // SRH. Vol. I. P. 129—194.

Л и т е р а т у р а

- Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885.
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Великий князь Владимир Мономах. Изд. подг. А. Ю. Карпов. М., 2006.
- Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. Киев, 1988.
- Хронологія подій Галицько-Волинської літописі // Записки Наукового товариства Ім. Т. Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 1—72.
- Грушевський М.* Історія України—Русі. Т. II. XI—XIII вік. Вид. 2-е. У Львові, 1905.
- Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. Под общ. ред. Е. А. Мельниковой и В. А. Петрухина. М., 2014.
- Еремеев И. И.* Полоцкая земля // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 275—297.
- Исаевич Я. Д.* Грады Червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX—начало XI в.) // Исследования по истории славян и балканских народов: Киев, Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 107—124.
- Карпов А.* Ярослав Мудрый. М., 2001.
- Коновалова И. Г.* К вопросу об этнониме нўкарда у ал-Мас'уди // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 4—20.
- Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.
- Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-германские отношения 60—70-х годов XI в. // Советское славяноведение. 1971. № 2. С. 94—108.
- Майоров А. В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006.
- Назаренко А. В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 302—306.
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.
- Пархоменко В.* Начало христианства на Руси. Очерки истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913.
- Пашутко В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Поп Иван.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород. 1-е изд. 2001; 2-е изд. 2006.

- Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 2003.
- Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. // Известия АН СССР. Отд. Гуманитарных наук. 1930. № 8. С. 585—599; № 9. С. 649—671.
- Россиянов О. К.* Венгерская литература // История всемирной литературы. Т. II. М., 1984. С. 397—399.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. 2-е изд. М., 1993.
- Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
- Середонин С. М.* Историческая география. Лекции. Петроград, 1916.
- Стефанович П. С.* Володарь Переяславль у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56—74; № 4 (26). С. 78—89.
- Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. I. История Российской. Часть первая. М.; Л., 1962.
- Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. История Российской. Часть вторая. М.; Л., 1964.
- Тимоцук Б. О.* Давньоруська Буковина (Х—перша половина XIII ст.). Київ, 1982.
- Юрасов М. К.* Поэтический и реальный образ Ярослава Осмомысла // Мир истории (электронный журнал). 2000. № 5.
- Юрасов М. К.* Отражение отношений Ярослава Осмомысла с Византией и Венгрией в «Слове о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Ярославль, 2001. С. 34—39.
- Юрасов М. К.* Отражение перемен в политической ситуации в Венгрии эпохи Арпадов в генеалогии Ласло Сара // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2001. С. 204—210.
- Юрасов М. К.* Географические представления Венгерского Анонима // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2003. С. 280—284.
- Юрасов М. К.* Опыт заимствования элементов системы организации верховной власти на Руси венгерским королем Эндре I // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 47—54.
- Юрасов М. К.* Русско-венгерские отношения начала XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 47—56; № 4 (26). С. 67—78.

- Юрасов М. К.* Складывание русско-венгерской границы в X—XI вв. // *Rossica Antiqua*. 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 297—313.
- Юрасов М. К.* Была ли жена Владимира Володаревича венгеркой? // «Слово о полку Игоревім» та його доба. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Галич, 24 жовтня 2007 року. Галич, 2007. С. 136—140.
- Юрасов М. К.* Кто из русских князей помогал Борису Калмановичу в борьбе с Белой II в 1132 году? // Осмыслення спадщини давньої Русі. Галицько-волинське князівство в історіографії. Львів, 2007. С. 17—18.
- Юрасов М. К.* Сколько раз Владимир Володаревич спасался в 1152 г. бегством от войска, возглавляемого Гезой II? // Дрогичинъ 1253. Матеріали Міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича Івано-Франківськ, 2008. С. 153—158.
- Юрасов М. К.* Откуда приходили «руги» в Раффельштеттен на рубеже IX—X вв. // Русин [Кишинев], 2009 г., № 4 (18). С. 6—14.
- Юрасов М. К.* Какие «Росы» были крещены в год захвата вещим Олегом Киева? // Проблемы славяноведения. Вып. 12. Брянск, 2010. С. 5—14.
- Юрасов М. К.* Существовал ли антипольский русско-германский союз после смерти Болеслава I Храброго? // Русское наследие в странах Восточной Европы. Материалы международной научной конференции, приуроченной к 600-летию битвы при Грёнвальде. Брянск, 2010. С. 428—432.
- Юрасов М. К.* Мстислав Великий, Иштван II и междуусобица Володаревичей // Российская история. 2011. № 3. С. 112—120.
- Юрасов М. К.* Политика Арпадов по отношению к Руси после провала авантюры Бориса Калмановича // Средневековая Русь. Отв. ред. А. А. Горский. Вып. 9. М., 2011. С. 99—137.
- Юрасов М. К.* Борис Калманович и русско-венгерские отношения // Российская история. 2013. № 4. С. 60—79.
- Юрасов М. К.* Венгерский Аноним о «порубежье рутенов» во время «обретения родины» мадьярами в Среднем Подунавье // Русин (Кишинев). 2013. № 3. С. 21—31.
- Юрасов М. К.* Подкарпатская Русь — одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken, 2013.
- Юрасов М. К.* Роль Перемышля в борьбе Владимира Ярославича за возвращение Галича (1189—1190) // Przemyśl i ziemia Przemyska

- w strefie wpływów russich X — połowa XIV w. / *Colloquia Russica. Series II*. T. I. Kraków, 2013. C. 67—77.
- Юрасов М. К.* Попытки Мануила I Комнина найти союзников на Руси против венгерского короля Иштвана III // Проблемы славяноведения. Вып. 16. Брянск, 2014. С. 20—28.
- Юрасов М. К.* Походы войска Гезы II на Русь в 1148—1152 гг. // Средневековая Русь. Отв. ред. А. А. Горский. Вып. 11. М., 2014. С. 13—104.
- Юрасов М. К.* «Татищевское известие» о попытке вмешательства венгров в борьбу за галицкое наследство после смерти Владимира Ярославича // *Русин [Кишинев]*. 2014. № 2. С. 117—125.
- Юрасов М. К.* Когда принц Эндре (Андраш) появился при дворе Ярослава Мудрого? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 19—22.
- Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха. Борис Калманович: князь-авантюрист. СПб., 2017.
- Юсупович А.* «Перемышль, Червень и иные гралы» и их территориальная принадлежность в конце X—начале XI в. // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 27—62.
- Bláhová M., Frolík J., Profantová N.* Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. I. Do roku 1197. Praha, 1999.
- Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Poznań, 2004.
- Jenkins R. I. H.—Westerink L. G.* Nicolas I Patriarch of Constantinople. Letters / *Corpus Fontium historiae Byzantinae*. Washington, 1973.
- Király P.* A magyarok említése a 811. évi események óbolgár leírásában // Magyar Nyelv. 72 (1976). 136—148., 257—268., 408—422. I.
- Koperski A.* Cmentarzysko staromadziarskie z X w. w Przemyślu // Przemysł wczesnośredniowieczny / Pod red. E. Sosnowskiej. Warszawa, 2010. S. 365—387.
- Kristó Gy., Makk F.* Az Árpád-házi uralkodók. Budapest, 1988.
- Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. Főszerk. K. Benda. 3. kiad. Budapest, 1986.
- Makk F.* Megjegyzések II. Béla történetéhez // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica*. T. XL. Szeged, 1972. 31—49. I.
- Parczewski M.* Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków, 1991.
- Pasternak J.* A kryloszi (Galicia) magyar sírleletek // *Archaeologia Hungarica*. 21 (1937). 134—141. I.
- Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi uralkodók alatt. I. k. Budapest, 1899.

- Tóth, Sándor László. Magjegyzések a honfoglalás szakaszaihoz // Századok. 130 (1996). 877—906. 1.
- Zachorowski S. Więgierskie i polskie osadnictwo na Spiżu// Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozofyczny. T. 52. Kraków, 1909. S. 191—283.
- Zakrzewski S. Bolesław Chrobry Wielki. Lwów — Warszawa — Kraków, 1925.

Список сокращений

- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Энциклопедия — Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой и В. А. Петрухина. М., 2014.
- MGH SS rer. Germ. — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannoverae.
- SRH — Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I—II. Budapestini, 1937—1938.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Складывание западных границ Древней Руси	5
Южный и северный очаги русской государственности	5
Объединение Олегом русских земель вдоль пути «из варяг в греки».....	8
Пребывание племен Арпада в Подкарпатской Руси	14
Преемники Олега	16
Русско-венгерские отношения в эпоху освоения венграми Среднего Подунавья	22
Глава 2. Время Владимира Святославича (978—1015)	26
Экспансия Киева в западном направлении	26
Влияние процесса христианизации	29
Выход Владимира на естественные границы Руси на юго-западе.....	34
Русско-польские отношения в последние годы правления Владимира.	36
Русско-венгерские отношения в начале XI в.	40
Глава 3. Борьба за Киев после смерти Владимира и единовластье Ярослава Мудрого	44
Истребление Святополком «Окаянным» своих братьев ...	44
Ситуация на юго-западных границах Руси в период политического кризиса в Польше после смерти Болеслава Храброго	50
Бегство венгерских принцев к Ярославу Мудрому	53
Западная политика Руси в период единовластия Ярослава О русском влиянии в Венгрии при Эндре I	58
	64

Глава 4. Время Ярославичей	67
Правление в Киеве Изяслава Ярославича	67
Распад «триумвиата» и его внешнеполитические последствия	73
Западная политика Всеволода Ярославича	80
Глава 5. Святополк Изяславич и Владимир Мономах	88
Влияние фактического распада Руси на ее внешнюю политику	88
Международные последствия ослепления Василька Теребовльского	93
Святополк Изяславич и борьба за власть в Польше и Венгрии в начале XII в.	98
Неудачные попытки Владимира Мономаха выстроить собственную внешнюю политику на западном направлении	112
Глава 6. Попытки Мономаших и Всеволода Ольговича сохранить единство Руси	123
Междоусобица Володаревичей и западные соседи Руси	123
Начало борьбы Бориса Калмановича за венгерский престол	127
Русско-польские отношения в последние годы княжения Болеслава Кривоустого	131
Изменение политической ситуации в южной Руси в конце 30-х—начале 40-х гг. XII в.	134
Глава 7. Начало активного вмешательства западных соседей в междоусобия русских князей	140
Поддержка Гезой II Изяслава Мстиславича	140
Ярослав Осмомысл и Геза II	152
Попытки Мануила Комнина втянуть русских князей в конфликт с Венгрией	156
Борьба за Галич в 1187—1190 гг.	161
Роман Мстиславич и Пясты	166
Образование Галицко-Волынского княжества и западные соседи Руси	168
Глава 8. Борьба за восстановление единства Галицко-Волынской Руси	173
Распад первого Галицко-Волынского княжества	173
Начало активного вмешательства Арпадов и Пястов в борьбу за Галич и Владимир-Волынский	176

Княжение Калмана в Галиче и Мстислав Удатный	183
Княжение Мстислава Удатного в Галиче (1221—1227)	189
Новое правление венгров в Галиче	192
Накануне прихода Батыя	201
Порубежье Руси с прибалтийскими племенами в середине XII—первой трети XIII в.	205
Заключение	210
Примечания	212
Библиография	226
Источники	226
Литература	228
Список сокращений	232

Михаил Константинович Юрасов
НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ РУСИ

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 22.05.2018.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.0. Уч.-изд. л. 11.6.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 440

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

9 785020 405394

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ФГУП «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С. И. Лучицкая

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ: ИДЕЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Крестоносное движение было одним из самых важных и значимых событий в мировой истории. И вместе с тем до сих пор у нас нет четкого и ясного ответа на вопрос о том, что же такое крестовые походы. Как возникла эта идея? Кого считали крестоносцем в Средние века? Сколько было крестовых походов? Когда и почему закончились эти военно-религиозные экспедиции? Наконец, какими были культурно-исторические последствия крестоносного движения для Запада и Востока? Над этими и многими другими вопросами размышляет автор книги, пересматривая некоторые традиционные точки зрения об этой интереснейшей эпохе.

С. И. Лучицкая — историк-медиевист, изучает христианские представления об исламе, историю рыцарства и крестовых походов. Автор более ста работ по истории Средних веков и средневековой культуры.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ФГУП «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Г. А. Попова

**МАДРИД В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ОЧЕРК ИСТОРИИ**

Книга «Мадрид в Древности и Средневековье» посвящена истории города и окрестных областей (современное автономное сообщество Мадрид) с древности до середины XV века. В центре внимания автора — эпоха Средневековья, когда начинается собственно городская история испанской столицы: в IX в. на пограничных землях Аль-Андалуса была основана крепость Марджит.

В монографии создана широкая панорама городской истории: рассказывается об основании города, о мусульманском Мадриде, его отвоевании христианами и связанных с этим переменах во всех аспектах городской жизни. Речь идет о судопроизводстве и управлении, организации церковной жизни, о хозяйстве и финансах, взаимоотношениях города и округи, городской общине и ее отношениях с королевской властью. Этот последний аспект важен не только для истории Мадрида, но и позволяет расширить наши знания о внутренней политике кастильских королей. И в целом, книга представляет интерес не только как очерк в жанре локальной истории, но и в качестве комплексного исторического исследования небольшого кастильского города в эпоху Средневековья. В виде приложения в работу включен комментированный перевод на русский язык «Фуэро Мадрида 1202», самый известный текст, созданный в средневековом Мадриде.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01

Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru

199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)

119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)

101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19

142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 273-13-98; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru/>

E-mail: info@LitRAS.ru

Отдел логистики, телефон: (код 495) 932-74-71

Факс: (код 499) 143-84-24

М. К. ЮРАСОВ

НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ РУСИ

Книга М. К. Юрасова (ИРИ РАН) посвящена взаимоотношениям домонгольской Руси с западными соседями. Рождение древнерусского государства, становление его как крупной европейской державы, постепенное расширение границ неминуемо привели к тому, что контакты с соседними народами и державами становились все более сложными и многогранными. Русские князья из династии Рюриковичей от Владимира Святого до Владимира Мономаха всегда пристально следили за событиями, происходившими на западном направлении. Несмотря на то что граница с финно-балтскими племенами на северо-западе была более протяженной, главные внешнеполитические интересы русских князей на западе касались взаимоотношений с Польшей и Венгрией. Вся история Древней Руси отмечена нескончаемой чередой войн, вторжений и переговоров, интриг, заключения союзов с венгерским и польским королевствами, от этих союзов зависели судьбы Восточной и Южной Европы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»